

**МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»,
посвященной 85-летию со дня рождения
востоковеда, археолога, доктора исторических наук
Виталия Епифановича Ларичева
(27–28 сентября 2018 г.)**

УДК 902/904+94(3)
ББК 63.4+63.3
Н30

Печатается по решению Ученого совета ХакНИИЯЛИ
при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
Проект № 18-09-20054 г.

Рецензенты:
кандидат исторических наук *А. И. Поселянин*,
кандидат географических наук *Е. В. Самрина*

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор *В. Н. Тугужекова* – ответственный редактор,
кандидат исторических наук *Н. А. Данькина*,
кандидат исторических наук *Ю. Н. Есин*

Ответственный секретарь
Т. Г. Великих

Н30 **Материалы V Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий»**, посвященной 85-летию со дня рождения востоковеда, археолога, доктора исторических наук Виталия Епифановича Ларичева (27–28 сентября 2018 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2018. – 130 с.

ISBN 978-5-7091-0808-0

УДК 902/904+94(3)
ББК 63.4+63.3

ОГЛАВЛЕНИЕ

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

<i>Тугужекова, В. Н.</i> Виталий Епифанович Ларичев (к 85-летию юбилею доктора исторических наук, востоковеда, археолога, астроархеолога)	4
<i>Ларичев, В. Е., Паршиков, С. А., Гиенко, Е. Г.</i> Петроглифы святилища Красный камень	11
<i>Гиенко, Е. Г., Паршиков, С. А.</i> Связь петроглифических композиций Северной Хакасии с астрономически значимыми направлениями	27
<i>Марсадолов, Л. С.</i> Астроархеологические аспекты древних каменных изваяний Южной Сибири	34
<i>Полякова, О. О.</i> Методики астроархеологических исследований	42
<i>Matsumoto, Keita</i> Diversity or Uniformity in the Eurasian Steppes in the beginning of the Early Nomadic Cultures	46
<i>Ковалева, О. В.</i> Особенности изобразительного искусства в эпоху поздней бронзы от Северной Азии до Европы	49
<i>Li, Yingfu.</i> China's ancient ironware and the origin of chinese iron smelting technology	55
<i>Osawa, Takashi.</i> An attempt at interpretation of the South-Yeniseian runic inscription in Khakassia (The third inscription on the Turan Mountain)	58
<i>Есин, Ю. Н.</i> О сходстве тамг енисейских кыргызов и правителей Западно-Тюркского каганата	65
<i>Скобелев, С. Г., Проталинская К. Н.</i> Дипломатические отношения между кыргызским каганатом и империями Тан и Ляо: археологические свидетельства на севере Хакасии	73
<i>Харин, В. В.</i> Сохранить культурное наследие	79

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

<i>Валеев, Р. М., Василюк, О. Д., Валеева, Р. З., Мартынов, Д. Е.</i> А. Е. Крымский: тюркологическое и эпистолярное наследие (1896 – 1942)	86
<i>Мартынов, Д. Е., Валеев, Р. М., Мартынова, Ю. А.</i> Хакасские дневники Н. Ф. Катанова 1890–1891 гг.: структуры, сюжеты и содержательные особенности	91
<i>Warikoo Kulbhushan.</i> Khakassia and India: historical cultural linkages	94
<i>Чертыхов, В. К.</i> Н. Я. Бичурин и его сведения по истории хакасов-кыргызов	97
<i>Кимеев, В. М.</i> Этнокультурное мифотворчество в современной Горной Шории	102
<i>Сумба, Р. П.</i> О рукописи на тибетском языке «Обряд воскресения (сан салыр) и жертвенное подношение горе Танну»	104
<i>Чебодаева, М. П.</i> История изучения хакасской народной вышивки (XVIII – начало XX вв.)	107
<i>Абдина, Р. П.</i> Заимствованные слова в лексике хакасской традиционной одежды	115
<i>Тензин, Ч. М-Х.</i> Трансформация института семьи на востоке России (по результатам социологических исследований в Республике Тыва)	117
<i>Степанов, М. Г.</i> Репрессированная астрономия	120
<i>Барабаш, В. П.</i> Государственная политика в развитии профессионального музыкального образования в Южной Сибири в XX в.	124

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

В. Н. Тугужекова

ВИТАЛИЙ ЕПИФАНОВИЧ ЛАРИЧЕВ
(к 85-летию юбилею доктора исторических наук, востоковеда,
археолога, астроархеолога)

В статье раскрываются основные вехи жизненного пути востоковеда, археолога, педагога Виталия Епифановича Ларичева. Большое внимание

уделено исследованию им горной гряды «Сундуки» как астроархеологического объекта.

Ключевые слова: астроархеология, петроглифы, Хакасия, палеолит, древние поселения.

V. N. Tuguzhekova

VITALY EPIPHANOVICH LARICHEV
(to the 85th anniversary of Historical sciences Dr, orientalist,
archaeologist, astroarchaeologist)

The article describes the main milestones of the livepath of orientalist, archaeologist, teacher Vitaly Epiphonovich Larichev. Much attention is paid for

research studying of the mountain ridge «Sunduki» as an astroarchaeology object.

Key words: astroarchaeology, petroglyphs, Khakassia, Paleolithic period, ancient settlement.

12 декабря 2017 г. Виталию Епифановичу Ларичеву исполнилось бы 85 лет. Его не стало 2 июня 2014 г., прошло более 4-х лет, как его нет с нами. Но на Сундуках мы ощущаем его присутствие и сегодня.

движением Солнца, Луны и других космических объектов.

Еще весной 2014 г. он собирался приехать в Хакасию на Сундуки, а осенью мы собирались поехать в южную часть республики для поиска древних поселений. В мае 2014 г. С. А. Паршиков по просьбе Виталия Епифановича прислал статью «Петроглифы святилища Красный камень», который мы опубликовали в материалах нашей конференции. Когда я с ним разговаривала в марте – апреле 2014 г., он говорил о том, что его приходил попрощать академик А. П. Деревянко, который всегда поддерживал Виталия Епифановича в его исследованиях на Сундуках. Виталий Епифанович с теплотой вспоминал эту встречу, ему Анатолий Пантелеевич сказал, что его пока не все понимают, потому что он опережает время, люди в будущем будут мыслить иначе. Очень созвучно его интервью в «Науке Сибири» в августе 2013 г. «Исповедь путешественника во времени»¹. Лично для меня это так. Мне кажется, что он когда-то в древности жил здесь и был одним из жрецов, которые вели наблюдение на астрономических объектах за

Хакасия – это уникальный регион Северной Азии по концентрации древних памятников. Среди этих памятников Сундуки – великий сакральный центр северной Хакасии². Именно северу Хакасии, предгорьям Кузнецкого Алатау посвятил более 40 лет своей жизни В. Е. Ларичев. Как отметил С. В. Алкин, его ученик, именно север Хакасии стал местом интенсивного научного поиска археолога. Именно здесь на берегах Белого Июса, в полной мере раскрылся потенциал исследователя. Образ реки Времени пронизывает все творчество В. Е. Ларичева. Одним из его символов стали «Сундуки» на Белом Июсе³.

А с чего все началось? По воспоминаниям самого Ларичева – любовь к чтению породило детские фантазии, пристрастия, порожденные книгами. В школьные годы читал запоем все, что находил в семейной, школьной, хуторской и станичной библиотеках. Родом из донских земель, а там всегда любили и ценили знания. Это он, вольнолюбивый край, породил великого Шолохова, станица которого, Вешенская, находился в нескольких десятках километров от станицы Глазуновской, родового гнезда В. Е. Ларичева. Любовь к чтению, как вспоминал

Ларичев, видимо, генетически заложенная черта, ибо никогда и никем не принуждался к чтению насильственно. Согласно семейным преданиям, дед по матери, Степан Емельянович Мельников, был юморист, хитроумный выдумщик, изобретатель всяческих неожиданных прилад по домашнему хозяйству и страстный любитель чтения. Он частенько будоражил семейство глубокой зимней ночью, несдержанно шумно выражая впечатления от прочитанного с теплой русской печи, где устраивался спать с керосиновой лампой и зеркалом, усиливающим тусклый свет. Бабушка ворчала: «Да что уж там такое вычитал, чтобы так хохотать! Покоя от тебя нет ни днем, ни ночью...». Матушка Виталия Епифановича, Анна Степановна, не владела грамотой до середины 1930-х годов, но успешно освоила ее, усердно посещая ликбез. Первые книги, прочитанные ею, были: «Рассказы о животных» Сетон-Томпсона, «Сказки дядюшки Римуса» (очаровательные, полные тонкого юмора повествования о братьях меньших) и суровый роман из жизни шахтеров Франции «Жерминаль» Эмиля Золя.

У деда со стороны отца, Кирилла Семеновича, было три сына. Старший, отец Виталия Епифан Кириллович, взял на себя землепашное бремя, помогая получению высшего образования младшими братьями – Владимиром и Прокопием. Из них первый был тем, кто формировал общесемейную библиотеку. Она концентрировалась у брата старшего. Книги ее стали для Виталия Епифановича первым наставляющим на жизнь началом, духовно-нравственным, дополняющим и подправляющим «домостроевские» установки донского казачества⁴.

Уже с детства Виталий Епифанович увлекся путешествиями в разные уголки земли от девственных лесов Амазонки до путешествий мореплавателей во льды Арктики и Антарктики. С благодарностью Виталий Епифанович вспоминал учительницу русского языка Лидию Сергеевну Китицину и учителя физики и астрономии Петра Леонтьевича Соляника. Он приобрел телескоп Максудова и ученик 10 класса Ларичев влюбился в астрономию и эта любовь осталась с ним до конца его жизни. По наставлению учителя истории В. Е. Ларичев поступил в Ленинградский университет на Восточный факультет на кафедру «Истории Дальнего Востока», учился в группе «История Китая»⁵.

Учеба в университете и академическая среда сформировала у молодого Ларичева необычайную широкую общеисторическую эрудицию и глубочайшие знания. Знакомство с известным археологом, с будущим академиком

А. П. Окладниковым определила его научный интерес.

В 1955 г. выпускник кафедры истории Дальнего Востока исторического факультета ЛГУ был распределен во Владивосток, в отдел истории Дальневосточного филиала СО АН СССР на должность лаборанта. Выпускника В. Е. Ларичева «окраина земли русской» не пугала. Он уже был хорошо знаком с ней благодаря своему учителю – А. П. Окладникову, занимавшемуся древней историей «Азии далекой и таинственной», в экспедициях которого был бессменным участником, успевшим поработать в Средней Азии и на Лене, на Енисее и на Амуре, на берегах Тихого океана. Вскоре он был принят в аспирантуру в Институт истории материальной культуры Ленинградского отделения АН СССР, где окупился в изучение древностей России, Китая, Японии, Кореи. Плодом его исканий стал труд «Древние культуры Северо-Восточного Китая», и ныне остающийся образцом источниковедческого поиска, историографического понимания и постановки археологических проблем. В докторской диссертации «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии», над которой ученый трудился одиннадцать лет, он не только создал концепцию «азиатской» археологии, но и обозначил вехи, по которым должна развиваться эта область науки. Однако Виталия Епифановича волновали не только китайские древности. Его страстью оставалась «тайна каменных черепаш», несущих стелы с эпитафиями, обнаруженных первопроходцами И. А. Лопатиным и П. Кафаровым вблизи с. Никольское (ныне Уссурийск) и раскопанных Ф. Ф. Буссе⁶.

Первые два десятилетия своей деятельности Ларичев вел исследования в рамках традиционной археологии – принимал участия в полевых экспедиционных исследованиях на территории Приморья, Приамурья (раскопки поселений Осиповка и Кондон; копирование Архаринской писаницы), в Амурской области (разведывательные работы по Амуру и Зее), в Забайкалье (разведывательные работы в долинах Ингоды и Шилки, а также на севере Читинской области) и Прибайкалье (раскопки неолитических поселений и могильников в районе Свирска и Рютино), в Красноярском крае (раскопки Ачинского поселения), в Хакасии (раскопки поселения Малая Сья), в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, а также в Монголии и на Алеутских островах (Первая русско-американская археологическая экспедиция 1974 г.).

Помимо того, в 1950–1970-е гг. значительное внимание его занимали проблемы первоначального освоения человеком территории Китая, Монголии, Кореи, Японии, а также Сибири и Северной Америки. Он в деталях проследил процесс исследования ранних культур этих регионов Азии на протяжении около 100 лет, рассмотрел становление и развитие основных гипотез и теорий, которые разрабатывались археологами и палеонтологами Европы, Азии и Америки на протяжении века. Его перу принадлежат издания, посвященные детальному анализу индустрий культур древнекаменного века Северо-Восточного, Северного и Северо-Западного Китая, Монголии, северной Кореи и Японии. В поле его внимания находились также памятники и культуры эпох неолита и бронзы Северо-Восточного Китая и Северной Кореи.

Тогда же В.Е. Ларичев увлеченно занимался изучением древней и средневековой истории русского Дальнего Востока и прилегающих к нему районов Северо-Восточного Китая. В этом плане интерес представляют написанные им очерки политической и культурной истории народов Приморья, Приамурья и Маньчжурии, которые обитали в бассейнах рек Нонни, Туманган, Сунгари, Усури и Амура в III–IV вв. до н.э. и в последующее время, вплоть до XIII в. н.э. (сушень, илоу, уцзи, бохайцы, кидани и чжурчжэни, аборигены Среднего и Нижнего Амура, а также Сахалина и Камчатки).

Востоковедные исследования в СО РАН велись с момента его образования (1957), но именно Ларичев и возглавляемый им сектор Истории и археологии стран зарубежного Востока придали этому направлению новый импульс. На юбилейной конференции в 2002 г., посвященной 70-летию В.Е. Ларичева и 30-летию, возглавляемого им сектора, академик А.П. Деревянко говорил о достижениях и перспективах сектора⁷.

С 1972 г., то есть с самого первого года возобновления издания в КНР археологической периодики, библиотека ИИФиФ получала все центральные и многие местные журналы. Параллельно собирались и японские периодические издания по археологии. За счет такой продуманной политики библиотека (которой руководила тогда З.В. Бородина), начавшись практически с нуля, имеет сейчас одно из лучших в России собраний литературы по древним культурам Восточной Азии.

В результате за прошедшие годы сотрудниками сектора было издано более пяти десятков

книг и сборников статей по указанной тематике. Общая библиография научных, научно-популярных публикаций содержит свыше полутора тысяч наименований, среди которых можно выделить следующие крупные блоки: палеолит Китая (В.Е. Ларичев) и Японии (В.Е. Ларичев, Б.Г. Григоренко); культуры каменного века Корейского полуострова (В.Е. Ларичев) и другие направления. В.Е. Ларичев также изучал историю отечественного востоковедения, в частности, посвятил ряд крупных работ о Палладию (Кафарову), Г.Ц. Цыбикову, Н.К. Рериху и Ю.Н. Рериху. Большинство исследований сектора вошло в состав серийного издания «История и культура востока Азии» (ИКВА), первый том которого (посвященный Тибету) вышел в свет в 1972 г.⁸ Уже издано более 40 томов этого серийного издания сектора.

Заботился В.Е. Ларичев и подготовкой кадров. Поэтому практически одновременно с созданием сектора началось обучение молодых специалистов со знанием китайского и японского языков на гуманитарном факультете Новосибирского госуниверситета. В настоящее время эту деятельность успешно продолжают ученики Виталия Епифановича, которого с полным правом можно назвать патриархом новосибирской синологии и востоковедения в целом. Им, в частности, создана особая научная школа археологического востоковедения, деятельность которой связана и со средневековой тематикой⁹.

В секторе Ларичевым был создан Северо-Хакасский археологический отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции для изучения древних памятников северной Хакасии в долинах рек Белого и Черного Июса.

Именно Хакасия сделала в судьбе научного поиска Виталия Епифановича новый поворот – началась его астроархеологическая эпопея. Работы в Хакасии начались с раскопок Ачинской стоянки (1972). Вот, что вспоминал сам Ларичев: «По настоящему судьбоносным считаю редкостную удачу раскопок Ачинской стоянки в начале 1970-х гг. Древность памятника восходит к 19 тыс. лет от наших дней. В пределах его удалось обнаружить загадочного назначения сооружение из костей вымерших животных, очаги, которые отапливались каменным углем (!) и, главное – предмет искусства, изготовленный из бивня мамонта, жреческий «жезл», «украшенный» двумя спиральными лентами. Они заключали в себе более тысячи луночек, числовых знаков, образующих остроумную арифметическую систему счисления времени лунными трехлетиями. С тех пор я стал предста-

вителем «неформатной археологии», «непопулярной научной традиции», которую неудобный для авторитетов основатель ее, князь Павел Арсентьевич Путятин, назвал в середине 80-х гг. XIX в. астроархеологией или, в ином варианте, космической археологией»¹⁰.

Затем раскопки поселения Малая Сыя (1976–1979). Об этих раскопках со слов Ларичева: «Звездный час», правда, шумно скандальный, связанный с открытиями в этой сфере, пришелся на конец 70-х гг. прошлого века, когда я начал раскопки поселения Малая Сыя в Северной Хакасии. Они неожиданно для всех удревели начало освоения Сибири Homo sapiens примерно на 10 тыс. лет, чем предполагалось прежде (событие это вышло за пределы 30 тыс. лет!), а сама культура весьма озадачила очевидной, кажется, невероятностью – наличием своеобразных из камня предметов искусства. Обнаружение таких не предполагалось в Сибири, как считалось, медвежье глухой периферии расселения «людей разумных» Евразии. Возбуждающая негодование авторитетов хронология памятников, а в особенности – нетривиальная интерпретация образов древнейшего в Азии искусства дорого стоили мне. Раскопки Малой Сыи были насильственно прерваны, памятник и материалы его скомпрометированы, и у меня нет никакого желания вдаваться в детали научной драмы хотя бы потому, что теперь такого же возраста стоянки стали известны в других регионах Сибири, а при раскопках их тоже удалось обнаружить предметы искусства. Нет желания еще и потому, что, как историограф палеолита знаю, с какой иезуитски изворотливой неприязнью воспринимало научное сообщество XIX и начала XX вв. каждый новый шаг в «дикое-варварское» прошлое человечества, которое вовсе не было таким уж диким. Героям и жертвам отошедших в прошлое научных трагедий я посвятил несколько книг, но теперь хотелось бы переписать их поучительные биографии заново, сделав повествования прочувствованнее, с учетом личного горестного опыта»¹¹.

Мы с Виталием Епифановичем мечтали о находке в Хакасии более древних поселений, чем те которые найдены в Сибири. Даже планировали осенью 2014 г. совершить экспедицию в южные районы республики.

Именно Малая Сыя подтолкнула Ларичева к дальнейшему изучению долины реки Белого Июса, образующих уникальную Июскую котловину, с прилегающими предгорьями Кузнецкого Алатау, над которыми возвышаются горная гряда – Сундуки. Над ними возвышается

Первый Сундук. Издалека похожий на корабль пришельцев, птицу, а ближе – Сундук, хранящий древние знания. В.Е. Ларичев считал, что древние жрецы эту живописную возвышенность Сундуки воспринимали в качестве земной ипостаси Мировой горы. Эта гора и прилегающие к ней территории превращались в сакральное место. Оно обустроивалось в строгом согласии с религиозно-культовыми канонами жречества¹².

Дальнейшие исследования этой котловины показали, что такого же величия объекты рассредоточились и в ближайших окрестностях Сундуков, четко очерчивая по периметру границы всей заболоченной котловины поселков Июс, Малое Кобежиково, Фыркал, Кобяково, Соленоозерное, Черноозерное и Подлиственки¹³.

В новой области исследования – астроархеологии – Виталий Епифанович привлекал астрономов, геодезистов, математиков. Так, в 1984 г. по приглашению В.Е. Ларичева в экспедиции участвовали преподаватели НИИГАиК (Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, сейчас СГГА, Сибирская государственная геодезическая академия) Г.С. Шептунов, В.Н. Комиссаров, Г.Ф. Серкин во главе с В.А. Меркушевым – зав. кафедрой астрономии и гравиметрии.

С 1985 г. начались работы по астрономо-геодезическому обследованию Пятого Сундука. Группа студентов НИИГАиК под руководством В.Н. Комиссарова выполнила детальную топографическую съемку всех обнаруженных объектов. Г.Ф. Серкин выполнил определение опорного астрономического азимута по наблюдению Полярной и Солнца, а затем панорамы дальнего горизонта с определением астрономических азимутов всех точек его от юго-востока до северо-запада. При этом было отмечено, что все астрономически значимые события: восход зимнего солнца и его закат, а также заход летнего Солнца хорошо привязываются к заметным объектам на горизонте. Район исследований расширился: выполнялись работы на Первом сундуке, затем были вылазки на Белую Лошадь и на могильник в районе с. Копьево. Так начиналась сибирская астроархеология.

В 1989 г., в связи с большой загруженностью по основной работе, Г.Ф. Серкин передал свои обязанности Г.С. Шептунову, а после его безвременной кончины этот труд взяла на себя Е.Г. Гиенко (с 2003 г.). С 1997 по 2013 г. в экспедиции выезжал Д.А. Севостьянов, врач и фотограф, по совместительству исследователь петроглифов и повар. С 2005 г. активное участие в исследованиях и их организации принимает

С. А. Паршиков. Кроме археологов, астрономов и геодезистов, в экспедициях работали художники, фотографы, специалисты по лазерному сканированию и студенты-практиканты. Много разных людей собиралось в гостеприимном экспедиционном лагере – посмотреть, пообщаться, поучиться... Приезжали и работали в лагере добровольные помощники, для которых было важно общение с Виталием Епифановичем, и интересные окружающие места¹⁴.

При обследовании горных массивов в округе Первого Сундука в 1986 г. Ларичев на склоне горы Солбан обнаружил святилище эпохи палеолита «Белую лошадь». Это святилище так занимало Виталия Епифановича, что он посетил его в зимнее солнцестояние (по предварительным астрономическим расчетам, от Белой лошади над первым Сундуком должен был наблюдаться восход зимнего Солнца). Темным ранним и морозным утром, через сугробы по пояс, Виталий Епифанович пробрался по полочке к рисунку. Говорил, что больше всего боялся, что погода испортится. Но ему повезло, проверка гипотезы опытным путем состоялась. Кроме того, возможно, он почувствовал ощущения древнего человека, изобразившего эту Белую лошадь¹⁵. В 1992 г. вышла его книга «Белая лошадь» – святилище древнекаменного века Хакасии¹⁶. Ларичев предполагал, что древнее святилище «Белая лошадь» была для жрецов настоящей астрономической обсерваторией. Зодиакальный пояс, в пределах которого двигалось на определенном расстоянии от Земли и друг от друга Солнце, Луна и планеты, представлял собой главное структурное звено в той картине мироздания, которую воссоздало палеолитическое жречество.

Святилище «Белая лошадь» представляло лишь одно звено в сложной сети астропунктов, с которых в долине Белого Июса эпохи палеолита велись наблюдения за Небом. Возраст этого святилища от 18 тыс. до 32 тыс. назад¹⁷.

Краткий обзор более чем 30-летней деятельности В. Е. Ларичева в астроархеологических экспедициях написали Елена Геннадьевна Гиенко, кандидат технических наук и Герман Федорович Серкин, доцент кафедры высшей математики СГГА «В память о В. Е. Ларичева. Астроархеологические изыскания в Северной Хакасии» (2014)¹⁸.

Сам В. Е. Ларичев о своих особо приятных достижениях в долине Белого Июса говорил: «Я бы упомянул открытие в Хакасии скального храма раннего железного века с многофигурными картинами героического эпоса. Они

удревнили это выдающееся культурное явление, свидетельство начала формирования ранней государственности у народов юга Сибири, почти на тысячу лет (II век до н. э., а не VII–VIII н. э., как считалось ранее)¹⁹.

Этот уникальный памятник Ларичев открыл у подножия четвертого Сундука, он на несколько веков удревнил истоки богатырских сказаний сибирских народов. Ларичев по наскальным рисункам создал целый героический эпос, повествовавший о герое-богатыре, который совершал подвиги. Сказ начинался, как и полагается по канонам героического эпоса народов мира, с трагической сцены убийства отца будущего богатыря врагами. Его же самого, еще ребенка, спасла от смерти мать, которой удалось убежать от преследующего ее воина-чужеземца. Последующие «картины» рассказывали, как хрупкий и почти безоружный подросток победил могучего богатыря, за что благодарные соплеменники в лице глубокого старца вручили ему традиционные атрибуты народного героя-освободителя – лук, кинжалы и, очевидно, шлем. Финальная сцена из жизни богатыря тем не менее печальна. Он, предприняв рискованное путешествие в дальние края, холодные и засыпанные снегом, попал с товарищем в засаду и погиб.

Однако на этом приключения эпического героя не закончились. «Картины» нижнего уровня писаницы святилища рассказывают о том, как он, оказавшись после смерти в преисподней, с честью, достойной настоящего воителя, преодолевал одно за другим препятствия мира чудовищ, устрашающих духов и великих божеств края смерти и мрака. В конечном счете ему удалось вырваться из хоровода человекообразных существ и выйти из преисподней в полном рыцарском облачении, готовым на новые подвиги²⁰.

В пределах Первого Сундука за годы исследований было обнаружено и исследовано множество астроархеологических памятников, предназначенных для отслеживания Солнца, Луны и других планет.

Обзор большинства памятников первого Сундука сделан В. Е. Ларичевым и его соратниками в статье «Сундуки – великий сакральный центр Северной Хакасии» в сборнике научных трудов симпозиума по астроархеологии, проведенный совместно с ХакНИИЯЛИ в 2008 г. Первый Сундук представлял собой в древности грандиозный комплекс отслеживания небесных явлений в течение всего года и мифологически оценивался в качестве Мировой горы²¹.

В августе 2008 г. в Хакасии впервые в Сибири был проведен полевой семинар «Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии» по инициативе и под руководством В.Е. Ларичева²². В данном мероприятии участвовали ведущие астроархеологи России Т.М. Потемкина, В.Е. Ларичев, Л.С. Марсадалов, Е.А. Окладникова и др.

Так, впервые в мае 1994 г. под руководством Тамилы Михайловны Потемкиной, в Институте археологии РАН состоялся в России круглый стол по вопросам астроархеологии, на который были приглашены исследователи, занимавшиеся изучением проблем древней астрономии, среди которых А.А. Гурштейн, С.В. Житомирский, Э.Н. Кауров и др. Участники отметили, что археоастрономия – новейшее направление науки на стыке археологии и истории астрономии²³. Следует отметить, что выступал археолог И.Л. Кызласов с докладом «Туимский кромлех – образ Вселенной», посвященный истолкованию уникального энеолитического памятника на севере Хакасии, исследованного в 1984 г. Хакасской экспедицией МГУ (руководитель проф. Л.Р. Кызласов). Туимский кромлех – единственный не только в Хакасии, но и вообще в Сибири. Это кольцо диаметром около 82 м, состоящее из вертикально врытых по кругу через 8–9 м. гранитных менгиров высотой от 0,6 до 1,2 м, расположено в долине речки Туим. Посередине кольца – земляная пирамида, высотой до 3 м. В ее основании – квадратная ограда, с длиной сторон 16×16 м, из врытых на ребро каменных плиток. Сторонами ограда ориентирована на ССЗ, ЗЮЗ, ЮЮВ, ВСВ. По углам ограды и пирамиды стоят гранитные менгиры высотой до 0,6 м.

На восток-северо-восток от пирамиды отходили как бы ворота из шести менгиров (по три с каждой стороны). После снятия земляной насыпи в основании ограды обнаружены перекрещивающиеся по диагоналям «дорожки» из уложенных плашмя плит. Возле их перекрестка – погребение женщины в каменном ящике. На плитах его стенок обнаружены рисунки быков и хищников.

Геометрические фигуры раннего энеолита несли определенную символику. Они могут быть истолкованы как воспроизведение Вселенной (кольцо из менгиров), Земли, ограниченной горными хребтами со священными вершинами по углам (квадратная ограда с менгирами по углам). В центре Земли расположена мировая гора (зем-

ляная пирамида). Ниже лежит подземный мир, мир мертвых.

Очевидно обитателям Южной Сибири эпохи энеолита были свойственны представления о вертикальной оси вселенной, о трех ее великих мирах: небесном (верхнем), земном (среднем) и подземном (нижнем). Своеобразные «ворота» из шести менгиров по расположению точно совпадают с продольной осью центральной могилы (каменный ящик 4) направленной на восток-северо-восток по азимуту 73°23'. Это практически соответствует направлению на восходящее солнце в день летнего солнцестояния.

Таким образом, «ворота» указывали направление на восток душам умерших людей, уже «улетающим» в верхний мир.

Предметы, обнаруженные при раскопках «кромлеха», сделаны из камня, кости, зубов животных и глины. Следов металла нет. Это из выступления И.Л. Кызласова²⁴.

Следует отметить, что Туимский кромлех находится в Июсской котловине, восточнее от Сундуков. Кромлехом интересовались всегда шаманы и космисты, так автор с московскими космистами был там, по просьбе Виталия Епифановича, где-то в 2005 г. Их интересовали древние мегалиты, стоящие в кольце.

В 2009 г., объявленном Генеральной ассамблеей ООН и ЮНЕСКО «Всемирным годом астрономии» по случаю 400-летия телескопической астрономии, в Казани был проведен научный форум «Археоастрономия в России: новые исследования», одним из организаторов была Т.М. Потемкина. Материалы форума опубликовал наш институт в 2012 г.²⁵ В сборнике опубликована статья В.Е. Ларичева и его команды «К проблеме становления астрономии и календаристики в древних культурах Северной Азии (Западная Сибирь, Хакасия)». Виталий Епифанович датирует, астрокомплексы наблюдения Солнца, сооруженные в Южном каньоне Первого Сундука эпохой бронзы, II тысячелетием до н.э.²⁶ Он отмечает, что эти астрокомплексы свидетельствуют о высоком уровне наблюдательной астрономии и календаристики жречества культуры палеометалла середины II тысячелетия до н.э.²⁷

Экспедиция В.Е. Ларичева, которая на протяжении долгих лет, работавшая на гряде Сундуки, постепенно уходила на запад. В 2005 г. был найден памятник, названный Ларичевым – Храм сотворения Вселенной. Расшифровка, которого потребовала несколько лет труда. На прикрытых скальным козырьком каменных плоскостях Храма Сотворения Вселенной

развернута композиция рисунков, составляющих по смыслу уникальную в художественном творчестве древних сибиряков иллюстрацию хорошо известного в индоевропейской космогонической мифологии сюжета о чудесном появлении из яйца, плавающего в первозданном мировом океане, творца Вселенной, управляющего материализованным его усилиями Миром. Как считал Виталий Епифанович, информации, заложенной в данной композиции, хватит для написания целой книги. Исследования Храма еще окончательно не завершены; популярное изложение Виталия Епифановича в публикациях в газете «Наука в Сибири»²⁸. В 2007 г. вышла его статья «Священный трактат, исполненный в камне», в которой он делает небольшой экскурс по Сундукам от «Мировой горы» до храма Сотворения Мироздания, и заканчивает: «Египетские пирамиды всегда были синонимом великих достижений предков в становлении протонаук и духовных канонов. Сибирские Сундуки, сотворенные Природой и чрезвычайно остроумно, особенно без больших усилий обустроенные древними людьми, заслуживают не меньшего почитания. Первобытный человек азиатского Севера сделал это задолго до появления на берегах Нила рукотворных феноменов – во мраке полутора десятков тысячелетий древнекаменного века, когда в котловине Июса бродили мамонты и шерстистые носороги»²⁹.

Последние годы экспедиции В.Е. Ларичева исследования велись на Саратовском Сундуке. Виталий Епифанович планировал подготовить монографию по Саратовскому святилищу, даже отправлял мне макет. Но не успел. Его команда продолжает эту работу. Уже после смерти В.Е. Ларичева издана статья «Тень Бога и иконография Зурвана»³⁰.

Более подробно об итогах работы последних лет сообщит Елена Геннадьевна Гиенко, которая в экспедициях с В.Е. Ларичевым была с 2003 г.

Вот уже 4 года как нет с нами Виталия Епифановича Ларичева – выдающегося российского ученого, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН, академика РАН, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Его по праву можно назвать первым советским и российским астроархеологом. Виталий Епифанович дал дорогу журналу «Archaeoastronomy and Ancient Technologies» (AaAtec), став его главным редактором. Им написано и издано более 30 монографий, около 600 статей. Он был блестящим популяризатором науки. Человеком, который любил и прославлял нашу Хакасию. За свою работу республиканским Советом старейшин хакасского народа В.Е. Ларичев в 2013 г. был награжден орденом «За благие дела».

В течение более тридцати лет В.Е. Ларичев был руководителем летних экспедиций в северной Хакасии, где на относительно небольшом участке в долине р. Белый Июс (20 и 30 км) сосредоточена масса памятников древней культуры разного времени. Главная задача исследований состояла в выявлении «астрономических аспектов» древних культур – того, как предки воспринимали мир, структурировали его и объясняли происхождение; как исчисляли время и жили в соответствии с движением светил. Люди древности (жрецы) уделяли огромное внимание небесной механике. Они просчитывали движения планет, могли предсказывать солнечные и лунные затмения, что давало им огромную власть над соплеменниками.

Благодаря исследованиям В.Е. Ларичева, Северная Хакасия – это древний жреческий центр Евразийского пространства. Эту уникальную Июсскую долину нужно сохранить для потомков. Виталий Епифанович мечтал о создании Национального Июсского парка: от Малой Сьи до Сундуков. Хотелось бы, чтобы его мечта осуществилась.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Плотников, Ю.* Исповедь путешественника во времени (интервью с В.Е. Ларичевым) // Наука в Сибири, 2013, 8 августа.
2. *Ларичев, В.Е.* и др. «Сундуки» – великий сакральный Центр Северной Хакасии (мифологическое, эпосное и естественно-научное в культовых памятниках древних культур юга Сибири, совмещенных с творениями природы) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. История и культура Востока Азии / В.Е. Ларичев [и др.] / отв. ред. В.Е. Ларичев. – Красноярск, 2009. – С. 73, 74.
3. *Алкин, С.В.* Реки времени в научном поиске В.Е. Ларичева на территории Северной Хакасии // Астрономические методы исследований археоастрономических объектов горной гряды «Сундуки» и других исторических объектов: материалы Всероссийского полевого семинара. – Новосибирск, 2016. – С. 14.
4. *Плотников, Ю.* Выше указ. соч.
5. См. биографию В.Е. Ларичева: К 70-летию юбилею Виталия Епифановича Ларичева //

- История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции. – Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.; Новосибирск, 2002. Т. 1, с. 6–10; Комисаров С.А., Алкин С.В., Пиков Г.Г., Делидчик А.Е. К 80-летию со дня рождения доктора исторических наук В.Е. Ларичева, действительного члена РАЕН, Заслуженного работника науки РФ // Вестник НГУ. Т. 11. – Вып. 4, 2012: Востоковедение, с. 219–224; Дьякова О.В. Верность делу (к юбилею В.Е. Ларичева) // Вестник ДВО РАН, 2013. – № 1, с. 203–204 и др.
6. Ларичев, В. Тайна каменной черепахи (Документальная повесть об одном археологическом поиске). – Новосибирск, 1966. – 254 с.
 7. Деревянко, А.П. Сектору истории и археологии стран зарубежного Востока – 30 лет. Достижения прошлого и перспективы настоящего // История и культура Востока Азии. Т. 1. – С. 11–14.
 8. Деревянко, А.П. Выше указ. соч., с. 12.
 9. Комиссаров, С.А. и др. Указ. выше соч., с. 222.
 10. Плотников, Ю. Указ. соч.
 11. Выше указ. соч.
 12. Ларичев и др. «Сундуки – великий сакральный центр Северной Хакасии». – С. 74.
 13. Там же.
 14. Гиенко, Е.Г., Серкин, Г.Ф. В память о В.Е. Ларичеве. Астроархеологические изыскания в Северной Хакасии // *Archeoastronomy and Ancient Technologies*. 2014, 2(1), с. 136, 137.
 15. Выше указ. соч., с. 139.
 16. Ларичев, В.Е. «Белая лошадь» – святилище древнекаменного века Хакасии. – Новосибирск, 1992. – 100 с.
 17. Ларичев, В.Е. «Белая лошадь», с. 89, 91.
 18. Гиенко, Е.Г., Серкин, Г.Ф. Указ. выше соч. – С. 134–156.
 19. Плотников, Ю. Интервью с В.Е. Ларичевым.
 20. Ларичев, В.Е. Древо познания. Беседы о мире и человеке. – М., 1985. – С. 54, 55; он же. Древнейший богатырский эпос Сибири. Наука в Сибири, 2006, 3 марта.
 21. Ларичев и др. Сундуки... – С. 88.
 22. См.: Астроархеология... Сборник научных статей. Красноярск, 2009, 200 с.
 23. Кауров, Э.Н., Потемкина Т.М. К вопросу о состоянии археоастрономии в России (По материалам круглого стола «Археoaстрономия и археология: проблемы взаимодействия». – М., 1994) // *Российская археология*, 1995. – № 3. – С. 240.
 24. Выше указ. соч. – С. 244.
 25. Археoaстрономия в России: новые исследования. – Абакан, 2012. – 128 с.
 26. Ларичев, В.Е. и др. К проблеме становления астрономии и календаристики в древних культурах Северной Азии (Западная Сибирь, Хакасия) / В.Е. Ларичев [и др.] // *Археoaстрономия в России...* – С. 108.
 27. Выше указ. соч. – С. 111.
 28. Ларичев, В.Е. Храм «Сотворение мироздания». Наука в Сибири, 2005, 2 сентября; он же «И ступил он на звездную твердь». Науки в Сибири, 2006, 19 октября.
 29. Ларичев, В.Е. Священный трактат, исполненный в камне // *Восточная коллекция*, 2007. – № 3. – С. 110–116.
 30. Ларичев, В.Е., Паршиков, С.А., Гиенко, Е.Г. Тень Бога и иконография Зурвана // *Archeoastronomy and Ancient Technologies*, 2015, 3(2). – С. 1–22.

В. Е. Ларичев, С. А. Паршиков, Е. Г. Гиенко

ПЕТРОГЛИФЫ СВЯТИЛИЩА КРАСНЫЙ КАМЕНЬ

На основании анализа стилистики и семантики изображений петроглифической композиции святилища Красный камень Бейского района Хакасии предложена относительная хронология

создания петроглифов и их космогоническая семантика.

Ключевые слова: петроглифы, символика, семантика.

V. E. Larichev, S. A. Parshikov, E. G. Gienko

PETROGLYPHS OF RED STONE SANCTUARY

On the basis of analysis of stylistics and semantics of the petroglyphic composition images at the Red Stone Sanctuary from the Beisky district in Khakassia the relative chronology of the creation of

the petroglyphs and their cosmogonic semantics is provided.

Key words: petroglyphs, symbolism, semantics

Введение

В окрестностях поселения Усть-Сос (Бейский район Республики Хакасия) на вершине горы Красный Камень расположено святилище окуневской культуры, представляющее собой два

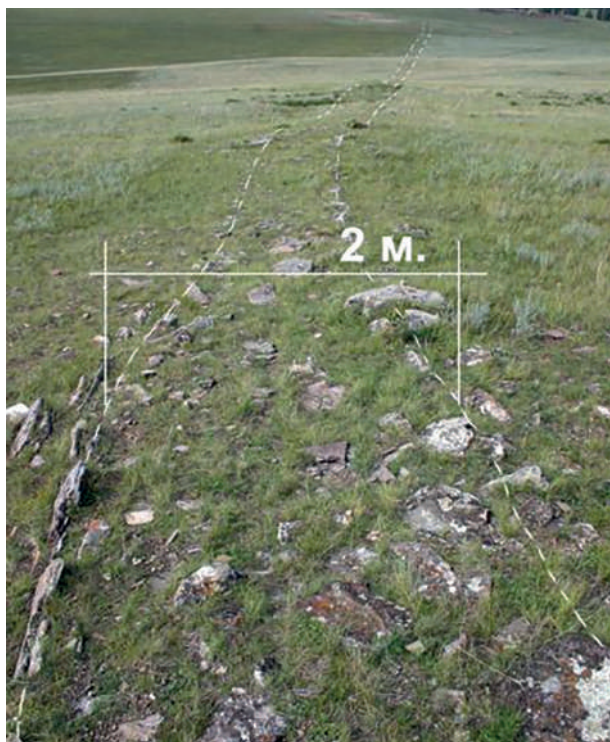
вала общей протяженностью более 3600 метров, опоясывающих вершину и северо-восточный пологий склон горы (рис. 1.)

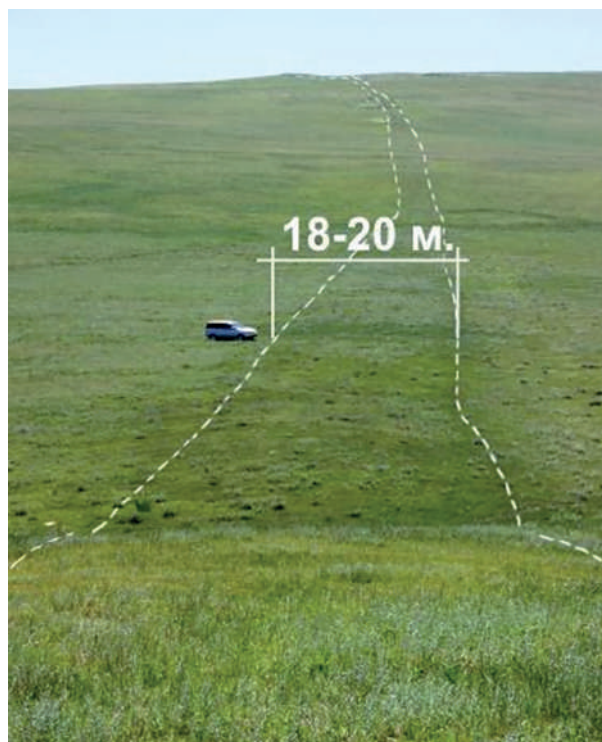
Рис. 1. Святилище Красный камень, схема расположения валов. Хакасия, Бейский район, космический снимок GoogleMaps

С Юго-Востока святилище частично ограничено природным скальным обрывом, с Юго-Запада – насыпным валом со рвом протяженностью порядка 700 метров. С северо-восточной и юго-восточной сторон святилище ограничено насыпным валом без видимого рва протяженностью более 2900 метров. С Севера и Северо-Запада – рекой Абакан. Валу сформированы из обломков песчаника и представляют собой задренованное оплывшее сооружение, имеющее

среднюю высоту 0,5 метра. Ширина вала различна на его протяжении. На вершине горы видимая ширина составляет 1,5–2 метра по гребню вала, рисунок 2(1) и 8–10 метров в его основании. У подножия горы, в северо-восточной ее части, ширина расплывшегося вала достигает 18–20 метров (рис. 2[(2)]. На рисунке 1 желтым пунктиром отмечен вал со рвом, белым пунктиром вал безо рва, красным пунктиром наиболее разрушенная пахотой часть вала святилища.

(1)

(2)

Рис. 2(1, 2), где (1) – видимая ширина гребня вала на вершине горы, (2) – видимая ширина вала у подножия горы. Святилище Красный камень. Фото С.В. Карлова, 2015 г.

На скальных поверхностях святилища Красный камень имеется множество петроглифов различных культур Хакасии. Большинство из них представляют собой единичные изобра-

жения и композиции, созданные носителями тагарской культуры в хронологическую эпоху «среднего тагара» и тесинского периода.

1. Усть-Сосская петроглифическая композиция

Среди массива петроглифов святилища Красный камень выделяется многофигурная петроглифическая композиция, представленная на рисунке 3 (далее – Усть-Сосская композиция), состоящая из 14 изображений, включающих: рогатого антропоморфа с жезлом (жреца?), шесть спиралерогих баранов, трех маралов, лиса, два символа креста и стилизованную антропоморфную фигуру, выполненную в технике гравировки. Другие мелкие символы и детали композиции в силу плохой сохранности четко не идентифицируются. Копирование на микалент Усть-Сосской петроглифической композиции в свое время было осуществлено выдающимся сибирским художником В.Ф. Капелько (копии не сохранились).

Петроглифы выполнены в различных техниках: сплошной выбивкой с протиром и заполне-

нием, контурной выбивкой и гравировкой. При изучении петроглифов композиции, выполненных сплошной выбивкой, видно, что они преимущественно созданы в смешанной технике. Когда контур изображения создавался точечной выбивкой, а заполнение силуэта фигуры осуществлялось методом неуглубленного протира. Такая технология нанесения рисунков определялась, в первую очередь, наличием на скальной поверхности темной тонкой корки «пустынного загара», образовавшейся в результате фотохимического синтеза содержащихся в песчанике оксидов железа. Это позволяло после пробивки контура изображения «протирать» тонкую корку «пустынного загара» до проявления находящегося под ней более светлого слоя коренного песчаника.

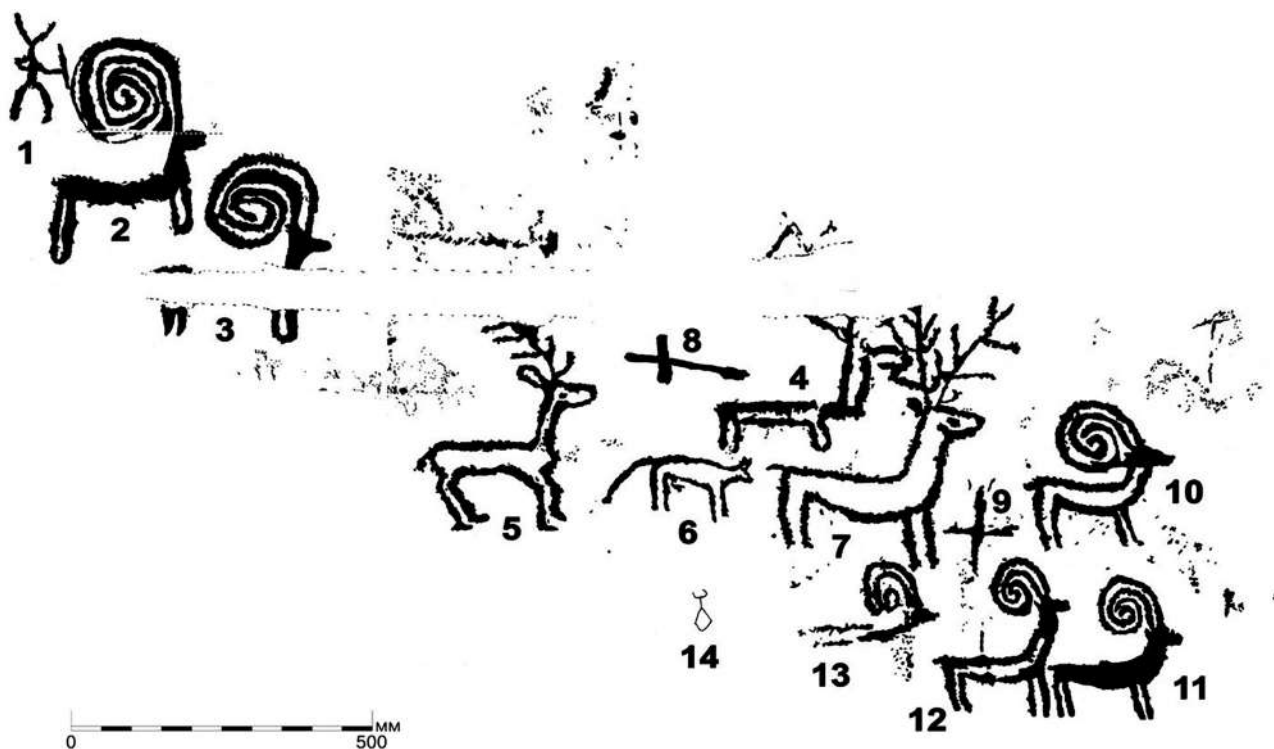

Рис. 3. Усть-Сосская петроглифическая композиция. Бейский район, Хакасия

В Усть-Сосской композиции выделяются три разноуровневых композиционных блока. Верхний блок с изображениями рогатого антропоморфа и двух баранов со спиральными рогами. Средний – с изображениями трех мара-

лов, лиса, барана и двух крестов, и нижний – композиционный блок с изображениями трех баранов. Изображение одного из баранов нижней троицы не завершено. Стилистика образа рогатого антропоморфа с V-образными рогами

(рис. 3[1], 4) характерна для петроглифов Ангары [1, 2, 3], Томской писаницы [4] и древнейшего слоя петроглифов Шалаболинской писаницы Хакасии [14].

Первое, что обращает на себя внимание при изучении стилистики изображений композиции, это разновременная последовательность создания ее петроглифов и отсутствие палимпсестов. В силу отсутствия палимпсестов, определение относительной хронологии создания рисунков композиции возможно только путем сравнительного анализа стилистики и выделения образных признаков петроглифов, атрибутируемых различным культурам Хакасии. Для раскрытия принципов композиционного размещения петроглифов необходимо понять хронологическую последовательность создания изображений.

В оценке хронологии мы исходили из посыла, что наиболее древними петроглифами композиции являются изображения двух спиралерогих баранов, созданных андроновцами Хакасии и рогатого антропоморфа – «жреца с жезлом в руке» (рис. 3[1, 2, 3], 4), созданного пришельцами из бассейна реки Ангары – «ангарцами». Остальные «герои» композиции были изображены позднее представителями других культур Хакасии. Отличительной особенностью образа «ангарского» рогатого жреца является размещение его выше всех героев композиции и размер, наименьший среди остальных петроглифов. При этом, размер изображения жреца точно равен диаметру рогов ближайшего к нему барана. Мы полагаем, что данный фрагмент петроглифической композиции был табуирован таким образом с целью «связать» эти изображения единым ритуальным действием, через соразмерность изображений и посредством «прикосновения» вотивного жезла жреца к рогам барана (рис. 4).

Относительно породы изображенных животных со спиральными рогами (рис. 3 [2, 3], 4) можно однозначно сказать, что в композиции запечатлены самцы алтайского горного барана –

Рис. 4. Хронологически первые изображения Усть-Сосской композиции. Фрагмент

Ovis ammon Linnaeus, имеющего мощные, загнутые в виде однократной спирали рога. В эпоху палеолита ареал распространения *Ovis ammon* Linnaeus достигал широты Красноярска. В эпоху неолита и бронзового веков изображения алтайского горного барана были петроглифически запечатлены на скальных поверхностях гор Алтая и бассейнов рек Енисей, Абакан и Черный Июс в Хакасии. Необходимо отметить редкость петроглифических изображений *Ovis ammon* Linnaeus на скалах Хакасии. Подавляющее число петроглифов Хакасии с образами высокогорных копытных изображают Сибирского горного козла – *Capra sibirica* Pall, основным внешним отличием которого являются саблевидные, а не закручивающиеся в спираль, как у *Ovis ammon* Linnaeus, рога. В силу того, что в природе не существовало *Ovis ammon* Linnaeus с рогами, закрученными более чем в однократную спираль, изображения баранов с рогами в виде двух, четырехкратной спирали (рис. 3 [2, 3]), имеют вотивный мифологический характер.

1.1. Стилистика петроглифов Усть-Сосской композиции

Стилистическими особенностями изображения рогатого жреца (рис. 3[1], 4), являются:

1. Линейный стиль изображения, отличающийся от объемной стилистики изображения фигур остальных героев композиции.

2. Изображение фигуры жреца в анфас, в отличие от остальных героев композиции.

3. Рогатый головной убор, наделяющий его признаками зооморфизма.

4. Отсутствие выраженных половых признаков.

5. Голова жреца, не выделенная отдельным образом, когда шея сразу переходит в его рога.

6. Жрец стоит подбоченясь правой рукой, широко расставив ноги и держа в полусогнутой левой руке вотивный жезл.

7. Жезл жреца касается рогов ближайшего к нему барана.

8. Размер жезла жреца составляет менее 1/2 размера его изображения.

9. Размер рогов жреца составляет менее 1/3 размера его изображения.

10. Размер изображения жреца равен диаметру спиральных рогов ближайшего к нему барана.

Стилистическими особенностями изображения ближайшего к жрецу барана с рогами в виде многократной спирали (рис. 3[2], 4), являются:

1. Силуэтный стиль изображения, выполненный сплошным протиром.

2. Стилистически резкая – близкая к прямому углу линия рисунка, при изображении перехода от шеи барана к его туловищу, от шеи к нижней челюсти и от головы барана к его рогу.

3. Четырехкратная спираль рогов, образованная единственным рогом.

4. Горбоносый профиль головы.

5. Выгнутая вниз нижняя челюсть.

6. Отсутствие изображения уха и глаза.

7. Наличие прогиба в спине и выпуклого живота.

8. Наличие изображения хвоста.

9. Прямые передние и задние ноги изображены в статичной позе, разведенными наружу под тупым углом по отношению к телу барана.

10. Перемычка, смыкающие передние и задние ноги в нижней их части.

11. Передние ноги в два раза более короткие, чем задние.

12. Наиболее близкое композиционное размещение изображений барана и жреца.

13. Наиболее высокое композиционное размещение изображения этого барана по отношению к другим животным композиции.

Главной особенностью данного изображения являются четырехкратная спираль рогов, образованная единственным рогом, и соединенные перемишкой между копыт передние и задние ноги различной длины.

Следующей фигурой композиции является другой баран (рис. 3[3], 4), изображенный ниже двух вышеописанных образов. Стилистическими особенностями второго барана (рис. 3[3], 4), с рогами в виде многократной спирали являются:

1. Силуэтный – «объемный» стиль изображения, выполненного сплошным протиром.

2. Стилистически плавный рисунок петроглифа. Переход линии рисунка от шеи барана к его нижней челюсти не под прямым углом и переход под прямым углом от головы барана к его рогам.

3. Двукратная спираль рогов, образованная двумя рогами.

4. Прямой, не горбоносый профиль головы.

5. Прямая, не выгнутая нижняя челюсть.

6. Отсутствие изображения уха и глаза.

7. Прямые передние и задние ноги, изображенные в статической позе под прямым углом по отношению к телу барана.

8. Перемишка, смыкающая передние ноги в нижней их части.

9. Передние и задние ноги равной длины.

10. Более низкое композиционное размещение изображения по отношению к образам жреца и первого барана композиции.

Главной особенностью этого изображения являются двукратная спираль рогов, образованная двумя рогами, а не четырехкратная спираль, образованная единственным рогом, как у первого барана, и соединенные перемишкой передние ноги. В силу частичной сохранности изображения невозможно судить об изгибах в линиях спины и живота, наличии или отсутствии хвоста и изображении тела барана в целом.

Изображения двух баранов со спиральными рогами (рис. 3[2, 3], 4) были атрибутированы нами андроновцам Хакасии, на основании анализа вотивных образов с символикой спирали в андроновской и хронологически синхронной ей микенской культуре Греции. В этом анализе мы опирались на осуществленную Е.Е. Кузьминой хронологическую систематизацию типов псалиев и изображений на дисковидных псалиях андроновцев и микенцев [11]. Прделанная Е.Е. Кузьминой работа по сравнительному анализу орнаментов на андроновских и микенских псалиях позволила установить хронологию и ареал происхождения псалиев на культурно-историческом пространстве от Греции, Подунавья и Украины до Южного Урала и Северного Казахстана. В процессе рассмотрения аргументов *pro and contra* о возможной культурной принадлежности изучаемых нами изображений двух баранов (рис. 3[2, 3], 4) андроновцам Хакасии, мы опирались на сравнительный анализ стилистики и семантики изображений на псалиях, андроновских и микенских вотивных артефактах [26]. Сравнивая эти изображения с атипичными петроглифами Хакасии с не характерной для окуневской, карасукской и тагарской культуры стилистикой.

Стилистическими особенностями изображения марала (рис. 3[4]) являются:

1. Контурный – «объемный» стиль рисунка тела и головы, без заполнения их сплошной выбивкой или протиром.

2. Стилистически резкий, под прямым углом, переход от шеи марала к его туловищу и от шеи к нижней челюсти.

3. Несоразмерность длины ног и размера тела.

4. Голова, превосходящая по размеру длину ног.

5. Горбоносый профиль головы, более характерный для изображения лося.

6. Прямая нижняя челюсть, не соединенная с шеей.

7. Прямая линия спины и живота.

8. Отсутствие изображения хвоста.

9. Прямые передние ноги, изображенные в позе внезапной остановки под тупым углом по отношению к телу марала.

10. Прямые задние ноги, изображенные в статичной позе под прямым углом по отношению к телу.

11. Перемычки, смыкающие передние и задние ноги в нижней их части.

12. Отсутствие изображения глаза.

Главными особенностями данного изображения являются размеры головы и шеи марала, превышающие длину его ног и перемычки, смыкающие обе пары ног в нижней их части. По данному признаку мы атрибутировали создание изображения андроновцам Хакасии. Полагаем, что изображение марала было создано позже изображений двух первых спиралерогих баранов (рис. 4). В силу частичной сохранности изображения марала невозможно судить о структуре его рогов, количестве отростков, наличии или отсутствии изображения уха.

Следующим по относительной хронологии является изображение еще одного марала (рис. 3[5]), стилистически значительно отличающееся от образов других животных композиции. Особенности рисунка второго марала являются:

1. Контурный стиль исполнения рисунка, без заполнения его сплошной выбивкой или протиром.

2. Стилистически резкий, под прямым углом, переход от шеи марала к его туловищу и от шеи к нижней челюсти.

3. Одна ветка рогов.

4. Прямой, не горбоносый профиль головы.

5. Прямая линия спины и слегка выпуклая линия живота.

6. Наличие изображения глаза.

7. Выгнутая вниз нижняя челюсть.

8. Наличие уха, изображенного в виде петли.

9. Наличие изображения хвоста.

10. Согнутые в суставах передние и задние ноги.

11. Изображение копыт, похожих на ступни ног человека.

12. Отсутствие перемычек, смыкающих передние и задние ноги в нижней их части.

Главной особенностью изображения марала (рис. 3[5]) являются согнутые в суставах ноги и копыта, изображенные как ступни ног человека, а также стилистически незамкнутый контур рисунка из-за отсутствия перемычек в месте примыкания ног к туловищу. Количество отростков на роге марала в силу частичной сохранности рисунка определить невозможно.

Следующим по относительной хронологии создания рисунком композиции является изображение лиса (рис. 3[6]), единственного не копытного животного композиции. Особенности его рисунка являются:

1. Контурный стиль рисунка без заполнения его сплошной выбивкой или протиром.

2. Стилистически плавный, без прямых углов контур всего изображения.

3. Отсутствие изображения глаза.

4. Изображения двух ушей, выполненных сплошной пробивкой.

5. Прямая линия живота и выгнутая линия спины.

6. Опущенный хвост.

7. Изображение фаллоса.

8. Прямые передние и задние ноги, изображенные в статичной позе под прямым углом к телу.

Главной особенностью изображенного лиса, является наиболее тщательное исполнение рисунка тонкой графической линией. Рисунок контура тела лиса стилистически незамкнут из-за отсутствия перемычек в месте примыкания передних и задних ног к телу. Лис является единственным животным композиции, у которого изображены оба уха и фаллос. Стилистически объединяющим признаком изображений лиса (рис. 3[6]) и марала (рис. 3[5]), отличным от всех других рисунков композиции, является изображение одной графической линией передней правой и задней левой ног и одной графической линией передней левой и задней правой ног обоих животных.

Следующей по относительной хронологии создания фигурой композиции является образ третьего марала (рис. 3[7]).

Стилистическими особенностями рисунка данного петроглифа являются:

1. Контурный стиль изображения без заполнения его сплошной выбивкой или протиром.

2. Стилистически плавный переход от шеи марала к его туловищу и от шеи к нижней челюсти.

3. Две ветки рогов с семью отростками на каждом роге.

4. Прямой, не горбоносый профиль головы.

5. Изображение глаза.

6. Выгнутая вниз нижняя челюсть.

7. Изображение уха, выполненного сплошной пробивкой.

6. Прямая линия спины и выпуклая линия живота.

7. Наличие изображения хвоста.

8. Прямые передние ноги, изображенные под тупым углом по отношению к телу марала в позе внезапной остановки.

9. Слегка изогнутые задние ноги, изображенные в статичной позе под прямым углом к телу.

10. Отсутствие перемычек, смыкающих передние и задние ноги в нижней их части.

Главной особенностью изображения является его размер, превосходящий все остальные изображения композиции, и две ветки рогов. Контур тела марала является стилистически незамкнутым из-за отсутствия перемычки в месте примыкания задних ног к телу. В целом изображение третьего марала композиции (рис. 3[7]) отличается от стилистики всех вышеописанных животных и стилистически близко изображениям третьей композиционной группы из трех спиралерогих баранов (рис. 3[10, 11, 12]). В силу стилистической близости, вторая группа из трех баранов (рис. 3[10, 11, 12]) хронологически могла быть изображена или одновременно, или позже изображения третьего марала композиции. Полагаем, что композиционная последовательность создания петроглифов вышечисленной группы животных была следующей: сначала был изображен марал (рис. 3[7]), а затем последовательно три барана (рис. 3[10], 3[11] и 3[12]), соответственно.

Стилистическими особенностями рисунков второй группы баранов являются:

1. Контурный стиль изображения тел и шей двух животных (рис. 3[10, 12]), без заполнения их сплошной выбивкой или протиром.

2. Выполненное сплошным протиром изображение тела, шеи и головы второго барана группы (рис. 3[11]).

3. Стилистически комбинированный рисунок животных, с переходом под прямым углом от

шеи к нижней челюсти и плавным переходом от головы к рогам и от шеи к туловищу у всех трех баранов.

4. Сплошное заполнение изображений голов всех трех баранов.

5. Двукратная спираль рогов, образованная двумя рогами у каждого из них.

6. Горбоносый профиль изображения головы с заостренным носом барана (рис. 3[10]) и не горбоносый профиль голов, с прямоугольным профилем носом баранов (рис. 3[11, 12]).

7. Прямая нижняя челюсть у всех трех баранов.

8. Наличие изображения одного уха у всех трех баранов.

9. Наличие небольшого прогиба спины и выпуклого живота у всех трех баранов.

10. Наличие изображения хвоста у всех трех баранов.

11. Передние и задние ноги равной длины.

12. Прямые передние и слегка изогнутые задние ноги, изображенные в позе внезапной остановки под небольшим острым углом по отношению к телу.

13. Отсутствие изображения глаз у всех трех баранов.

Главной особенностью изображений баранов (рис. 3[10, 11, 12]) является их стилистическое сходство с рисунком марала (рис. 3[7]) и отсутствие перемычек, смыкающих передние и задние ноги баранов в нижней их части и стилистически не замкнутые контуры тел двух баранов (рис. 3[10, 12]). По какой-то причине изображение четвертого барана (рис. 3[13]) не было закончено. В силу незаконченности этого изображения, невозможно корректно судить о его стилистике в целом. Хотя, судя по профилю его головы, видно, что данное изображение наиболее близко по стилистике к изображению барана (рис. 3[10]).

Помимо вышеописанных изображений Усть-Сосской композиции, обращает на себя внимание гравированное изображение еще одного рогатого антропоморфа (рис. 3[14] и рис. 7[1]), вероятно, созданное жрецами таштыкской культуры. Из анализа принципов построения Усть-Сосской композиции и стилистики ее петроглифов, очевидно, что данное изображение «искусственным образом» включено в композицию, с вероятной целью «переклеймить» композицию таштыкской (?) символикой.

1.2. Хронология создания петроглифов Усть-Сосской композиции

В качестве аргумента обоснования нижней хронологической границы создания Усть-Сосской петроглифической композиции было рассмотрено возможное время создания изображения «ангарского типа» рогатого жреца с жезлом (рис. 3[1] и 4). Для Хакасии изображения ангарских рогатых антропоморфов в целом не характерны. За исключением Шалаболинской писаницы [14, 17], где такие изображения встречаются неоднократно. Восточнее Енисея стилистика этого образа характерна в первую очередь для петроглифов Ангары и относится к ангарскому типу изображений эпохи конца IV–III тыс. до н.э. [1, 2, 4]. На основании единой стилистики образов рогатых антропоморфов Шалаболинской писаницы и Усть-Сосской композиции, конец III тыс. до н.э. был изначально принят за наиболее вероятную эпоху создания изображения Усть-Сосского рогатого жреца. В то же время, значительное расстояние между Шалаболинской и Усть-Сосской писаницами и отсутствие образов ангарских рогатых антропоморфов на других писаницах Хакасии поставило вопрос о корректности такой хронологической оценки. В связи с этим возник вопрос, когда на Шалаболинской и Усть-Сосской писаницах Хакасии были созданы изображения ангарских антропоморфов с V-образными рогами?

Известно, что исторически ангарцы предшествовали федоровцам-андроновцам Хакасии и среди петроглифов Ангары нет изображений спиралерогих зооморфов [1, 2, 3, 14]. Но, несмотря на видимое хронологическое противоречие, мы считаем, что в Усть-Сосской петроглифической композиции сначала андроновцы изобразили двух вотивных спиралерогих баранов (рис. 3[2, 3], 4), а затем ангарцы создали изображение рогатого жреца (рис. 3[1], 4). Предлагаем рассмотреть аргументы, свидетельствующие в пользу такой позиции.

Опираясь на известную хронологию культур Хакасии, рассмотрим сначала вероятное время и возможные причины появления антропоморфных изображений ангарского типа на Шалаболинской писанице.

1. На завершающем этапе существования афанасьевской культуры в Хакасии (в первой половине III тыс. до н.э.) Шалаболинская писаница могла быть совместно используемым святилищем для носителей ангарской и афанасьевской культур. В пользу вероятности такого предположения говорит то, что ангарского типа петроглифы не являются палимпсестом на более

древних петроглифах Шалаболинской писаницы. Ангарцы выбрали для изображений своих рогатых антропоморфов и лодок свободные скальные плоскости, отделив, таким образом, свою мифологию от мифологии предшествующих им культур и демонстрируя неконфликтный характер использования ими Шалаболинского святилища.

2. География распределения памятников окуневской культуры Минусинской котловины [6, стр. 7, рис. 1] показывает, что Шалаболинская писаница расположена на самой восточной окраине окуневской ойкумены. Поэтому возможно, что в процессе вытеснения афанасьевцев окуневцами, в середине III тыс. до н.э. существовал период времени, когда афанасьевцы уже покинули район Шалаболинской писаницы, а окуневцы еще не заселили эту территорию. В такой ситуации на какое-то время ангарцы могли посещать территорию расположения Шалаболинской писаницы и создавать там свои петроглифы, до момента вытеснения их окуневцами. В пользу вероятности такого варианта развития исторических событий свидетельствует то, что из всех монументальных писаниц Хакасии Шалаболинская писаница, расположенная на самом минимальном расстоянии от слияния Ангары и Енисея, была в наибольшей географической доступности для носителей ангарской культуры. Кроме того, на Шалаболинской писанице изображения окуневских личин являются палимпсестом на петроглифах рогатых антропоморфов ангарского типа [14]. Следовательно, окуневцы пришли в район Шалаболинской писаницы позже ангарцев.

Любая из двух вышеописанных гипотетических причин появления изображений ангарских рогатых антропоморфов в корпусе петроглифов Шалаболинской писаницы вероятна и, как минимум, свидетельствует о присутствии там ангарцев не позднее второй половины III тыс. до н.э. До прихода на Шалаболинскую писаницу окуневцев Хакасии. В то же время, вышеприведенные аргументы некорректны для определения времени создания рогатого антропоморфа Усть-Сосской композиции, расположенной в самой южной части Минусинской котловины, на территории с максимальной концентрацией памятников окуневской культуры [6 стр. 7, рис. 1]. Тот факт, что на крайней восточной периферии окуневской ойкумены Хакасии – Шалаболинской писанице – ангарские петроглифы оказались перекрыты окуневским палимпсестом, а в эпицентре окуневской культуры Хакасии, на Усть-Сосском

святилище, были оставлены окуневцами в неприкосновенности, в рамках предложенной выше аргументации не находит объяснения.

Поэтому, если принять, что историческая эпоха ангарской культуры завершилась не во второй половине III тыс. до н.э., а в первой трети II тыс. до н.э., то более вероятным временем появления изображения ангарского рогатого антропоморфа в Усть-Сосской петроглифической композиции может быть время вытеснения окуневцев Хакасии андроновцами. Андроновцы пришли в Минусинскую котловину в первой трети II тыс. до н.э. с территории Северо-Восточного Казахстана [2]. В первую очередь они заселили северо-западные районы Хакасии, постепенно смещаясь на Юг. В этой ситуации, после вытеснения окуневцев на Юг Хакасии, а затем в Туву под давлением федоровцев-андроновцев, «ангарцы» на какое-то время могли иметь свободный доступ к ранее обустроенному окуневцами Усть-Сосскому святилищу и создавать там свои петроглифы на свободных скальных плоскостях, до момента окончательного их вытеснения андроновцами. Такая вероятность возможна по ряду причин:

1. Существует доступный водный путь от места слияния Ангары с Енисеем до устья реки Абакан и вверх по Абакану до Усть-Сосского святилища, что существенно облегчало ангарцам доступ к святилищу.

2. Из результатов радиоуглеродного анализа образцов из захоронений и поселений бронзового века Хакасии [13, стр. 32] следует, что в процессе вытеснения окуневцев андроновцами существовал значительный интервал времени (порядка 80 лет), когда территория Хакасии не была плотно заселена носителями обеих культур. В этот временной промежуток ангарцы имели объективную возможность посещать окуневские святилища Хакасии одновременно (попеременно) с андроновцами, до момента их полного вытеснения андроновцами. В пользу такого варианта развития исторических событий свидетельствует то, что на ряде окуневских стел Хакасии имеются палимпсесты с изображением лосей ангарского типа [6, стр. 133, № 70]. Что также свидетельствует в пользу довода, что носители ангарской культуры могли проникать на территорию Минусинской котловины в первой трети II тыс. до н.э.

3. Также возможна ситуация, когда в переходный период смены культур Хакасии в первой трети II тыс. до н.э., ангарцы и андроновцы могли попеременно или последовательно использовать Усть-Сосское святилище для ритуальных действий. Аргументом в пользу такой

возможности является то, что ангарский рогатый антропоморф Усть-Сосской композиции не был перекрыт палимпсестом изображений андроновских петроглифов.

Из вышесказанного следует, что ангарцы в течение нескольких десятилетий имели гипотетическую возможность создавать свои петроглифы на территории Хакасии не только на Шалаболинской писанице, но и в Усть-Сосском святилище. Вследствие чего возникает вопрос, существуют ли археологические свидетельства пребывания носителей ангарской культуры в Хакасии в первой трети II тыс. до н.э., за пределами Шалаболинской писаницы?

Такие свидетельства есть. В 1975 г. выдающимся российским ученым Л.Р. Кызласовым в Орджоникидзевском районе Хакасии, на Чульском чаатасе было раскопано погребение в каменной лодочке. Данное погребение было перекрыто переиспользованной и частично разбитой каменной плитой с изображением окуневской личины солярного типа [18, рис. 105, стр. 167]. Факт перекрытия окуневской плитой ангарского погребения в каменной лодочке свидетельствует, что оно было совершено уже после ухода окуневцев с территории Чулымской котловины Хакасии.

Рис. 5(1, 2), где (1) – петроглиф Усть-Сосской композиции, (2) – петроглиф «Большого астрономического лимба» святилища Саратовский Сундук [8, 15]

Следовательно, открытое Л.Р. Кызласовым погребение в каменной лодочке ангарского типа на Чульском чаатасе наиболее вероятно может быть датировано XVIII–XVII вв. до н.э., историческим периодом вытеснения окуневцев андроновцами с территории Хакасии. Кроме того, в трех десятках километров от Чульского чаатаса Н.В. Нашекиным в 1968–1970 гг. был раскопан комплекс андроновских погребений в каменных

ящиках. На плите перекрытия одного из этих погребений Л. Р. Кызласовым была обнаружена окуневская личина солярного типа [18, рис. 95, стр. 157]. Таким образом, в непосредственной близости друг от друга были обнаружены захоронение ангарского типа Чульского чаатаса и андроновское погребение, перекрытое переиспользованными плитами с изображениями окуневских личин. Следовательно, можно говорить о послеокуневской и последовательной (параллельной?) хронологии обоих захоронений.

Корректность предлагаемой датировки – XVIII–XVII вв. до н.э. – ангарского погребения на Чульском чаатасе подкрепляется и другими свидетельствами:

1. На одном из менгиров «Большого Астрономического лимба» Саратовского святилища, расположенного в прямой видимости от Чульского чаатаса, было обнаружено петроглифическое изображение рогатого антропоморфа ангарского типа [8, 15] аналогичного по своей стилистике изображению рогатого антропоморфа Усть-Сосского святилища (рис. 5[1, 2]).

2). В 2012 г. на массивном блоке песчаника, встроенном в структуру вала святилища Саратовский Сундук, была обнаружена петроглифическая композиция с изображениями лосей ангарского типа (рис. 6). В процессе топографической съемки расположения валов Саратовского святилища выяснилось, что эта композиция задает одно из астрономически значимых направлений [8(рис. 7)]. Из чего был сделан вывод, что блок песчаника с изображениями лосей был установлен ангарцами намеренно и «астрономически» встроен в структуру юго-восточного вала Саратовского святилища. Очевидно, что сделать свои сакральные изображения (рис. 5[2], 6) ангарцы могли только после того, как окуневцы покинули Саратовское святилище под давлением андроновцев.

Из совокупности вышеперечисленных аргументов следует, что наиболее вероятным временем, когда носители ангарской культуры могли создать изображения лосей (рис. 6) и рогатых антропоморфов Саратовского (рис. 5[2]) и Усть-Сосского (рис. 5[1]) святилищ, являются XVIII–XVII вв. до н.э. Историческое время, когда в процессе вытеснения окуневцев андроновцами территория Хакасии не была плотно заселена носителями обеих культур и существовала возможность беспрепятственного проникновения «ангарцев» в окуневские святилища.

Предложенная выше относительная хронологическая последовательность создания изображений первого сюжета (рис. 3[1, 2, 3]), 4) Усть-

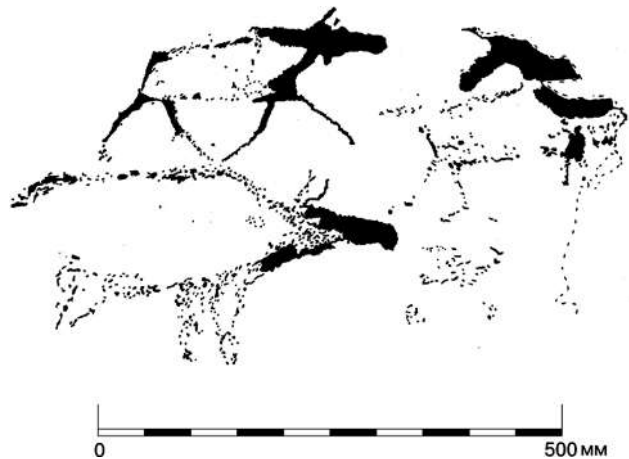

Рис. 6. Петроглифы «ангарских лосей». Святилище Саратовский сундук [4, стр. 18, рис. 9]

Сосской петроглифической композиции помимо вышеперечисленных аргументов обоснована:

1. Различной для культур «ангарцев» и андроновцев символикой формы рогов в образах антропо- и зооморфов.

2. Стилистическими и трасологическими различиями в характере исполнения рисунков жреца и баранов.

3. В пользу выше озвученных доводов свидетельствует и тот факт, что разрушение скальной поверхности, на которой создавалась композиция, повредило разновременные изображения первого и второго композиционного блока: тело второго спиралерогатого барана (рис. 3[3]) и рога трех маралов (рис. 7[4, 5, 7]). Следовательно, когда создавались эти изображения, скальная поверхность не была разрушена и позволяла в произвольном порядке размещать на ней хронологически разновременные изображения. Несмотря на такую возможность, все петроглифы, включая рогатого жреца, были размещены на плоскости тремя композиционными блоками, слева направо и сверху вниз.

Опираясь на систематизацию петроглифов эпохи бронзы Хакасии, предложенную О. В. Ковалевой [5], рассмотрим вероятное время создания других петроглифов Усть-Сосской композиции. Наиболее характерным и отличным от других образов является изображение марала (рис. 3[5]). Стилистика его образа резко контрастирует с изображениями баранов (рис. 3[2, 3]) и двух других маралов композиции. Главным его отличием являются стилистически незамкнутый контур тела, ноги согнутые в суставах и изображение копыт, похожих на ступни ног человека.

Из перечня известных петроглифов эпохи бронзы Сибири стилистически близкими этому изображению являются петроглифы композиции Гурби-Нур на Байкале, датируемые

О. И. Горюновой [19] позднекурыканским временем, и близкое по стилю изображение в композиции Шара-Шубутэ III, выполненное в технике гравировки и датируемое В. С. Николаевым [3] второй половиной II-го – первой половиной I-го тыс. до н. э. В то же время, между изображениями оленей в композициях Шара-Шубутэ III, Гурбинур и изображением марала (рис. 3[5]) Усть-Сосской композиции имеются и существенные различия. Поэтому, была предпринята попытка найти более убедительные стилистические аналогии петроглифам Усть-Соса. Более близкие им по стилистике изображения имеются среди петроглифов Хакасии раннетагарского периода и датируются М. П. Грязновым и Г. Н. Курочкиным VIII–VI вв. до н. э. [9, 10].

Такие, как:

1. Изображения марала в тагарских композициях писаниц Оглахты [7, рис. 14, 20], Маяки [7, табл. 3, рис. 5] и Сулекской писаницы VI [7, табл. 45].

2. Изображения марала с копытами, похожими на ступни ног человека на Бейской стелле [7, рис. 27 Б], писаницах Туран IV [7, табл. 3, рис. 6] и Бычиха [7, табл. 6, рис. 7].

3. Изображения козлов с незамкнутым контуром тела в тагарских писаницах Суханиха [7, рис. 31, 32] и Бычиха [7, табл. 7, рис. 2].

Среди петроглифов каменоложского хронологического периода X–IX вв. до н. э. карасукской культуры также выделяется пласт петроглифических изображений маралов [5, табл. 29, 38], лошадей [5, табл. 33, 99], быков [5, табл. 32, 36] и козлов [5, табл. 39] с копытами, изображенными как ступни ног человека.

Таким образом, из проведенного анализа стилистических аналогий следует, что изображение марала (рис. 3[5]) Усть-Сосской композиции можно отнести к хронологическому интервалу X–VI вв. до н. э. и атрибутировать их или карасукской, или тагарской культуре. Этот интервал датировки можно уточнить по петроглифическим изображениям двух маралов с плиты № 01-00 погребально-поминального комплекса Аржан-2 [34], где изображения аржанских маралов также имеют незамкнутый контур. Композиционно самый нижний марал с плиты № 01-00 является стилистически самым древним изображением среди образов копытных животных Аржанской композиции. Он же является и наиболее стилистически близким к изображению марала Усть-Сосской композиции. Верхней хронологической датой петроглифов с плиты № 01-00 является время сооружения Аржанского погребального комплекса. Этой датой, по мне-

нию К. В. Чугунова с соавторами [20], является 2-я половина VII в. до н. э. Таким образом, время создания изображения марала (рис. 3[5]) Усть-Сосской композиции с большой степенью вероятности можно поместить в более узкий хронологический интервал X – первой половины VII в. до н. э. В Усть-Сосской композиции нет петроглифов, которые стилистически можно было бы атрибутировать эпохе «среднего тагара», «позднего тагара» или «тесинского этапа» тагарской культуры. Поэтому, наиболее вероятным временем создания ряда изображений на рисунках 3(5–7, 10–13) Усть-Сосской композиции также является хронологический интервал X – первой половины VII в. до н. э.

Гравированный петроглиф (рис. 3[14], 7[1]), созданный вероятно таштыкцами, не является палимпсестом на других изображениях Усть-Сосской композиции, что может свидетельствовать о мифологемно неконфликтном характере отношений его создателей к предшествующим изображениям Усть-Сосской композиции. Или о переформатировании ими мифологемы Усть-Сосской композиции в таштыкский семантический формат. В то же время, изображение 3(14) является последовательной стилизацией изображений двух рогатых антропоморфов с рисунка 7(2), созданных карасукцами на ближайшей к Усть-Сосской композиции отдельной скальной плоскости. В данной композиции карасукцы изобразили стилизованные фигуры двух рогатых антропоморфов (рис. 7[2]) со сведенными в кольцо ногами. Стилистически близкие им изображения антропоморфов со сведенными в кольцо ногами имеются в карасукском петроглифическом слое на писаницах Шель-Тесь-3а и Шель-Тесь-3б [5, табл. 91, 92] и на переиспользованной тагарцами плите № 7 кургана Барсучий Лог [5, табл. 94], датируемого раннетагарским временем. Следовательно, петроглифическая композиция (рис. 7[2]) с изображением двух рогатых антропоморфов была создана карасукцами в хронологическом интервале XIII–IX вв. до н. э. Вероятно, по религиозным соображениям карасукцы не сочли возможным дополнить своими петроглифами Усть-Сосскую композицию, а создали свои изображения на свободной скальной поверхности, расположенной, что важно, левее и выше Усть-Сосской композиции. Таким образом, карасукские жрецы «возвысили» свои вотивные изображения над символикой образов Усть-Сосской композиции.

В то же время, несмотря на очевидное теологемное дистанцирование, карасукские петроглифы (рис. 7[2]) являются стилизацией

изображения рогатого антропоморфа (рис. 3[1], 5[1]) Усть-Сосской композиции. В свою очередь, таштыкцы, стилизовав изображения карасукских рогатых антропоморфов, создали гравированное изображение (рис. 3[14], 7[1]) на скальной плоскости с Усть-Сосской композицией.

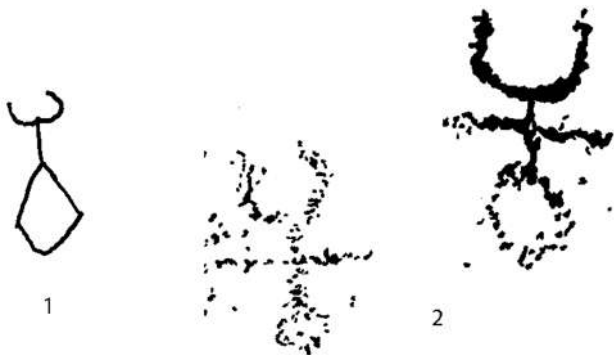

Рис. 7[1, 2], где (1) – таштыкская гравировка Усть-Сосской композиции (рис. 3[14]), (2) – карасукские изображения рогатых антропоморфов. Святилище Красный камень

Также в Усть-Сосской композиции имеются изображения двух крестообразных символов (рис. 3[8, 9]). Хронологию создания петроглифических изображений крестов затруднительно определить корректно, из-за распространенности этой символики в петроглифических изображениях различных культур Хакасии эпохи бронзы и раннего железа, за исключением тагар-

ской культуры. Например, изображения крестов имеются в карасукских петроглифических композициях [5, стр. 92, табл. 1] и среди петроглифов Шалаболинской писаницы [17, стр. 186–187, табл. 40, 41]. Поэтому, с учетом изображения крестов в «среднем» композиционном слое (рис. 3[8, 9]) и не характерности данной символики для тагарской культуры, наиболее вероятным временем создания этих изображений можно принять хронологический интервал XIII–X вв. до н. э.

В силу вышесказанного можно предложить следующую хронологическую последовательность создания петроглифических изображений Усть-Сосской композиции:

1. Изображения баранов на рисунках 3(2, 3), 4, XVIII–XVII вв. до н. э.
2. Изображение жреца на рисунках 3(1), 4, 5(1), XVIII–XVII вв. до н. э.
3. Изображение марала на рисунке 3(4), XVII–XIV вв. до н. э.
4. Изображения крестообразных фигур на рисунках 3(8, 9), XIII–X вв. до н. э.
5. Изображения марала и лиса на рисунках 3(5, 6), X – первая половина VII в. до н. э.
6. Изображения марала и четырех баранов на рисунках 3(7, 10, 11, 12, 13), X – первая половина VII в. до н. э.
7. Гравированное изображение рогатого антропоморфа на рисунках 7(14), 5(1), III в. до н. э. – VI в. н. э.

1.3. Космогоническая семантика петроглифов святилища Красный камень

Скальная плоскость с петроглифами Усть-Сосской композиции расположена вдоль направления с истинным азимутом 104 ± 5 градусов. Ориентировка направления была определена двумя способами: по часовому углу Солнца (времени, когда плоскость с рисунками освещается полностью после восхода Солнца), а также из створных измерений (определению геодезических координат точек, образующих створ, с помощью ГНСС-навигатора, и дальнейшему вычислению азимута по известным формулам). Величина азимута для данной географической широты соответствует направлению на восход Солнца в начале марта и в первой декаде октября и направлению на заход Солнца в середине апреля и в начале сентября. Таким образом, скальная плоскость с Усть-Сосской петроглифической композицией обращена преимущественно в южную сторону, так что петроглифы на ней освещаются Солнцем в течение всего года. В равноденствие восходящее Солнце появляется справа, вдоль плоскости

с рисунками, и на высоте около 10–11 градусов над горизонтом начинает освещать петроглифическую композицию. В летнее солнцестояние соответственная высота Солнца над горизонтом – примерно 40 градусов (расчеты произведены по астрономической программе StarCalc). Таким образом, сама плоскость с петроглифами расположена в створе направления Запад-Восток, с определенным отклонением скальной плоскости к югу на 14 ± 5 градусов (точность ориентировки обусловлена кривизной скальной плоскости).

В летнее солнцестояние светотень делит три первых изображения Усть-Сосской композиции пополам, задавая таким образом дихотомный характер содержания данного сюжета мифологемы (рис. 8). На закате Солнца (в 17:31 местного времени) светотень разделяет сюжет на освещенную и затененную части таким образом (рис. 8), что передние «копыта» баранов, «становятся» на границу светотени, а рога баранов и жреца, остаются освещенными Солнцем. Чтобы

соблюсти дихотомный светотеневой принцип построения композиции, жрецы были вынуждены изобразить передние ноги выше расположенного барана (рис. 3[2], 4, 8) в два раза более короткими, чем его задние ноги. В то время как передние и задние ноги ниже расположенного барана (рис. 3[3], 4, 8) имеют равную длину.

Одновременно, светотень «делит» фигуру жреца на три части – «три уровня мироздания»:

1) Первый – небесный уровень, символизирован полностью освещенной рогатой головой «жреца» и жезлом, касающимся освещенных-освященных Солнцем рогов верхнего спиралерогатого барана. Граница светотени при этом соприкасается с освещенными рогами верхнего барана и «задает» угол наклона левой ноги жреца, выше колена (рис. 8).

2) Второй – уровень мира сущего, символизирован освещенной Солнцем верхней частью тела жреца выше его пояса. Правая рука жреца ниже локтя находится в тени, а выше локтя освещена солнцем. При этом светотень «задает» угол наклона руки жреца ниже локтя.

3) Третий уровень – подземный мир, символизирован ногами жреца и частями тел баранов, находящимися в тени.

Необходимо отметить, что такая светотеневая картина наблюдается в течение трех дней летнего солнцестояния. В иные дни Солнце заходит под другим углом и не создает наблюдаемой на рисунке 8 светотеневой картины. Зимой, при заходе Солнца, тень от скалы, создающей светотеневую картину в летнее солнцестояние, не падает на композицию.

Рис. 8. Светотень на Усть-Сосской композиции. Летнее солнцестояние. Фото С. В. Карлова, 2016 г.

Из-за отсутствия в Усть-Сосской композиции палимпсестов, можно констатировать, что изображения зооморфов и рогатого жреца воспринимались их создателями в рамках единой космогонической концепции. Причем, несмотря на самое высокое композиционное размещение (рис. 3[1], 4, 8), наиболее вероятно, что рогатый

жрец Усть-Сосской композиции воспринимался именно как жрец-строитель, а не как верховное божество. В пользу такого предположения свидетельствует следующее:

1) Изображение верховного божества не может быть меньшим по размеру любого другого героя космогонической композиции.

2) Взгляды космогонических животных и рогатого жреца разнонаправлены.

3) Разноуровневое композиционное размещение жреца и вотивных животных свидетельствует о разделении на уровни духовного пространства космогонических зооморфов и святилища на вершине горы, в котором находился жрец. Вершина горы, как вершина святилища, позволяла жрецу подняться на другой уровень мироздания, на небо – в обитель богов. Этот сакральный смысл был композиционно зафиксирован путем размещения изображения жреца на верхнем – «небесном» композиционном уровне (рис. 3, 4, 8). Жезл в руке жреца-устроителя акта космогонического жертвоприношения является вотивным артефактом, свидетельствующим, что жрец совершает обрядовое действие. Как это, например, зафиксировано в Шатапатхабрахмана [21].

XI.1.2.11

Посох он дает как жертвенный дар жрецам.

Поистине, собаку (Луну) с помощью посоха отгоняют.

Это именно вот эту (Луну-Собаку) он тем самым отгоняет,

когда дает посох как жертвенный дар жрецам.

Такой жертвенный дар согласно предписанному. ...

«Взгляд» жреца-устроителя обращен на соплеменников. Направленность взгляда жреца на нас, как наблюдателей акта со-сотворения мироздания, связует «мир небесный» с миром сущим. Ради сохранения и воспроизводства которого, жрец совершает свое сакральное действие. По признаку зооморфизма, рога жреца связуют его с образами космогонических животных композиции. Отсутствие рядом с фигурой жреца изображений каких-либо иных вотивных обрядовых артефактов может свидетельствовать о том, что жрец совершает обряд именно словесного жертвоприношения. Воспевая в течение календарного года в астрономически значимые дни гимны богам, как это описано в Шатапатхабрахмана [21].

XI.1.2.12

Поистине, смертными в начале были Боги.

Только после того, как достигли года, стали они бессмертными.

Поистине, год – это Все и нетленное – Все.

И с помощью вот этого (нетленного Всего) нетленной наградой этого (жертвователя) становится нетленный мир.

И далее:

XI.2.3.1

Поистине, здешнее вначале было молитвенным Словом.

Оно произвело Богов.

Произведя Богов, оно разместило их по восходящей в этих мирах:

В здешнем именно мире – Агни, в промежуточном – Ветер, Солнце на Небе.

XI.2.3.2

А какие миры выше этих, то в них по восходящей оно разместило те божества, которые выше этих (божеств).

Как только здешние миры и здешние божества (стали) явью,

так тут же (стали) явью и те божества, и те миры, в которых по восходящей оно разместило те (нездешние) божества.

И далее:

XI.2.3.6

Поистине, смертными вначале были Боги.

Только когда с помощью молитвенного Слова овладели этими (силами),

стали потом бессмертными.

Тем агхара-приношением, которое (жертвователь) совершает Уму –

Образ подлинно ум, ведь с помощью ума он и в самом деле знает:

«Вот этот образ», – он овладевает образом.

А тем агхара-приношением, которое (жертвователь) совершает Речи –

Имя подлинно речь, ведь с помощью речи и в самом деле имя схватывается,

он овладевает именем.

Поистине, всего здешнего столько же, сколько образа и имени.

Всем этим овладевает (жертвователь).

Поистине, Все нетленно.

И с помощью вот этого (нетленного Всего) его нетленной наградой

Становится нетленный мир.

Заключение

Из семантического анализа изображений Усть-Сосской композиции и приведенных фрагментов Шатапатха-Брахмана следует, что при использовании жрецами различных культур Усть-Сосского святилища, аппрокси-

мация предыдущего божественного пантеона носителями последующих теологем могла носить неконфликтный характер. Следствием которого является разноуровневое композиционное размещение изображений собственных

и предшествующих божеств. Аналогично вышеописанному в Шатапатха-Брахмана XI.2.3.1 размещению Агни, Ветра и Солнца на разных уровнях мироздания. При этом, изображения собственных божеств композиционно могли размещаться по нисходящей по отношению к предшествующим «*нездешним*» древним божествам, изображенным ранее и уже «заявившим собой» свободные верхние скальные плоскости, пригодные для создания других изображений. Этим объективным природным (отсутствие свободных вышерасположенных скальных плоскостей) и теологемным фактором (зафиксированным в Шатапатха-Брахмана XI.2.3.1) может объясняться отсутствие палимпсестов в Усть-Сосской композиции, создававшейся последовательно на протяжении минимум восьмисот лет носителями различных культур Хакасии.

О том, что данный факт не является единственным свидетельством петроглифические композиции других святилищ бронзового века Хакасии. Таких как: Первый сундук [22, 23], Храм Сотворения Вселенной [24, 25], Саратовский сундук [15] – в которых петроглифические композиции, дополнявшиеся на протяжении столетий изображениями различных культур Хакасии, также лишены палимпсестов.

При этом, например, когда карасукцы сочли невозможным аппроксимировать «*нездешних*» божеств в свой пантеон, они изобразили двух своих богов на отдельной скальной плоскости, расположенной выше и левее Усть-Сосской петроглифической композиции и, соответственно, ближе к небу и Солнцу. Таштыкцы, в свою очередь, обозначили собственное присутствие в святилище Красный камень, «подклеив» Усть-Сосскую композицию изображением своего божества, нарушив при этом сакральный трехуровневый композиционный принцип.

Отсутствие палимпсестов в Усть-Сосской композиции может свидетельствовать как минимум о неконфликтном характере космогонических воззрений носителей различных культур, участвовавших в ее создании, или о собственной перетрактовке жрецами разных культур Хакасии исходной солярной мифологемы, запечатленной в композиционном сюжете (рис. 4, 8).

Различия в стилистике петроглифических изображений Усть-Сосской композиции свидетельствуют, что носители сменявших друг друга культур Хакасии (за исключением карасукцев) последовательно дополняли композицию изображениями тотемных животных, соблюдая в рамках собственных теогоний следующие «космогонические принципы»:

1) С позиции наблюдателя, все животные изображены развернутыми головами вправо. Когда их «взгляды» устремлены на Восток, на восход Солнца в равноденствие, как это зафиксировано в Шатапатха-брахмана [21]

XI.1.6.21

Совершив яджну они прозрели восточную сторону света.

Они сделали ее именно восточной стороной.

Это именно нынешняя передняя (восточная) сторона света.

Поэтому здешние животные передвигаются головой вперед.

Ведь (боги) в самом деле сделали ее передней (восточной) стороной.

(Пожелав): «Хорошо бы нам на будущее подладить ее под себя» –

они сделали ее для себя жительной силой.

(Когда пожелали): «Хорошо бы нам на деле увидеть вот эту жительную силу» –

она стала тамошним небом.

2) Все тотемные животные изображены большими по размеру по отношению к изображению жреца и композиционно расположены ниже, хотя скальная плоскость, на момент начала создания композиции, позволяла разместить изображение жреца на одном уровне с ними.

3) Большой по отношению к изображению жреца размер первых двух баранов композиции, их солярные спиральные рога и сомкнутые в кольцо ноги этих баранов и марала (рис. 3[2, 3, 4]), свидетельствуют об их сакральной – «небесной» символике и космогоническом семантическом содержании.

4) Различия в изображениях двух спиралерогих баранов (рис. 3[2, 3], 4), разноуровневое их композиционное размещение и светотеневая картина в день летнего солнцестояния, делящая их изображения пополам, свидетельствуют о сакральной дихотомии этих образов.

5) «Взгляд» жреца (рис. 3[1], 4) обращен на Юг, на Солнце находящееся в кульминации в любом из сезонных циклов «промежуточного» для богов мира сущего, как это зафиксировано в Шатапатха-брахмана [21]

XI.1.6.22

И еще прозрели южную сторону света.

Они сделали ее именно южной стороной.

Это именно нынешняя южная сторона.

Вот поэтому (коровы как) жертвенные дары жрецам

стоят рядом с алтарем с южной стороны

(и) пригоняются они

с южной (от него) стороны.

Ведь и в самом деле южным (с южной стороны) делают этот (жертвенный дар жрецам).

(Пожелав): «Хорошо бы нам на будущее подладить ее (южную сторону) под себя» –

Они сделали для себя этот мир.

(Когда пожелали): «Хорошо бы нам на деле увидеть вот этот мир» –

он стал вот этим промежуточным миром.

Поистине, вот этот мир – это та (южная сторона света).

Подобно тому, как в здешнем мире земля воочию здешняя опора,

точно так же в тамошнем мире воочию вот этот промежуточный мир такая опора.

Раз находящийся здесь не видит тамошнего мира, из-за этого и говорят: «Тамошний мир недоступен зрению».

б) О «со-участии» жреца в ритуале «со-сотворения мироздания» (рис. 3[1], 4, 8) свидетельствует его рогатый головной убор, символизирующий сакральный зооморфизм и вотивный жезл для священнодействия.

Используя светотеневую картину на скальной поверхности в летнее солнцестояние, создатели композиции «промаркировали» дихотомное содержание Усть-Сосского космогонического мифа, отведя жрецу роль «со-участника» ритуальных действий по «выпасу» двух космогонических спиралерогих баранов (рис. 3, 4, 8). Равенство размеров изображений жреца и рогов ближайшего к нему барана связывает мифологемный сюжет единым содержанием акта со-сотворения мироздания. Прикосновение жреца жезлом к соляным рогам верхнего барана символизирует единство акта космогонического сотворения и акта со-сотворения, осуществляемого жрецом.

Таким образом, с позиций предлагаемой к рассмотрению космогонической семантики, Усть-Сосская композиция воплощает собой солярный миф, построенный на теологемном базисе дихотомии света и тьмы, дня и ночи и смены сезонов года, характерный для теологем широкого круга индоевропейских культур.

Благодарность

Считаем необходимым выразить свою благодарность художнику Сергею Викторовичу Карлову за подготовку фотографий и копий

петроглифов к публикации и Геннадию Николаевичу Сапьяну за совместную работу на исследуемом археологическом объекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окладников, А. П.* Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск, 1976. – 123 с.
2. *Окладников, А. П.* Петроглифы Ангары. – М.-Л., 1966. – 322 с.
3. *Николаев, В. С., Мельникова, Л. В.* Исследование петроглифов Шара-Шубутэ в долине реки Куды // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 453–459.
4. *Ковтун, И. В.* Петроглифы висящего камня и хронология Томских писаниц. – Кемерово, 1993. – 66 с.
5. *Ковалева, О. В.* Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск, 2011. – 159 с.
6. *Леонтьев, Н. В., Капелько, В. Ф., Есин, Ю. Н.* Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, 2006. – 236 с.
7. *Советова, О. С.* Петроглифы Тагарской эпохи на Енисее. – Новосибирск, 2005. – 139 с.
8. *Ларичев, В. Е., Паршиков, С. А., Гуенко, Е. Г.* Тень бога и иконография Зурвана. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2015. – Vol. 3. – № 2. – Р. 1–22.
9. *Грязнов, М. П.* Тагарская культура // История Сибири. – Л., 1968. – Т. 1. – С. 159–165, 180–196.
10. *Курочкин, Г. Н.* Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Томск, 1991. – С. 103–105.
11. *Кузьмина, Е. Е.* Откуда пришли индоарии. – М., 1994. – 464 с.
12. *Советова, О. С., Миклашевич, Е. А.* Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999. – С. 47–72.
13. *Поляков, А. В., Святко, С. В.* Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2009. – Вып. 5. – С. 20–56.
14. *Хабибуллин, Р. Р.* Относительная хронология петроглифов Шалаболинской писаницы (результаты анализа новых композиций) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Материалы XLVII Региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 3–7 апреля 2007.
15. *Ларичев, В. Е., Паршиков, С. А., Гуенко, Е. Г.* Зурванитский иконографический канон. *Astronomy and mythology. Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2014. – Vol. 2. – № 2. – Р. 66–102.

16. Ларичев⁸, В.Е., Паршиков, С.А., Гиенко, Е.Г. Дахмы Хакасии. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies* 2016, 4(1), 117 – 149; <http://aaatec.org/art/a/ge6>.
17. Пяткин, Б.Н., Мартынов, А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: «КГУ», 1985. – 187 с.
18. Кызласов, Л.П. Древнейшая Хакасия. – М., 1986. – 295 с.
19. Горюнова, О.И. Новые наскальные рисунки побережья озера Байкал // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 гг. – Новосибирск, 2000. – С. 93–94.
20. Чугунов, К.В., Наглер, А., Парцингер, Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник 2. – СПб., 2006. – С. 303 – 311.
21. Шапапатха-Брахмана. Книга XI // Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XLVI. Перевод, вступительная статья и примечания В.Н. Романова. – М., 2014. – 205 с.
22. Первый сундук – Мировая гора, достигающая высоты Солнца (к методике выявления закономерностей размещения в культурно обустроенном пространстве сакральных памятников). Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН / В.Е. Ларичев [и др.]. – Новосибирск, 2008 г. – Т. 14. – С. 185–189,
23. «Сундуки» – великий сакральный центр Северной Хакасии. «История и культура востока Азии». «Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии» / В.Е. Ларичев [и др.]. – Красноярск, 2009. – С. 73–92.
24. Ларичев, В.Е., Паршиков, С.А. Протохрам возникновения и устройства Вселенной // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН). – Новосибирск, 2006. – Т. 12, часть 1. – С. 412–417.
25. Ларичев, В.Е., Паршиков, С.А. Протохрам возникновения и устройства Вселенной: «Зона жизни» и божества зурвано-зороастрийской теогонии и мифологии в наскальном искусстве Северной Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН Издательство Института археологии и этнографии. СО РАН. – Новосибирск, 2007. – Т. XIII. – С. 313–318.
26. Karo, Georg: Die Schachtgräber von Mykenai, München, 1930/1933, Bd 1-2.

Е. Г. Гиенко, С. А. Паршиков

СВЯЗЬ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ КОМПОЗИЦИЙ СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ С АСТРОНОМИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫМИ НАПРАВЛЕНИЯМИ

В статье рассматриваются взаимосвязи между композициями петроглифов, найденных в Северной Хакасии, с астрономически значимыми направлениями к точкам восхода и заката солнца и звездами. Отмечается, что петроглифы обозначают как положение наблюдателя, так и направление наблюдений. Это свидетельствует

о высоком уровне астрономических знаний жрецов Окуневской эпохи и является подтверждением археологической значимости выявленных астрономических объектов.

Ключевые слова: астроархеологический комплекс, Северная Хакасия, окуневская культура, петроглифы

E. G. Gienko, S. A. Parshikov

THE RELATIONSHIP BETWEEN PETROGLYPH COMPOSITIONS OF NORTHERN KHAKASSIA AND ASTRONOMICALLY SIGNIFICANT DIRECTIONS

The relationship between petroglyphic compositions found in Northern Khakassia and astronomically significant directions to the points of sunrise and sunset And stars is considered in the article. It is noted that petroglyphs mark both the position of the observer and the direction

of observation. This indicates a high level of astronomical knowledge of the priests of the Okunev era, and is a confirmation archaeological significance of the identified astronomical sites.

Key words: astroarchaeology complex, North Khakassia, Okunev culture, petroglyphs.

Введение

Астрономически значимые направления, определяющие организацию пространства древних культовых комплексов, задаются наблюдае-

мым суточным и годичным движением светил – Солнца, Луны, звезд и планет.

Видимое движение Солнца в течение дня разделяет пространство на две области – восточную (восход, подъем) и западную (снижение, заход), а максимальную высоту над горизонтом Солнце занимает в меридиане (кульминации). Направления меридиана (север-юг) и первого вертикала (запад-восток) являются одними из важнейших астрономических направлений, отмеченных на многих археологических памятниках. На юге Солнце, Луна и звезды занимают наивысшее в течение суток положение относительно горизонта. В противоположной стороне, на севере, вместе с ближайшей к северному полюсу мира звездой – Полярной, есть область незаходящих звезд, не касающихся Земли. Обращение на север в область незаходящих звезд также было важным в мировоззрении древних людей¹.

Видимое годовое движение Солнца разделяется на четыре сезона днями равноденствий и солнцестояний, а наблюдаемый горизонт в течение года – точками восхода и захода Солнца в эти дни, от крайних северных положений в летнее солнцестояние, до крайних южных – в зимнее. Поскольку в течение суток движение Солнца происходит по окружности, а точки восходов-заходов Солнца смещаются в течение года, то результирующая кривая, есть спираль, один из древнейших символов. Кроме того, в течение года с изменением высоты Солнца над горизонтом и точек его восхода и захода изменяется освещенность ландшафта и светотеневая картина, что могло использо-

ваться древними людьми при размещении и создании наскальных изображений.

Таким образом, важной задачей в астроархеологии является обоснование связи петроглифических композиций с астрономическими явлениями.

Обзор астрономически значимых направлений местности «Сундуки», маркированных петроглифами

По результатам многолетних исследований, под руководством В.Е. Ларичева, в местности «Сундуки» (Северная Хакасия) было выявлено множество археологических памятников, большинство из которых имеют петроглифическое сопровождение астрономически значимых направлений или связаны композиционно и семантически со светотеневой картиной в дни солнцестояний и равноденствий. Петроглифы маркируют место наблюдателя (астрономическую площадку) или место наблюдения (визирования) небесного явления или выступают, в зависимости от расположения наблюдателя, маркерами того и другого, что является достоверным подтверждением археологической значимости астрономических площадок. Кроме того, ряд петроглифических композиций связан со светотеневой картиной, наблюдаемой в астрономически значимые моменты года (солнцестояния или равноденствия).

В таблице 1 приведен список обнаруженных в местности «Сундуки» астрономически значимых направлений. Из таблицы видно, что петроглифы маркируют большинство астрономически значимых направлений.

Таблица 1

Количество обнаруженных на территории Сундуков зафиксированных в древности астрономических направлений

Наименование	Наблюдательные площадки		Направление меридиана	Наблюдение светил			Петроглифы, связанные с астрономическими площадками
	Опубликовано	Разведано		Солнце	Луна	Звезды	
Первый Сундук	8	10	3	РС: В2, 31 ЛС: В3, 31	НЛ:2 ВЛ: 3	1 (Арктур)	2
Пятый Сундук	1	2	1	ЛС:31	НЛ: 1 ВЛ: 1	–	1
Грудь-гора	4	7	1	РС:В2, 31 ЛС:В1 ЗС:В3, 32	НЛ: 3	–	3
Гора Солбон	2	3	–	ВЗС: 1 (над 1 Сундуком)	НЛ: 1	–	2
Серафимов камень	5	5	3	ЛС: В2(над 1 Сундуком), З3	–	1 (Арктур и Бетельгейзе)	4

Саратский сундук	2	8	3 Запад-восток 2	ЛС: В1, 31 ЗС: В3 РС: В2	НЛ: 1 ВЛ: 1	–	4
Могильник у Саратского сундука	3	3	1	ЛС: В2, 32 ЗС: В2, 32 РС: В2, 32	ВЛ: 1 НЛ: 1	–	3
Храм сотворения Вселенной	2	2	–	ЛС: 31 ЗС: В1	–	–	1

Гиенко Е.Г., Серкин Г.Ф., Паршиков С.А., Ларичев В.Е. и др., астроархеология в Сибири // Астрономические методы исследований археоастрономических объектов горной гряды «Сундуки» и других астрономических объектов: сб. тр. Всеросс. полевого семинара. Новосибирск, 2017. С. 36–46.

Условные обозначения: М – меридиан, ЛС – летнее Солнце, ЗС – зимнее Солнце, РС – Солнце в равноденствие, НЛ – низкая летняя Луна, ВЛ – высокая зимняя Луна, В – восход, З – заход. Цифры после букв – количество зафиксированных (и опубликованных) направлений.

Петроглифы на астроархеологическом комплексе «Серафимов камень»

В данной публикации рассмотрим астроархеологический комплекс «Серафимов камень»², как яркий пример связи петроглифов с астрономически значимыми направлениями. Комплекс расположен на левом берегу реки Черной и включает в себя собственно «Серафимов камень», огромный многогранный валун серовато-розового песчаника, место моления православных христиан соседних деревень в честь Серафима Саровского (рис. 1), а также культурно обустроенное пространство выше по склону. Здесь на протяжении 200 м. к северу от Серафимова камня расположено множество округлых каменных выкладок

диаметром около 1,5 м, гряды глыб песчаника, выложенные в полосы в северо-западном направлении, несколько пар глыб разных размеров, образующих своеобразные «ворота». Завершает самую северную обустроенную полосу ровная, окруженная глыбами, блоками и плитами песчаника округлая площадка диаметром от 20 до 30 м. Она расположена на вершине прибрежной возвышенности и находится вне поля видимости от Серафимова камня. С северо-востока и юго-запада площадку окружают округлые каменные выкладки диаметром около 1,5 м (возможно, надмогильные).

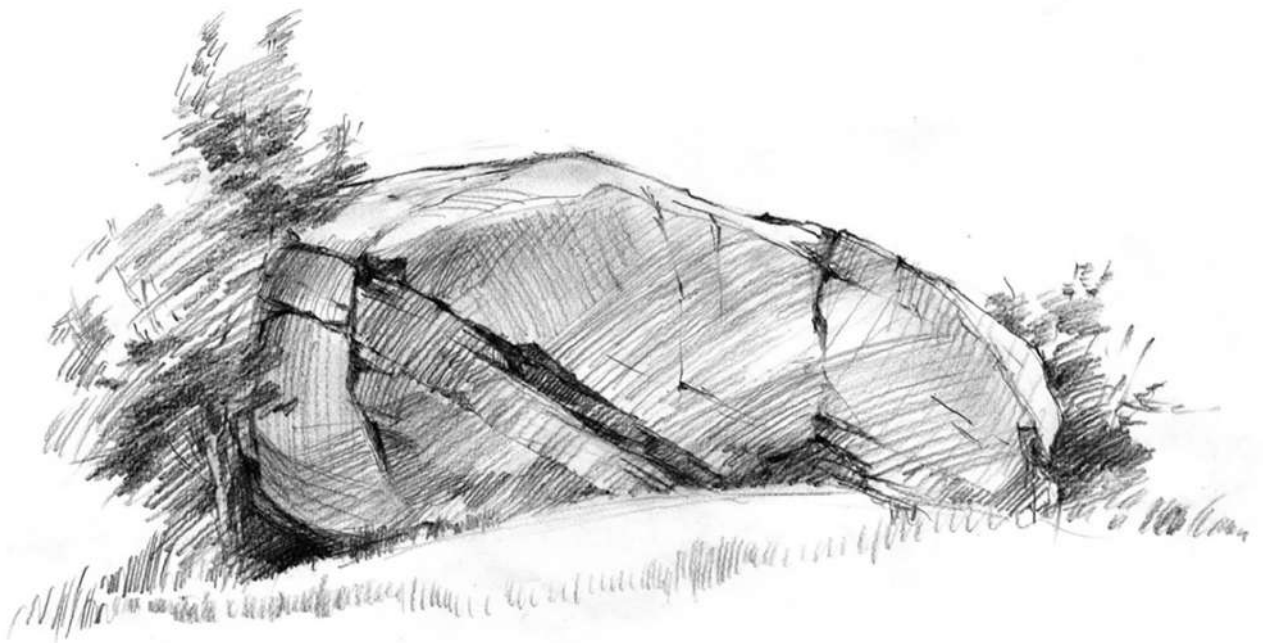

Рис. 1. Серафимов камень. Рисунок С. Карлова

В пределах комплекса «Серафимов камень» обнаружены четыре выбитые окуневские личины (рис. 2)³. Одна личина (рис. 2а) расположена на юго-западной грани собственно Серафимова камня. Противоположная грань, обращенная в сторону Первого Сундука, зеркально отшлифована и сияет в лучах восходящего летнего Солнца.

Две другие личины найдены на плитах, ограждающих округлую площадку наверху комплекса:

– на левой плите северо-восточных «ворот» ограждения, ориентирующих взгляд на вершину Первого Сундука (рис. 2б);

– на одиночной плите в западной части ограждения площадки (рис. 2в). Здесь личина полностью скрыта (*insitu*) под землей.

В 15 м к востоку от площадки, на краю склона, расположен продолговатый валун длиной 2,8 м, на вершине которого обнаружена плохо сохранившаяся, смотрящая в небо «бородастая» личина (рис. 2г). К валуну привалены две крупные плиты, образующие своеобразную «зрительную трубу» ориентирующую взгляд в северо-северо-западном направлении, пред-

назначенную для наблюдения прохождения Арктура во II тыс. до н.э.⁴

Перечисленные петроглифы маркируют сложную систему следующих астрономических направлений, выявленных на комплексе⁵:

– меридиана (Серафимов камень – центр верхней круглой площадки);

– восхода летнего Солнца над Первым Сундуком от Серафимова камня через две направляющие плиты;

– восхода летнего Солнца над Первым Сундуком через «ворота», отмеченные личиной (рис. 2б);

– захода летнего Солнца над личиной (рис. 2г), наблюдаемого от изваяния «черепahi», (рис. 4), расположенной на восточном краю каменной гряды;

– восхода звезды Бетельгейзе во II тыс. до н.э. (дважды – над Серафимовым камнем и через личины на верхней площадке; здесь это направление, кроме двух петроглифов (рис. 2в и рис. 2г), отмечено тремя рукотворными маркерами);

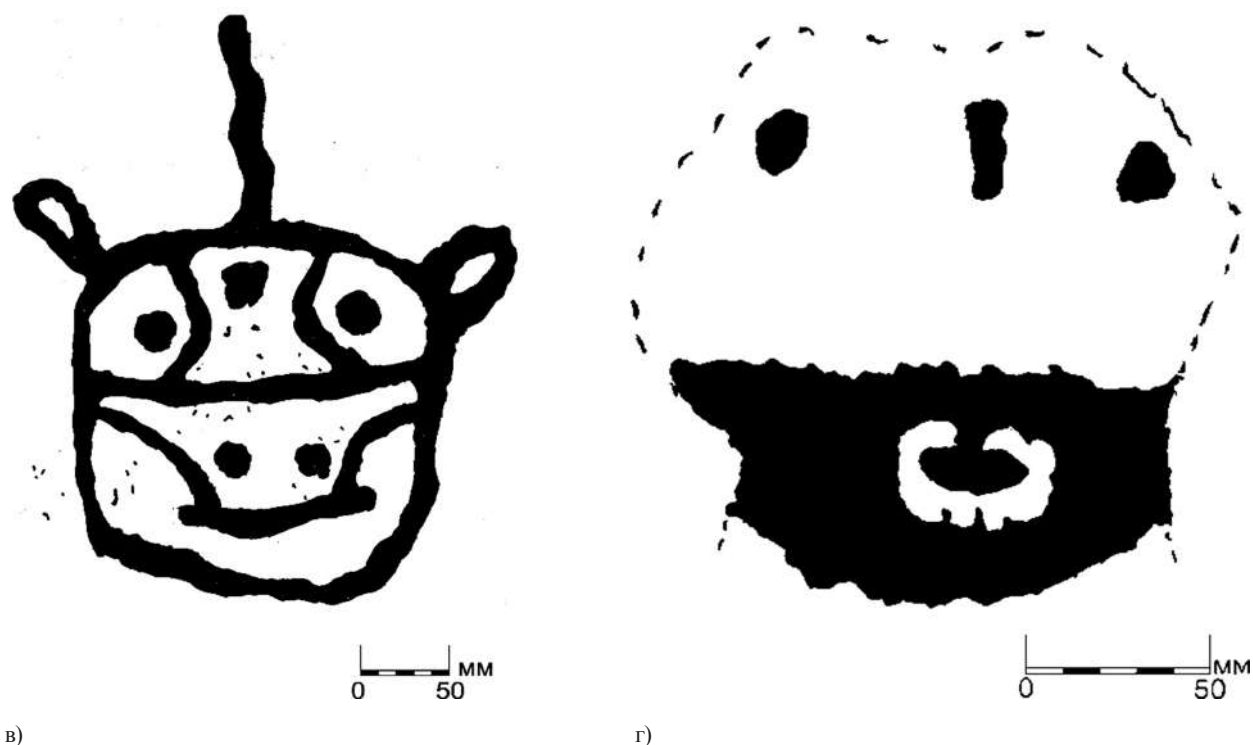
– прохождения звезды Арктур через «зрительную трубу», наблюдаемого во II тыс. до н.э. (над личиной рис. 2г).

а)

б)

Рис. 2. Окуневские личины святилища «Серафимов камень»⁶

В таблице 2 приведены основные сведения о характере маркировки петроглифами астрономически значимых направлений. На рисунке 3

отмечена схема расположения основных элементов, петроглифов и астрономических направлений святилища «Серафимов камень».

Таблица 2

Связь петроглифических композиций окуневской культуры с астрономическими направлениями. Святилище «Серафимов камень»

Личина, описание	Явление	Место наблюдателя	Место наблюдения	Светотеневая картина	Примечание
Рис. 2а (Серафимов камень)	Направление меридиана	+	+	–	Через центр круговой выкладки святилища
	Восход летнего Солнца	+	–	+	Над Первым Сундуком
	Восход Бетельгейзе	+	+	–	II тыс. до н. э.
Рис. 2б (круговая выкладка святилища)	Восход летнего Солнца	+	+	–	Над Первым Сундуком
Рис. 2в «Хтонический бог», (круговая выкладка святилища)	Восход Бетельгейзе	+	–	–	Через личину рис. 1г
Рис. 2г личина, смотрящая вверх (труба наблюдения Арктура)	Заход летнего Солнца	–	+	–	При наблюдении с «Черепahi», рис. 4
	Восход Бетельгейзе	–	+	–	II тыс. до н. э.
	Прохождение Арктура	–	+	–	II тыс. до н. э. Через «трубу наблюдения»

Заключение

Таким образом, по представленным в статье материалам можно уверенно сказать о связи петроглифических композиций с астрономическими направлениями, что свидетельствует о высоком уровне астрономических знаний жрецов

окуневской эпохи, а также является подтверждением археологической значимости выявленных астрономических площадок. Петроглифы маркируют как точку стояния наблюдателя, так и ориентируют его взгляд в нужном направлении.

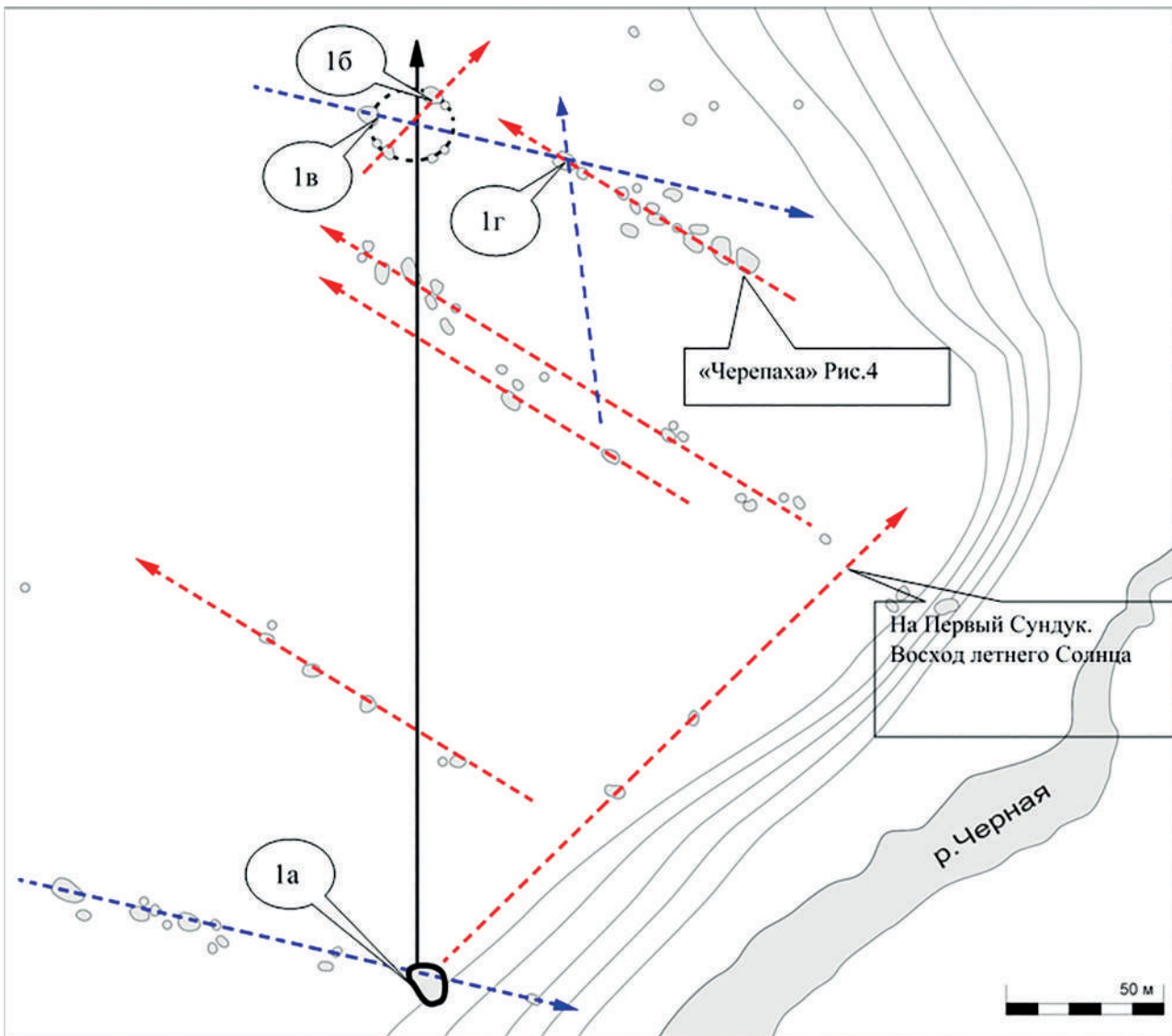

Рис. 3. Серафимов камень. Схема астрономических направлений, связанных с петроглифами. Выносками отмечены расположения личин со ссылкой на номер рисунка. Обозначения цветом: черный – направление меридиана; красный – направление восходов и заходов летнего Солнца; синий – гелиакические прохождения звезд в 1350 г до н. э., восход Бетельгейзе (юго-восток), прохождение звезды Арктур через «трубу» (северо-запад)

Рис. 4. Серафимов камень. Изваяние черепахи, со спины которой наблюдается заход Солнца над личиной (рис. 2 г) в летнее солнцестояние. На голове черепахи стоит «Мировая гора» – Первый Сундук. Фото С. А. Паршикова

Возможно, семантика рассмотренных изображений может быть объяснена с привлечением данных астрономии, стилистики и символики различных культур. Приведенные в статье изображения, относятся к разным эпохам, являются разными по стилю, расположению и содержанию (например, личина на рис. 2г «смотрит вверх» – в небо (?), и маркирует три направле-

ния, связанных с небесными явлениями). При этом визирование прохождения Арктура через «трубу наблюдения» с изображением личины (рис. 2г) было возможным, по астрономическим расчетам, в 1350 г. до н.э. \pm 50 лет, а это уже курасукская эпоха Хакасии. Вследствие чего, нетипичный для окуневской культуры борода-тый лик (рис. 2г) мог быть создан андроновцами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Березкин, Ю.Е. Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб., 2017. – 316 с.; Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии. – М., 1991. – 381 с.; Куртик Г.Е. Звездное небо древней Месопотамии. СПб., 2007. – 742 с.
2. Ларичев, В.Е., Гиенко, Е.Г., Паршиков, С.А. Серафимов камень – астрономическая обсерватория и астросвятилище окуневской культуры (боги, Солнце, звезды и Мировая гора в мировоззрении жречества эпохи бронзы Хакасии) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий (Мат. Год. сесс. Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2012 г.). – Новосибирск, 2012.– Т. XVIII. – С. 206–210; Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А. Звездная астрономия святилищ бронзового века Северной Хакасии // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2015. – № 3(1). – С. 42–64.
3. Ларичев, В.Е., Гиенко, Е.Г., Паршиков, С.А. Серафимов камень...
4. Ларичев, В.Е., Гиенко, Е.Г., Паршиков, С.А. Звездная астрономия...
5. Там же.
6. Ларичев, В.Е., Гиенко, Е.Г., Паршиков, С.А. Серафимов камень...
7. Ларичев, В.Е., Гиенко, Е.Г., Паршиков, С.А. Звездная астрономия...

АСТРОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДРЕВНИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Начиная с эпохи бронзы, большинство каменных изваяний и ряд вертикально установленных плит в Сибири имели скошенный верхний край – высокую восточную и низкую западную грани, что связано с тем, что солнце восходит на востоке, а садится на западе. Как на окуневских каменных изваяниях, так и на «оленных» камнях Саяно-Алтая и на таштыкских гипсовых масках лицевою часть украшали тремя или двумя символическими прямыми или косыми линиями – знаком Неба. Хищных зверей и копытных животных изображали не только на изваяниях и «оленных» камнях, но и на одежде, а также на татуировке человека.

В истории Сибири можно выделить четыре основные «волны» появления во времени различных по своему облику и семантике каменных изваяний, разделенные периодами по 1200 лет. В степях Хакасии до сих пор стоят монументальные столбообразные каменные изваяния с высеченными реалистически переданными человеческими лицами и такие же камни или плиты с фантастическими образами, в которых частично нашли отражение и астрономические аспекты.

Ключевые слова: Сибирь, Хакасия, каменные изваяния, «оленные» камни, археология, астрономия, 1200-летние периоды.

L. S. Marsadolov

ASROARCHEOLOGICAL ASPECTS OF ANCIENT STONE STATUES OF SOUTH SIBERIA

From the Bronze Age onwards most of the stone statues and a number of the vertical slabs in Siberia were oblique at the top – a tall eastern and low western edge, relating to the fact that the sun rises in the east and sets in the west. Two or three symbolic straight or oblique lines are found on the obverse side of Okunev stone statues, as well as on the «deer» stones of Sayan-Altay and on some Tashyk plaster masks – Sky sign. The beasts of prey and ungulates were depicted not only on statues and «deer» stones, but also on clothing and in tattoos.

In the history of Siberia one can identify four main «waves» of the occurrence of stone statues varying in appearance and semantics, divided into periods of 1,200 years. Monumental column-like stone statues with realistically carved human faces and stones and slabs with fantastic images, which partially reflect and astronomical aspects are still standing in the steppes of Khakassia.

Key words: Siberia, Khakassia, stone statues, «deer» stones, archaeology, astronomy, 1200-year periods.

Научные астроархеологические темы, исследованные Виталием Епифановичем Ларичевым, были довольно разнообразны и обширны, в том числе и изучение астроаспектов «оленных» камней, больших плит, стел, наскальных рисунков на святилищах Хакасии и Центральной Азии¹.

Введение. Эпизодические астрономические наблюдения у кочевых народов Евразии уходят в глубь тысячелетий и основываются на сакральности Времени. Время можно было определить по движению небесных светил Солнца и Луны, затем созвездий, которые являлись составной частью культа Неба, оформленного в период средневековья в религиозное направление – Тенгрианство. Отсюда вытекала потребность познания небесных светил и явлений, согласования своей жизни с их основными ритмами.

Каменные изваяния Евразии – замечательные памятники монументального и сакрального

искусства, пережившие тысячелетия, и до наших дней частично сохранившиеся в первозданном ландшафте степных просторов и горных долин. Разные по времени каменные изваяния не только выполняли важные культовые функции, но и служили в древности твердо зафиксированной точкой в пространстве, ориентиром для путников и играли роль постоянных гномонов, своеобразных солнечных часов. По тени от изваяния можно было в степи ориентироваться на местность и узнавать время.

Поэтому, выбирая место для святилища на равнине, большое внимание уделяли окружающему долину ландшафту и разности высот гор на горизонте. В центре святилища или культового места в качестве своеобразного алтаря устанавливали самое большое изваяние, «оленный» камень или стелу с изображениями. Верхняя часть изваяния уходила в небо, средняя была на

уровне людей, а нижняя – опущена в землю, в подземный мир.

1200-летняя периодичность появления каменных изваяний. В древней истории Южной Сибири можно выделить четыре основные «волны» появления во времени различных по своему облику и семантике каменных изваяний, разделенные *периодами по 1200 лет*² (рис. 1):

- 1) эпоха бронзы – XXI–XIX вв. до н.э. и ранее;
- 2) эпоха раннего железа – IX–VII вв. до н.э.;
- 3) эпоха раннего средневековья (древнетюркское время) – VI–IX вв. н.э.;
- 4) эпоха нового и новейшего времени – с XVIII в.

(скульптуры правителей и выдающихся людей).

В эпоху бронзы основным центром разных по типам каменных изваяний в Сибири была *Хакасия*³, гораздо меньше их было зафиксировано на Алтае и в Туве. *Наибольшее число «оленных» камней раннескифского времени сосредоточено в степях Монголии*, но известны они также на Алтае, в Туве⁴, Забайкалье, Казахстане и в других горных и степных регионах.

Позднеокуневские изваяния – самые сложные по сакрально-мифологической изобразительности; «оленные» камни предскифского времени – самые лаконичные и стилизованные; *древнетюркские изваяния* – реалистичные по облику, но с сакральной подосновой⁵, а *памятники и обелиски новейшего времени* наиболее разнообразны по форме, портретно реалистичны и мемориальны (рис. 1: 1–11).

Не исключено, что каждый из 1200-летних периодов связан с «эпохами великих переселений народов» и с «волнами» появления новых типов изваяний. «Вечные» каменные изваяния встречали в степи новых пришельцев, которые иногда свергали их, частично или полностью переделывали. Новые обелиски и крупные каменные сооружения, часто воздвигали как долговечные знаки «гарантии» на проживание в данном регионе, их связи с прошлым, с предками и т.п.

На первый взгляд (рис. 1: 1–11), меняются только облик и изображения на изваяниях, но это лишь один из аспектов при их изучении. При более углубленном исследовании становится ясным, что «волны» появления изваяний фиксируют не только крупные миграции и изменения в мировоззрении, но и очень важные сдвиги в хозяйственной деятельности, социальной организации, транспортных средствах, оружии и многих других сферах деятельности древних народов (рис. 1: А–Г). Пастушеское скотоводство и охота у окуневцев в античное

время сменяется кочевым скотоводством, затем переходом к земледелию, а в новейшее время и развитием крупных отраслей промышленности. Окуневские повозки с быками⁶ сменяются колесницами и всадниками на коне в античный период (рис. 1: А–Б). Тяжеловооруженный всадник на коне в доспехах (своеобразный легкий «живой танк») древнетюркского и монгольского времени становится малоэффективным перед ружьями, пушками, а затем танками и ракетами в новое и новейшее время (рис. 1: В–Г).

Крупные стелы, плиты и каменные объекты периода бронзы переиспользовали в эпоху железа, а затем в средневековье и позднее, вплоть до современного строительства. Археологи неоднократно отмечали культурное влияние окуневцев, их изобразительного стиля и традиций, на последующие культуры Саяно-Алтая и других регионов Евразии.

Довольно часто каменные изваяния входили важной составной частью в сложные ритуальные центры или комплексы, включающие различные выкладки из камня, оградки, петроглифы и керексуры.

Каждое изваяние – это сложный «закрытый» археологический комплекс, ценный источник разнообразной информации об изображенных на них предметах, украшениях, сложных образах животных и т.п.

Не исключено, что хищных зверей с раскрытой пастью и копытных животных изображали не только на окуневских изваяниях и «оленных» камнях (рис. 1: 2–5; 2: 1, 6, 7–8, 12), но и на одежде, а также на татуировке человека. Крупное изображение хищника кошачьей породы известно на татуировке вождя из кургана Пазырык-5 на Алтае (рис. 2: 9–11)⁷. Большая часть рисунка хищника на этой татуировке расположена в верхней части туловища человека и на спине, а голова заходит на плечо (рис. 2: 10), как на изваяниях окуневской культуры (рис. 2: 7), так и на «оленных» камнях из поселка Аржан (рис. 2: 1, 8). Имитация «шкуры тигра» на пазырыкской татуировке восходит к изображениям хищников на кинжале из Аржана-2 и на деревянной колоде из Башадара-2 (рис. 2: 4–5, 10)⁸.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что антропоморфные обелиски и плиты с изображениями эпохи бронзы, которые до сих пор стоят в степных долинах Саяно-Алтая, повлияли на изваяния предскифского, тюркского времени, и неоднократно до современности использовались разными народами, служили источником вдохновения для творческих личностей различных исторических периодов.

Астроориентировка каменных изваяний. В результате астроархеологических исследований, проведенных Саяно-Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа (далее сокр. СААЭ ГЭ), начиная с 1980-х гг., на многих культовых памятниках Южной Сибири выявлена довольно четкая корреляция центров объектов с наиболее значимыми астрономическими направлениями, связанными с восходами/заходами Солнца и Луны, а также окружающими горами (в Аржане, Салбыке, Саглы, Юстыде, Тархате, Туру-Алты, Чуе, Семисарте, Ак-Бауре, Бийке и на других объектах).

По материалам СААЭ ГЭ можно отметить еще одну общую черту, присущую евразийским каменным изваяниям. Они выступают надежно зафиксированной точкой в ритуально важном месте. Лицевую часть как на многих окуневских изваяниях, так и на «оленных» камнях размещали на узкой грани каменных обелисков.

Большинство каменных изваяний имеет скошенный верхний край – высокую восточную и низкую западную грани (рис. 3: 1–2 и 2: 1). Вероятно, это связано с тем, что солнце, поднимаясь вверх, восходит на востоке и опускается вниз на западе. Наиболее ярко такая закономерность прослеживается на «оленных» камнях в культовых центрах на реках Чуя, Юстыд, Саглы и др. Здесь «каменный воин» смотрит на восток, по линии восхода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия. В какой-то степени каменное изваяние воина-предка являлось гарантом того, что солнце взойдет в той точке горизонта, на которую направлено его «лицо и взгляд» (рис. 4).

Близкая закономерность выявлена и при исследовании СААЭ ГЭ в 1990-е гг. стел каменной ограды Большого Салбыкского кургана в Центре Хакасии (рис. 3: 3), датируемого VII в. до н.э. (раскопан экспедицией С.В. Киселева в 1954–1956 гг.) Это самый крупный мегалитический объект в Сибири, для сооружения которого были частично использованы и огромные камни из более древних святилищ⁹. Узкие грани вертикальных стел ограды ориентировали по линии восток–запад, но при этом более высокую сторону обращали к востоку – на восход солнца и луны (рис. 3: 3–5). Самые крупные по размерам вертикальные стелы находились с восточной стороны, а самые маленькие – с западной стороны ограды (рис. 3: 5).

Следует отметить общие закономерности в выборе местонахождений в I тыс. до н.э. для ритуально важных объектов в Саяно-Алтае. Как правило, выбирались только межгорные долины, в которых на южной и северной сторо-

нах горизонта были высокие горы, а на западной и восточной – низкие (Аржан, Саглы, Юстыд, Чуйский комплекс, Бийке и др.). Если на Чуйском святилище центральное каменное изваяние было ориентировано лицом на восток, то на могильнике Бийке астрономически значимой стороной горизонта являлся запад. Возможно, это связано с тем, что Чуйское святилище служило для ритуалов живым людям и ассоциировалось с восходом Солнца, а урочище Бийке, в первую очередь, использовалось для погребения умерших, поэтому здесь и преобладала западная сторона, где заходило (умирало) Солнце.

Один из наиболее известных культовых памятников Центрального Алтая расположен на правом берегу реки Чуи, недалеко от ее впадения в реку Катунь, между поселками Иня и Июдро, в Онгудайском районе. Комплекс объектов находится сейчас рядом с Чуйским трактом, а ранее находился, вероятно, рядом с кочевой тропой – одной из главных и жизненно необходимых транспортных дорог, соединявшей северные, западные и центральные регионы через высокогорья с восточными и южными районами Алтая, Кузнецкой котловиной, Хакасией, Тувой, Монголией и Китаем.

Чуйское антропоморфное изваяние издавна было хорошо известно местному населению, поэтому многие исследователи Центральной Азии не могли проехать мимо него. Известные путешественники Н.М. Ядринцев в 1883 г. и Г.Н. Потанин в 1885 г. одними из первых сделали и опубликовали зарисовки каменного изваяния и находящихся рядом наскальных рисунков у скалы Адыр-Кан. Позднее этот памятник посещали М. Швецова, В.В. Сапожников, М. Эберт, П.П. Хороших, С.С. Сорокин, Б.Х. Кадиков, В.А. Могильников, Л.В. Шапошникова, Е.А. Окладникова и многие другие археологи. Описанию и прорисовке каменного изваяния большое внимание уделил В.Д. Кубарев¹⁰.

Автор этой работы также неоднократно посещал этот комплекс в 1976, 1980, 1985, 1995, 2003 годах и каждый раз открывал для себя все новые детали и все более глубокие связи между находящимися там объектами и окружающим ландшафтом¹¹.

Центром Чуйского святилища является каменное изваяние в виде схематичной фигуры воина, изготовленное из плиты серовато-зеленоватого сланца. Видимая над поверхностью часть стелы имеет следующие размеры: высота – 2,1 м, ширина – до 0,6 м и толщина – 0,3 м. В верхней части камня контурной выбивкой изображено лицо человека с глубокими округлыми

глазницами, носом и ртом. Ниже лица выбита пектораль или шейная гривна. В средней части находится кинжал большого размера с расширяющимся клинком, выделенной рукоятью, с тремя небольшими полосками над ней.

Это изваяние стоит в центре межгорной долины, вытянутой с востока на запад. С северной стороны находятся близлежащие безлесные горы с наскальными изображениями, а с южной стороны – река Чуя и удаленные горные массивы, покрытые лесом. С западной стороны от изваяния расположены три округлые каменные выкладки, размеры которых также уменьшаются с востока на запад и ориентированы по линии солнечного равноденствия.

Вероятно, при первоначальной установке камня для него долго выбирали место в обширной межгорной долине, так как лицевой частью его ориентировали на точку схода четырех природных объектов – покрытую лесом восточную гору, перекрывающую, уходящий также на восток северный горный массив, удаленный склон третьей и вершину четвертой гор, находящихся точно на востоке (по азимуту около 90 градусов – рис. 4: 2–3). Судя по астрономическим расчетам, в дни близкие к равноденствию солнце восходило в точке пересечения этих гор, что могло осознаваться древними кочевниками и служить одной из причин для поклонения каменному изваянию, установленному в сакрально важной точке (рис. 4: 3). Для выбора такой точки были необходимы длительные наблюдения за восходом солнца. Интересно отметить, что в дни приближения к летнему солнцестоянию, *солнце подни-*

малось вверх по склону северо-восточной горы, а в дни после зимнего солнцестояния *опускалось вниз* по склону юго-восточной горы (рис. 4: 2).

Вероятно, и другие точки восхода и захода солнца и луны играли определенную роль в культовых обрядах с каменными изваяниями, но нужны дополнительные палеоастрономические наблюдения на других объектах для накопления и обобщения таких фактов. Близкие закономерности наблюдаются и при анализе планиграфии не только святилищ, но также курганов и выкладок на других памятниках Саяно-Алтая I-го тыс. до н. э.

Заключение. Вышеприведенные примеры показывают преобладание сакральных представлений и изобразительных традиций в Южной Сибири на протяжении довольно длительного времени.

Каменные изваяния различных исторических периодов, безусловно, выполняли много функций, выяснить которые поможет как анализ самого изваяния и находящихся на нем изображений, так и поиск ландшафтных закономерностей при выборе места для его установки. В большинстве случаев изваяния находятся в долинах с низкими восточными и западными, а также высокими северными и южными сторонами горизонта. Для накопления достоверных фактов необходимо изучение разных по времени каменных изваяний, до сих пор стоящих *in situ* в горно-степных районах, с фиксацией круговой ландшафтной панорамы и последующих палеоастрономических расчетов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ларичев, В.Е. Оленные камни: опыт интерпретации отдельных стел и рядов их в структурах святилищ и погребальных комплексов // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск, 2011. – Вып. 16. – С. 97–112; Марсадолов, Л.С. Комментарий к статье В.Е. Ларичева «Оленные камни...». Там же. – С. 112.
2. Марсадолов, Л.С. 1200-летняя периодичность появления «волн» каменных изваяний в Южной Сибири и современные проблемы их изучения // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Сб. ст. – Барнаул, 2014. – С. 68–75.
3. Леонтьев, Н.В., Капелько, В.Ф., Есин, Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, 2006. – 236 с.
4. Волков, В.В. Оленные камни Монголии. – М., 2002. – 248 с.; Марсадолов, Л.С. «Оленные» камни из поселка Аржан в Центре Азии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. Сб. ст. – М., 2005. – С. 301–311.
5. Кызласов, Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. – М., 1964. – №2. – С. 27–39; Сорокин, С.С. Древние каменные изваяния Южного Алтая // Советская археология. – М., 1968. – №1. – С. 260–262.
6. Есин, Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. – Абакан, 2012. – №1 (3). – Вып. 1. – С. 14–47.
7. Баркова, Л.Л., Панкова, С.В. Татуировки на мумиях из Пазырыкских курганов в инфракрасных лучах // Вестник истории, литературы, искусства. – Москва, 2006. – Вып. 3. – С. 31–42.
8. Руденко, С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960. – 359 с.; Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. – СПб., 2011. – С. 39–60.
9. Киселев, С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов

на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. – М., 1956. – С. 56–58; *Марсадолов, Л. С.* Большой Салбыкский курган в Хакасии. – Абакан, 2010. – 128 с.

10. *Кубарев, В. Д.* Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск, 1979. – 120 с.

11. *Марсадолов, Л. С.* Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. (Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа). – СПб., 2007. – Вып. 5. – 278 с.; *Марсадолов, Л. С.* Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2005. – Вып. 1. – С. 34–42.

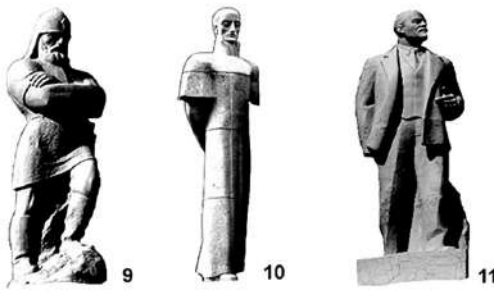
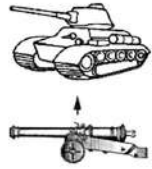
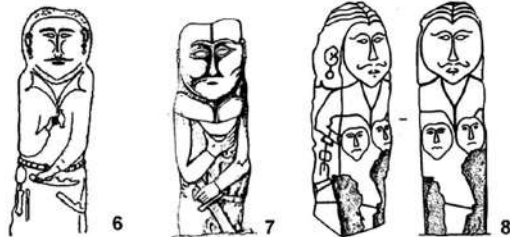

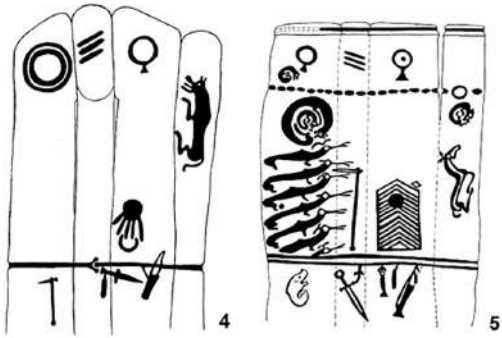
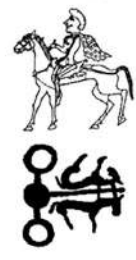
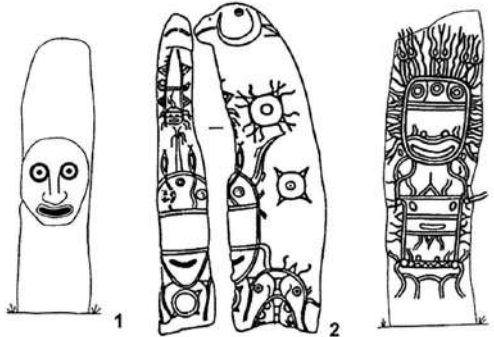

Дата	Каменные изваяния различных исторических периодов	Хозяйство, транспорт, оружие
Новое и новейшее время с XVIII в.		 От скотоводства и земледелия к промышленности
Средневековье VI–IX вв. н.э.		 Кочевое скотоводство, орошаемое земледелие, разные ремёсла
Античный период IX–VII вв. до н.э.		 Кочевое скотоводство, разные ремёсла
Период бронзы XXI–XIX вв. до н.э.		 Пастушеское скотоводство, охота

Рис. 1. Четыре основные «волны» появления каменных изваяний, разделенные периодами по 1200 лет: 1–3 – эпоха бронзы; 4–5 – «оленные» камни раннескифского времени; 6–8 – изваяния древнетюркского времени; 9–11 – скульптурные памятники новейшего времени; Памятники: 1 – Чалгыс обаа; 2 – Усть-Бюрь; 3 – Тазмин; 4–5 – Аржан; 6 – Джумалы; 7 – Чадаан; 8 – Хендерге; 9 – Ермак (Змеиногорск); 10 – Декабристы (Екатеринбург); 11 – В. И. Ленин (Норильск). По материалам: 1–3 – Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есина; 4–5 – Л. С. Марсадолова; 6 – С. С. Сорокина; 7–8 – Л. Р. Кызласова; 10 – скульптор В. Соколов, 2000 г.; 11 – скульптор С. Меркулов, 1954 г.; А – Ю. Н. Есина; Б – В. В. Волкова и С. И. Руденко. Составлено Л. С. Марсадоловым

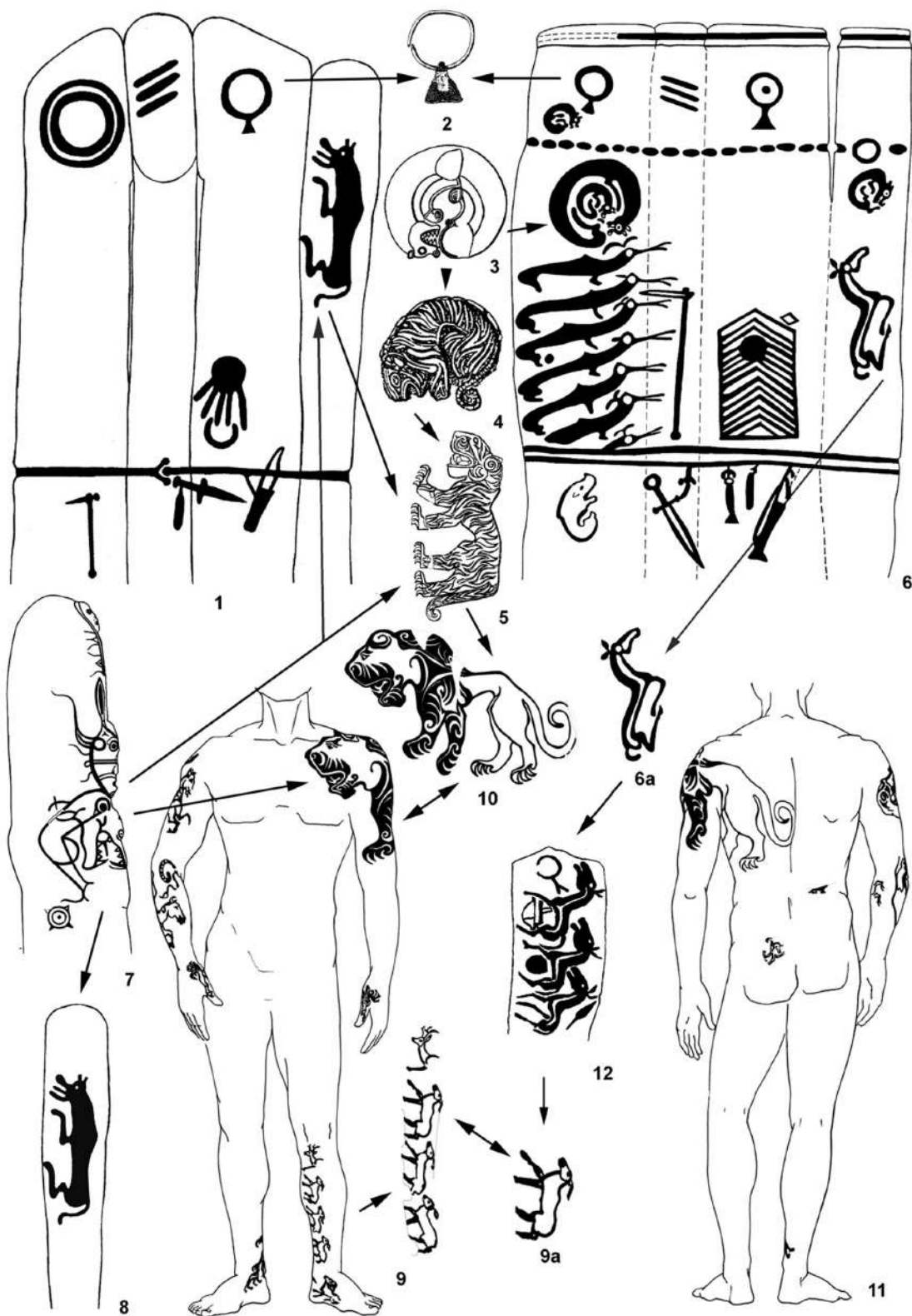

Рис. 2. Сопоставление изображений на каменных изваяниях, предметах и на татуировке вождя из кургана Пазырык-5 на Алтае (9–11):

Каменные изваяния: окуневской культуры, Хакасия, 3-е тыс. до н. э. (7); «оленные» камни VIII–VII вв. до н. э. из Тувы, пос. Аржан (1, 6, 8); 12 – Монголия.

Предметы: 2 – золотая серьга из Бойтыгема-II на Алтае, II в. до н. э.; 3 – бронзовая бляха из кургана Аржан-1, Тува, VIII в. до н. э.; 4 – изображение на перекрестье кинжала из кургана Аржан-2, 7 в. до н. э.; 5 – изображение на колоде из кургана Башадар-2, VI в. до н. э.

По материалам: 1, 6, 8 – Л. С. Марсадолова; 2 – М. Т. Абдулганеева; 3 – М. П. Грязнова; 4 – К. В. Чугунова; 5 – С. И. Руденко; 7 – Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есина; 9–11 – Л. Л. Барковой и С. В. Панковой; 12 – В. В. Волкова. Составлено Л. С. Марсадоловым

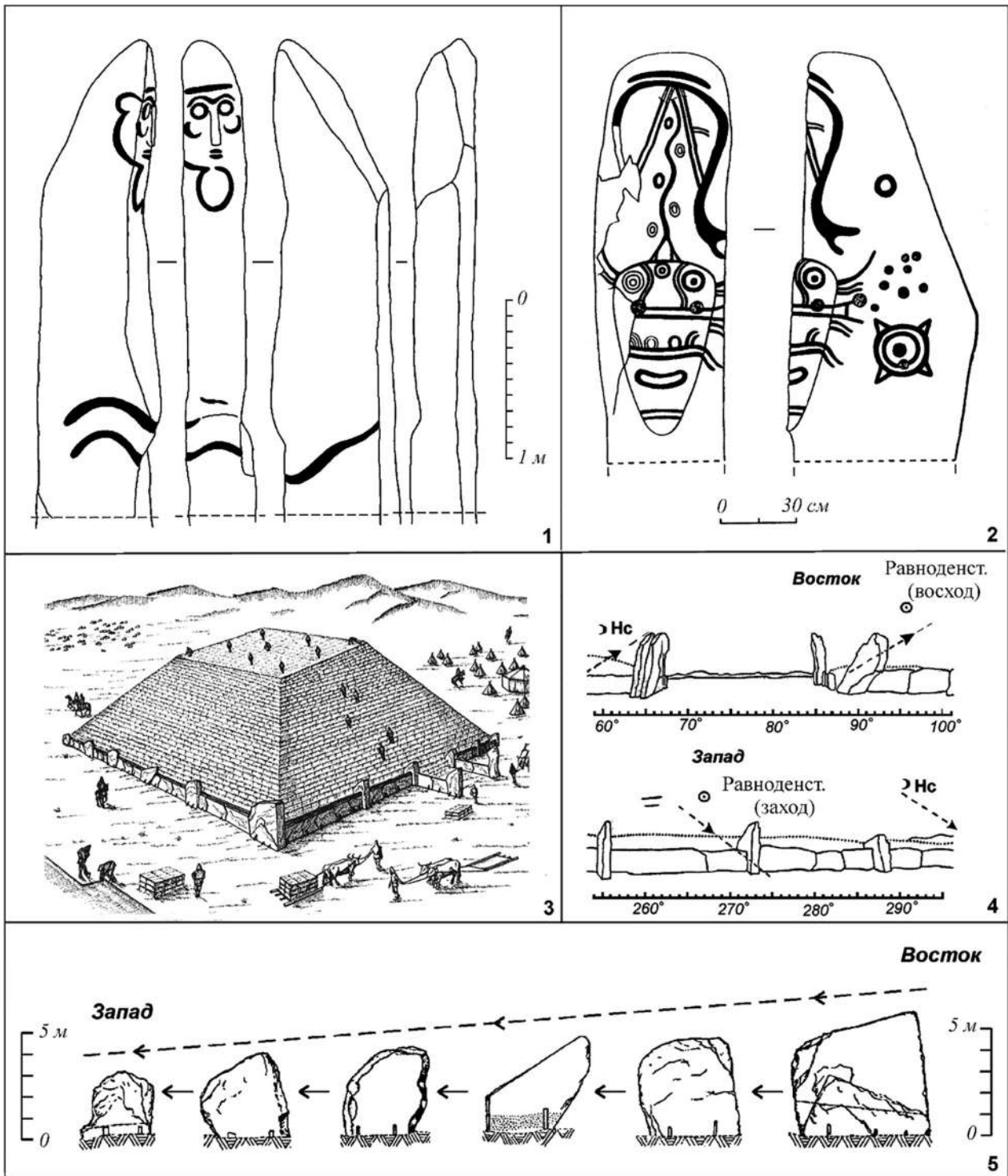

Рис. 3. Хакасия, объекты из камня, со скошенным верхним краем: 1 – Салбык, каменное изваяние эпохи бронзы, известное под названием «Старик» или «Игыр обаа» = «Кривой камень» (находилось в 900 м к ССВ от позднее сооруженного Большого Салбыкского кургана); 2 – изваяние окуневской культуры у пос. Ербинский, переиспользованное в тагарском кугане; 3–5 – Большой Салбыкский курган: 3 – реконструкция процесса сооружения насыпи; 4 – фрагменты панорамы с центра кургана с нанесенной астрономической разметкой; 5 – изменение с востока на запад высоты и размеров вертикальных каменных стел на южной стене ограды.

По материалам: 1, 3–5 – Л. С. Марсадолова; 2 – Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есина.

Составлено Л. С. Марсадоловым

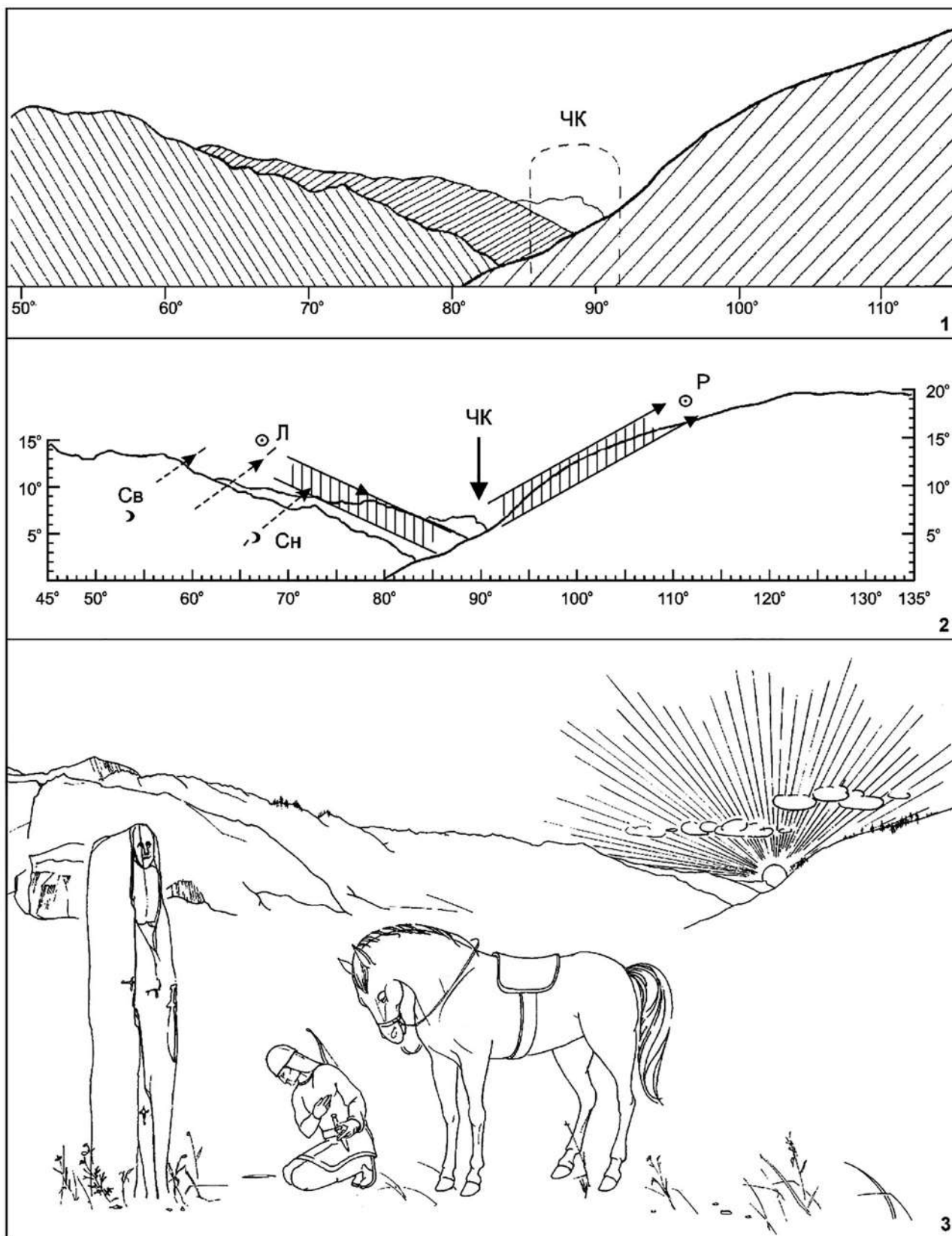

Рис. 4. Центральный Алтай, Чуйский камень (ЧК), находящийся у горы Адыр-кан: 1 – восточная часть урочища, место схождения четырех горных склонов (показаны разной штриховкой) и верхняя часть изваяния (ЧК), ориентированная на эту точку схождения; 2 – астрономические расчеты от места установки Чуйского камня (Р – восход солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий, Л – в день летнего солнцестояния, Св и Сн – восходы высокой и низкой северной луны); 3 – поклонение изваянию в дни равноденствия (реконструкция Л. С. Марсадолова, художник В. Р. Войнер).
По материалам экспедиций Л. С. Марсадолова

МЕТОДИКИ АСТРОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Астроархеология является одним из самых сложных научных направлений в археоастрономии, т.к. помимо временного континуума астрономических ситуаций на небе в определенные исторические времена, приходится еще учитывать факторы местного характера – линию горизонта, предполагаемое время суток, предполагаемые мифологические и религиозные концепции соответствующего исторического

времени на исследуемом археологическом памятнике. В помощь археологам существуют астрономические программы, астроархеологические методики, но для грамотного пользования ими нужны дополнительные астроархеологические курсы, возможно, он-лайн обучение.

Ключевые слова: астроархеология, методика астрономических исследований в археологии, В. Е. Ларичев.

O. O. Polyakova

METHODS ASTROARCHAEOLOGY RESEARCH

Astroarchaeology is one of the most difficult scientific directions in archaeoastronomy, because in addition to the time continuum of astronomical situations in the sky in certain historical times, it is necessary to take into account factors of local character – the horizon line, the estimated time of day, the alleged mythological and religious concepts of the corresponding historical time on the

archaeological site. To help the archeologists, there are astronomical programs that astroarchaeology methods, but for the competent use of them need more astroarchaeological courses, perhaps online learning.

Key words: astroarchaeology, methods of astronomical research in archeology, V.E.Larichev.

Астроархеология – одно из направлений археоастрономии в области историко-культурных исследований, возникающая в результате необходимости объяснения некоторых астрономических феноменов на археологических памятниках. Наряду с астроархеологией, в археоастрономии можно выделить астрономические исследования в следующих областях: астропиктография (по некоторым астрономическим элементам в наскальных рисунках, в рисунках на керамике, в написании древних знаков и иероглифов); астротнография (по астрономическим признакам в орнаментации одежды и пр.); астротопонимика (по астрономическим элементам в названиях топонимических объектов); астромифология (по астрономическим признакам в древних мифах); астрорелигиоведение (по астрономическим элементам в древних религиозных системах).

ческих исследований – астроархеологии, астропиктографии, астротнографии, астромифологии и т. д.

Астроархеология в этом смысле является наиболее сложной и многокомпонентной, но в результате такого исследования могут быть уточнены некоторые датировки событий, соответствующих временному континууму исследуемого археологического памятника.

Первым археологическим объектом с проведенными астроархеологическими исследованиями явился Стоунхендж в Англии¹ Джеральд Хоккинс и Джон Уайт в своей книге дали подробное описание астрономических расчетов восходов-заходов Солнца и Луны в древние времена с привязкой их к объектам на памятнике.

Для проведения любых археоастрономических исследований требуется грамотное владение информацией об изменении взаимного положения астрономических координат с течением времени. В наше время большим подспорьем для таких исследований являются астрономические программы и археоастрономические методики. Но для пользования ими требуется понимание особенностей применения астрономических знаний к конкретным областям археоастрономи-

Примерно в это же время В. Е. Ларичев, при раскопках Ачинской стоянки (1972)² и поселения Малая Сья (1976–1979)³ в Хакасии, открыл образцы палеолитического искусства возрастом свыше 30 тыс. лет, что определило новую для Виталия Епифановича область исследований – космогония и космология в мировоззрении древнего общества как начала протонауки, что было показано им на примерах следования Солнечно-Лунным циклам, оставленных древними людьми в малой пластике, например, на костяных пластинах. Виталий Епифанович,

как никто, умел распознавать в древних образцах искусства фиксируемые древними людьми циклы Солнца и Луны и способы исчисления древних календарей.

Позднее, в Курганской области (Западная Сибирь) М. П. Вохменцевым и Т. М. Потемкиной был открыт Савин – памятник с интересной двухкруговой планировкой (1994). Астрономические исследования, проводимые астрономом ГАИШ МГУ В. А. Юревичем и археологом РАН Т. М. Потемкиной, позволили открыть способ ведения календаря местными древними людьми по восходам-заходам Солнца и Луны. В результате исследования было издано методическое пособие, приведены таблицы широт и годов нашей эры и до нашей эры, позволяющее археологам на местах заниматься астроархеологическими исследованиями, связанными с восходами-заходами Солнца и Луны⁴.

Примерно в это же время на Алтае Л. С. Марсадаловым было открыто святилище на горе Очаровательная (1998)⁵, на которой древними людьми фиксировались восходы-заходы Солнца, и началась целая эпопея исследований мегалитических памятников Алтая, под руководством Леонида Сергеевича и астронома Пулковской обсерватории В. Л. Горшкова, организованных Государственным Эрмитажем.

Надо заметить, что участие квалифицированных астрономов в астроархеологических исследованиях помогало правильно выстраивать линию исследований и приводило к удовлетворительным результатам при датировании памятников.

Но не всегда астрономы могут сопровождать археологические исследования, и археологам, по большей части, самим приходится строить теоретические предположения, более или менее удачные или неудачные. Поэтому, учитывая интерес археологов к астрономической тематике при исследовании археологических объектов, желательно проводить астроархеологические практикумы и, лучше всего, в кардинальные времена года: весеннее и осеннее равноденствие, летнее и зимнее солнцестояние. Когда археолог сам наблюдает восходы-заходы Солнца и Луны и сравнивает их с теоретическими расчетами, он начинает чувствовать ситуацию и понимать реальную картину смещения современных показателей относительно древних.

По указанной методике Т. М. Потемкиной и В. А. Юревича можно заранее просчитать смещения точек восхода-захода Солнца и Луны для определенного памятника, зная его географиче-

скую широту и предполагаемое время возведения археологического памятника.

Но особенность астроархеологических исследований заключается не просто в выявлении древних астрономических направлений по астрономическим программам или по табличным значениям в методике, которые даются для математической линии горизонта, а в умении ученого соотнести эти теоретические значения с реальными местными характеристиками. Надо обязательно учитывать смещение астрономических направлений в зависимости от местной линии горизонта, что можно обнаружить только в полевых исследованиях в соответствующее время года. К сожалению, это условие выполняется не всеми исследователями. Необдуманное следование табличным значениям в астроархеологических методиках, где, по большей части, приводятся только крайние значения азимутов восхода-захода Солнца в зимнее и летнее солнцестояния в различные древние эпохи, иногда приводят к таким заявлениям, как смещение точек восхода-захода Солнца в равноденствия, подобное смещению в солнцестояние. Хотя, если самостоятельно воспользоваться приведенной в методике формулой⁶, подставив в формуле значение склонения Солнца в равноденствие, всегда равное нулю, можно убедиться в том, что азимут восхода всегда будет точно на востоке, и, соответственно, захода точно на западе с небольшими смещениями в зависимости от параллакса и высоты линии горизонта, что для конкретной исследуемой местности есть величина постоянная в любое время, как в древнее, так и в современное. Проще говоря, и древние, и современные точки восхода-захода Солнца совпадают на конкретном исследуемом памятнике. Исключение могут составлять только случаи, когда местность претерпела географические смещения в результате землетрясений или, если географический полюс сместился, но такой глобальный случай можно доказывать только на основе одинакового углового смещения для всех одновременно воздвигнутых древних памятников в разных точках земного шара. Также допускают ошибки те исследователи, которые смещение точек восхода-захода небесного объекта описывают в метрах, хотя, однозначно, если мы имеем дело с описанием астрономических направлений, мы должны указывать угловые величины, и только после этого можно делать уточнение в метрах для конкретного памятника. Некоторые ученые допускают ошибки, проводя исследования, связанные с восходами звезд, показывая время

восхода звезды из астрономической программы над математическим горизонтом, не учитывая при этом, что небо в описываемый момент может быть сумеречным, а у некоторых исследователей даже дневное, когда в реальности звезд на небе совсем не видно.

Мы вкратце рассмотрели ситуацию с астроархеологическими исследованиями в Пригоризонтной астрономии, когда исследуются астрономические направления на восходы-заходы светил и звезд на археологических памятниках, помимо объектов пригоризонтного фиксирования восхода-захода светил и звезд, встречаются и другие астрономические элементы, которые могут объясняться тем, что древние люди следили не только за Солнцем, Луной и звездами по их восходам-заходам над горизонтом, но и за околополюсной картиной неба, и за Полюсами астрономических систем. В этих случаях надо пользоваться общим археоастрономическим методом, учитывающим смещение всех четырех полярных систем астрономических координат относительно друг друга с течением времени: Горизонтальной, Экваториальной, Эклиптической, Галактической. Если при исследовании памятника не использовать знания об этих взаимосвязанных между собой полярных астрономических системах, то некоторые объекты или их конфигурации могут остаться без объяснения, что, в общем, делает ущербным астроархеологическое исследование.

Так, например, на Стоунхендже, исходя из исследования только восходов-заходов Солнца и Луны, трудно разглядеть значение камней 92 и 94, отличающихся от других камней на памятнике тем, что они окопаны рвами. Только еще один выделяющийся на памятнике объект окопан рвом – Алтарный камень, являющийся основой для наблюдений восхода Солнца в летнее Солнцестояние⁷. Но если учесть тот фактор, что первая очередь Стоунхенджа строилась в то время, когда люди наблюдали небо в Эклиптической системе координат с Полюсом Эклиптики этой системы рядом с «головой» созвездия Дракон и, если наложить небесную карту Полюсом Эклиптики на центр памятника, то окажется, что камень 92 фиксирует направление на звезду Альфа Большой Медведицы, когда на небе Полюс Эклиптики в течение ночи проходит линию надира в дни от зимнего до летнего солнцестояния, а камень 94 фиксирует направление на ту же звезду, когда Полюс Эклиптики в течение ночи проходит линию зенита в дни от летнего до зимнего солнцестояния. То есть, звезда Альфа Большой Медведицы помогала

фиксировать положение Полюса Эклиптики в созвездии Дракон.

Неудачный опыт астроархеологического исследования в полярных координатах ознаменован тем, что некоторые исследователи накладывают на планы археологических памятников современные астрономические карты, выполненные в Экваториальных полярных координатах, не учитывая того, что Полюс Мира Экваториальных координат со временем смещается, в результате чего околополюсная картина древнего неба отличается от современной и тогда выводы исследователей не являются правомерными.

Положительный опыт астроархеологических исследований был представлен К.К. Быструшкиным при изучении городища Аркаим и комплекса Синташта с городищем и погребальными курганами (2003)⁸. Астрономические исследования были проведены грамотно, с правильным пониманием смещения астрономических координат с течением времени относительно друг друга и выявлением Полярной звезды Альфа Дракона, стоявшей в Полюсе Мира в начале III тыс. до н.э. Вопросы возникают только по поводу предложенных К.К. Быструшкиным названий древних координат. Эклиптическую систему координат он предлагает назвать Вечным Зодиаком, исходя из того, что сфера неподвижных звезд мало изменяется с течением времени, а заметно смещается Экваториальная система координат относительно этой неподвижной сферы звезд⁹. Но здесь возникает противоречие в том смысле, что Экваториальная система координат, несмотря на подвижность относительно Полюса Эклиптики, показывает Вечный календарь, основанный на четырех кардинальных точках перехода в сезонном календаре – весеннее и осеннее равноденствие, зимнее и летнее солнцестояние. В этом смысле Экваториальная система координат вечная, т.к. прохождение Солнцем склонения, равного нулю, всегда даст равноденствие в начале весны или осени, и прохождение Солнцем склонения, равного углу наклона Эклиптики к Экватору, всегда даст ситуацию солнцестояния, когда Солнце «поворотилось» на зиму или на лето. И это происходит независимо от того, в каком положении находится Полюс Мира относительно неподвижной сферы звезд и Полюса Эклиптики. Поэтому, если не принимать во внимание предложенные К.К. Быструшкиным новые названия для астрономических полярных координат, то можно считать, что свои астроархеологические исследования автор математи-

чески проводит верно, хотя с некоторыми его выводами можно и не согласиться. Интересно, что К.К. Быструшкин находит на памятнике Синташта и Галактические узлы на месте жертвенных комплексов¹⁰, что может говорить о хорошем знании звездного неба нашими предками.

В 2003 г. автор данной статьи, не зная об исследованиях Т.М. Потемкиной и В.А. Юревича, а также К.К. Быструшкина, написала методику астрономического исследования для археологических памятников, исходя из философского исследования древнего познания на примере археологических памятников, и предложила использовать общепринятые в астрономии названия полярных астрономических координат, чтобы избежать путаницы между исследователями древней астрономии в разных странах¹¹. При этом были выделены основные признаки четырех систем полярных координат, проявляющиеся в древних мировоззрениях различных народов. Так, например, древняя Эклиптическая система координат часто символизировалась Змеем и Драконом, очевидно, по принадлежности Полюса Эклиптики к созвездию Дракон, символ которого является очень древним, проходящим почти через все мифологии населения Северного полушария Земли, что говорит о религиозно-идеологической близости многих народов в глубокой древности. Другим символом Эклиптической системы координат, у некоторых южных народов, является Черепаха, возможно потому, что рисунок на панцире черепахи напоминает зоны деления звезд на созвездия в околополюсной картине неба. При этом, у древних индийцев, Змей плывет на черепахе по вечным мировым водам¹², что, в принципе, и наблюдается с земли, т.к. Полюс Эклиптики в созвездии Дракон для земного наблюдателя всегда вращается вокруг Полюса Мира, где бы среди звезд ни находился Полюс Мира. Есть и другие признаки этих двух полюсов, находящихся рядом в околополюсной картине неба. Например, два Мировых Деревя при описании картины Рая в Ветхом завете¹³: одно – Древо познания добра и зла с яблоками, которое охраняет Змей (Полюс Эклиптики), другое – Древо Жизни, где пребывает идеальное божество (Полюс Мира в центре вращения неба). Или другой пример: две Мировых Горы в индийской мифологии¹⁴, одна из которых Меру, где живут идеальные солнечные боги асуры во главе с Индрой (Полюс

Мира), другая гора – Мандара, на которой обитают Змей и полубоги дэвы (Полюс Эклиптики), обладающие как положительными, так и отрицательными характеристиками, что, в общем-то, характеризует Эклиптическую систему координат с ее восходящими и заходящими светилами, звездами, созвездиями на Эклиптике.

Зная эти основные древние признаки астрономических полярных систем координат, можно и на археологических памятниках находить совокупности элементов, относящихся к той или иной системе. Например, на кургане Ровово 3, находящемся в Одесской области и исследованном археологами С.В. Ивановой и Т.М. Потемкиной, курган выложен в виде черепахи, что заметила первая исследовательница этого памятника С.В. Иванова. Но в западной стороне от кургана была найдена ямка от столба, возможно, гномона¹⁵. Тогда становится понятно, что курган-черепаха символизировал Эклиптическую систему координат для наблюдения за восходами-заходами Солнца и Луны, что и было доказано Т.М. Потемкиной, т.к. именно на нем подтверждается пригоризонтное фиксирование указанных астрономических направлений. А устанавливаемый столб мог быть гномоном, по которому определялось время в сутках: днем – по тени Солнца от столба, ночью – по положению звезд относительно столба при вращении их вокруг Полюса Мира, что соотносится с Экваториальной полярной системой координат¹⁶.

Примерно в том же смысле стоит рассматривать двухкруговой курган Савин, сначала исследованный М. Вохменцевым, потом Т.М. Потемкиной и В.А. Юревичем. На восточном круге исследователями зафиксированы астрономические направления на пригоризонтное визирование восходов-заходов Солнца и Луны¹⁷, что относит назначение восточного круга к Эклиптической полярной системе координат. На западном же круге выявлены следы от столба, похожего на гномон, в северной части круга, что относит назначение западного круга к Экваториальной полярной системе координат.

Из вышесказанного следует вывод, что необходимо археологам проходить курсы Пригоризонтной и Полярной астроархеологии, подкрепленные практическими занятиями, которые можно проводить как он-лайн, так и полевыми семинарами.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Хокинс, Дж., Уайт, Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. / пер. с англ. П. С. Гурова; под ред. А. А. Гурштейна. – М., 1973. – 256 с.
2. Ачинская стоянка // Енисейский энциклопедический словарь / редкол.: Н. И. Дроздов [и др.]. – Красноярск, 1998. – 738 с.
3. Ларичев, В. Е. Охотники, художники, рудознаты // Знание – сила, 1977; Ларичев, В. Е., Холушкин, Ю. П. Палеолитическая стоянка Малая Сья // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников Юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). – Красноярск, 1992. – С. 109–122.; Ларичев, В. Е. Реконструкция систем счисления времени на раннем этапе верхнего палеолита Сибири и проблема происхождения искусства (по материалам поселения Малая Сья).
4. Потемкина, Т. М., Юревич, В. А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). – М., 1998. – 52 с.
5. Марсадалов, Л. С. Исследования на Западном Алтае (около поселка Колывань) / материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. – СПб., 1998. – 48 с.
6. Потемкина, Т. М., Юревич, В. А. Указ соч. – С. 18.
7. Хокинс, Дж., Уайт, Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. – С. 63, Рис. 3.
8. Быструшкин, К. К. Феномен Аркаима: Космологическая структура и историческая геодезия. – М., 2003. – 271 с.
9. Там же. – С. 13.
10. Там же. – С. 49. Рис. 38.
11. Полякова, О. О. Типы астрономических планировок в археологических памятниках (методологические аспекты). – Челябинск, 2003. – 25 с.; Полякова, О. О. Типы астрономических планировок в археологических памятниках (методологические аспекты) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сб. науч. ст. – Барнаул, 2004. – С. 197–203
12. Индуизм // Религии мира. – М., 1996. – Т. 6. ч. 1. – С. 471–612.
13. Ветхий завет // Библия. Кн. Священ. писания Ветхого и Нового завета канонич. – М., 2002. – 1553 с.
14. Махабхарата. Адипарва. Книга первая / пер. с санскрита и ком. В. И. Кальянова. – М., 1992. – С. 77–79.
15. Потемкина, Т. М. Археoaстрономический аспект исследований ранних сооружений кургана 3 у села Рёвова // Иванова, С. В., Петренко, В. Г., Ветчинникова, Н. Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. – Одесса, 2005.
16. Полякова, О. О. Археoaстрономический аспект исследования кургана 3 у села Рёвова в Полярных координатах // Discourse of civilizations, Stratum+, 2003–2004, №2. Saint-Petersburg-Kishinev-Odessa-Bucharest, 2005. – P. 163–170.
17. Потемкина, Т. М., Юревич, В. А. Указ соч. – М., 1998. – С. 30–31, Рис. 4.

Keita Matsumoto

DIVERSITY OR UNIFORMITY IN THE EURASIAN STEPPES IN THE BEGINNING OF THE EARLY NOMADIC CULTURES

‘The Early Nomadic Culture’ has been used as a concept which suggests the emergence of nomadism correlated with horse-riding and similar material cultures due to it. There are many discussions about explanation or evaluation of the similarity within ‘the Early Nomadic Culture’. Especially in the eastern Eurasian Steppe, where there are many important materials for the origin of this culture, the chronological border between this culture and Karasuk period prior to ‘the Early Nomadic Culture’

comes to be unclear. In this presentation the author tries to evaluate the similarity of bronze materials within ‘the Early Nomadic Culture’, comparing it with the one within the Karasuk period. As a result, we can find common characteristics across the whole Eurasian Steppes in the Karasuk period rather than in ‘the Early Nomadic Culture’.

Key words: Eastern Eurasian stepp, Late Bronze Age, Early Nomadic Culture, bronze artifacts.

1. Introduction

This is the map of Eurasia. And it indicates the chronological outline of relationships between Eastern and Western steppes. For example, in the bottom, in the older period of the bronze age, effects from West to East are becoming clear both in the Eurasian Metallurgical province and chariots. In the

top, there is an influence from East to West at around 3rd or 4th centuries. So, generally speaking, history of the Eurasian Steppes has been described as a process of changing the direction of influence between East and West. And in many cases these influences are represented by specific cultures or group. We can

explain, for example, this period is the Scythian time from East to West, while this time is the Cimmerian and that time is the Xunnu. Is such a frame or the chronological division absolute? Today discussing about the Cimmerian and Scythian period we try to rethink this positions.

The epoch of the Early nomadic cultures, that is also called Scytho-Siberian cultures, can be traced by the spreads of material culture, especially scythian triad--- weapons (bronze arrowheads, iron daggers and swords, battle axes), horse gear (original bridle) and pieces of Scythian art (the animal style). Although there are many discussions about the origins of these cultural objects for a long time, great influences from the Eastern Steppes has attracted attention after the excavation of Alzhan. For example, the round feline motif is one of the most interesting motifs, spreading throughout of the Steppes. They relate to Arzhan 1 and the upper Xiajiadian, dated to about 9 century B.C. They are relatively realistic. In the Western Siberia we can find round paws stylized. These from the western Steppes have more stylized shapes, dated to 7 century B.C.

As the finding of the Arzhan is very famous, so I refer shortly. On the finding of Arzhan1, Gryaznov pointed out that Arzhan1 had harness that could be compared with the Cimmerian (before Scythian), while in this kurgan the typical animal style had already appeared. So he thought that even in the epoch of Pre-Scythian, Cimmerian in the Western Steppes, 'the Scytho-Siberian culture' already emerged in the region around the Arzhan Kurgan. On the similarity of the Scytho-Siberian culture in the whole Eurasian Steppes, Gryaznov suggested that groups of this culture started living nomadic life and contacts among them increased. Following him, there are many opinions which regard the emergence of the Scytho-Siberian culture' as **a landmark**

of new epoch and refer to the increase of contacts throughout the Eurasian Steppes. Although there are various discussions about the origins and processes and contexts of this culture, it seems that this landmark related to the transition from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Eurasian Steppes.

And we must refer to an important phenomenon – Spread of Cimmerian elements. Prior to the Scytho-Siberian culture, also in 11th to 10th C. B.C. we can find similar materials in the Eurasian Steppes. The most famous example is the spread of the Karasuk daggers [Тереножкин1976], which originated in Southern Siberia and developed into the Cimmerian daggers in the Western Steppes. Moreover, at that time bronze knives, helmets and pole-tops also spread[Членова1981; 高濱1995]. On this phenomenon Тереноzhkin, Chilenova, Volkov and Takahama have already discussed. I also took up this topic.

Thus, in the whole steppes in several centuries, we can observe both cultural distributions–Cimmerian-Karasuk and Scytho-Siberian. But, why? Why is the Scytho-Siberian, not Cimmerian, the landmark and more important?

This problem is clear especially in the eastern Steppes, Mongolia and Northern China.

These daggers were found in the Xiajiadian culture with the typical animal style. Many scholars suggest that they were developed from the Karasuk daggers in the local sequence. Also on the round feline motif which is typical in Scytho-Siberian culture, the situation is the same. This Karasuk dagger has the feline motif on the pommel. Moreover, some of archaeologists in China (Wuen) suggested the chronological division between the Bronze Age and the Early Iron Age in the 7th century B.C., rather than Xiajiadian culture.

The problem

So, like above, in the period of the scythe-Siberian culture in the whole Eurasian Steppes, similarities of material culture increased and this period regarded as a chronological landmark. However, in Mongolia, the Northern China, in this period there were not such big transformations, rather we can detect the continuity between the Karasuk and Scythe-Siberian (upper Xiajiadian) cultures. Should we stress the difference or continuity between the two periods? One reason of

the landmark of the scythe-Siberian period was the similarity of materials across the Eurasian Steppes. However as above, we can see similarity across the steppes also in the Cimmerian-Karasuk period. If we exaggerate the similarity only of the scythe-Siberian period, we must explain the reason. Moreover, what backgrounds were there in each similarity? Was the spread of Scythian groups in the one, the Cimmerian movement in the other? I think this includes many points for discussions.

The method

One of the backgrounds on such a problem is a division in studying area between the Bronze Age and the Early Iron Age. Of course, in each local region there are many discussions about this relation. But, how it is across the whole Eurasian

Steppes. And then I think we cannot evaluate a similarity without comparison. So we will compare the similarity of the Scytho-Sibeian culture with the one of the Cimmerian-Karasuk cultures, of course, by the same standard, daggers.

Analysis (classification and dating)

We classified daggers from 13th century B.C. to 8th century B.C. from the Southern Siberia to the Northern China (the Great Wall region). They include Karasuk daggers. I have already reported about Karasuk daggers. This is the result in my paper (the results given in this report or what?). This time, I analyzed daggers of these latest types and of the Early Tagar culture and of the Upper Xiajiadian culture.

- In the classification I used forms of pommel, sections and guards.

- The last result have 6 phases. In the late 2nd millennium B.C., daggers with a curved hilt A type were popular. After that, in the end of the 2nd millennium B.C., typical Karasuk daggers emerged with some elements of the A type. I named this new Karasuk daggers type as B. To the 8 century B.C. or so all daggers are genetically the same and are of B type. We can show the slow transformation at midrib and guard. And we can find many genetic divergences in the last phase (9-8 c. B.C. or so). The dating based on the excavated materials in China and Siberia.

Distribution

At first (the Phase 1) only the type A was in Mongolia. In about the 11th c. B.C. the earliest type B (B1a, B2a) emerged in the Southern Siberia, and in the next phase they were dispersed in Mongolia. So, at this time, across the steppes the degree of similarity was very high. In the 10–9th century B.C. localizations of each line happen. The clearest is in the Great Wall Region. In the 9–8th century B.C., the Early Scytho-Siberian period, we can find three local regions on the type of daggers. The first region is around Kavkaz, the second is the Southern Siberia, the third is the Great Wall Region.

So, we must conclude that the main feature of the Early Scytho-Siberian period is localization, as long as by the same criterion. The distribution of the same types was already shown in the 11th century B.C., before the period of the Scytho-Siberian culture.

Moreover, the same circumstances are found through my analysis for knives and axes. Now, I show the transformation of structure in sets of bronzes. The left side represents the structure of set of bronze tools (phase 1) in the late 2nd millennium B.C. The right side is the one after the 11th century B.C. The horizontal axis represents the functional variety of tools, while the vertical axis represents the one of sophistications of these tools. It seems that sophistication of a tool reflects social value of tools in those days on labor and material. The comparison between two of them indicates that in the 11th century B.C. the functional variety or division of tools increased and the degree of sophistication decreased. So, we must say that in the 11th century B.C. the role of bronzes in societies were drastically transformed. And this situation continued to the period of the Scytho-Siberian cultures.

Conclusion

One of the most important features of the material culture at Early Scytho-Siberian period is it's localization in the Eurasian Steppes. The spread of the same types and the transformation of social roles of bronzes had already happen in the 11th century B.C. From that time, bronze traditions were localized in each region of the Early Scytho-Siberian

cultures. Of course, I can not deny the importance of this period for emergence of harness and big mound burials, and the exchanges in this period. Today I suggested rethinking of the Early Scytho-Siberian period as a chronological landmark. And I hope that also the discussion about origins of the Scytho-Siberian culture will be deepened in this direction.

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ОТ СЕВЕРНОЙ АЗИИ ДО ЕВРОПЫ

В эпоху поздней бронзы появляются бронзовые изделия определенного типа, декорированные изображениями голов животных. Предметы этого типа были найдены не только на территории Минусинской котловины, но и в Прибайкалье, Ордосе, Китае, Монголии, на Алтае, в Восточном Казахстане, Северном Кавказе, Украине, и даже в пределах Восточной и Центральной Европы. В это же время наскальные рисунки, выполненные в единой схематической изобразительной традиции, встречаются в Северной Киргизии, Восточном Казахстане,

Алтае, Туве и на других территориях. Возникнув на основе единой исторической и духовной общности, изобразительная традиция эпохи поздней бронзы, скорее всего, сформировалась на индо-иранской базе и наряду с изделиями определенного типа из бронзы и керамики распространилась по всему поясу степей Евразии.

Ключевые слова: Минусинская котловина, эпоха поздней бронзы, карасукская культура, петроглифы, наскальное искусство, линейный стиль, изобразительная манера.

O. V. Kovaleva

CHARACTERISTICS OF VISUAL ART IN LATE BRONZE AGE FROM NORTH ASIA TO EUROPE

In the Late Bronze Age, bronze products of a certain type are decorated with images of animal heads. Objects of this type were found not only in the territory of the Minusinsk depression, but also in the Baikal region, Ordos, China, Mongolia, the Altai, East Kazakhstan, the North Caucasus, Ukraine, and even within Eastern and Central Europe. At the same time, rock carvings made in a single schematic pictorial tradition are found in Northern Kyrgyzstan, Eastern Kazakhstan, Altai, Tuva and

other territories. Having arisen on the basis of a single historical and spiritual community, the iconic tradition of the late era was most likely formed on the Indo-Iranian base and, along with products of a certain type of bronze and ceramics, spread throughout the entire belt of the Eurasian steppes.

Key words: Minusinsk basin, Late Bronze Age, Karasuk culture, petroglyphs, rock art, linear style, image mode.

Эпоха поздней бронзы на территории степей Евразии характеризовалась расцветом бронзолитейного дела и окончательным сложением кочевого типа хозяйства. В это же время сформировался институт всадничества, а также героический эпос, как основа устного народного творчества. Евразийский пояс степей стал местом распространения ярких и самобытных номадических культур и общностей, которые оказывали огромное влияние на ход культурно-исторических процессов сопредельных регионов, а, в ряде случаев, и на мировую историю. Одной из знаковых культур этого периода является карасукская археологическая культура, возникшая в степях Южной Сибири. С ее появлением в степях Минусинской котловины связывают возникновение своеобразного феномена «карасукских бронз». Его суть заключается в появлении определенного типа бронзовых изделий, чаще всего декорированных скульптурными головками животных. Предметы

этого типа (а именно ножи) были найдены не только на территории Минусинской котловины, но и в Прибайкалье, Ордосе, Китае, Монголии, на Алтае, в Восточном Казахстане, Северном Кавказе, Украине, и даже в пределах Восточной и Центральной Европы¹.

Кинжалы карасукского облика также имеют довольно широкое распространение. Четыре из них найдены в Восточной Башкирии в верховьях Миасса и Урала². Есть находки и на территории Северного Причерноморья³.

В основном все эти кинжалы относятся к выемчатоэфесовой группе (по Хлобыстиной). За пределами Минусинской котловины особенно широко эти предметы были распространены в культурах развитой и поздней бронзы Тувы, Восточного и Северного Казахстана, Забайкалья и Внутренней Монголии⁴.

Другой тип более редких карасукских кинжалов с так называемыми «плечиками» имеет близкие аналогии на Западе в кобанских,

талышских, а также иранских бронзах⁵. Клинок этих кинжалов как бы вставляется в охватывающую его гарду, составляющую с рукоятью единое целое. Подобный способ соединения клинка и рукояти можно встретить и у кинжалов Сосновой Мазы и Среднего Урала (рис. 1: В). Большой интерес представляют также аналогии с доскифскими кинжалами Поднепровья⁶.

В эпоху поздней бронзы широкое территориальное распространение, охватывая большую часть Евразийского континента, получают и другие категории предметов «карасукского типа». Среди них керамика и некоторые бронзовые украшения (рис. 1: А, Б, Г).

Так, например, на Украине в Черниговском уезде Киевской губернии были найдены украшения в виде лапчатой привески и бубенчика⁷ (рис. 1: А–Б).

Еще в 1966 г. М.П. Грязнов писал о феномене распространения чернолощеной керамики. Эта посуда, инкрустированная белой массой и с похожим орнаментом, была распространена в период поздней бронзы и раннего железа во всех частях Великого пояса степей, на Северном Кавказе, в Австрии, Средней Азии и Южной Сибири⁸. Сосуды своеобразных форм, с блестящей лощеной поверхностью, преимущественно черного цвета, украшенные геометрическим орнаментом, состоящим из заштрихованных треугольников, ромбов, зигзагов, меандровых заштрихованных полос и др., характерны для памятников кобанской и ходжалы-кобанской культур, а также для Лчашенской и Ворнакской групп в Армении, гальштатской культуры в Австрии и колхидской культуры в Грузии⁹. За пределами Кавказа и Восточной Европы такого рода керамику можно встретить в низовьях Сыр-Дарьи, где при раскопках богатых мавзолеев в могильнике Тагискен получена великолепная серия нарядной чернолощеной посуды. Найдена она и у подножия Тянь-Шанья, на реке Чу. В Центральном Казахстане в нескольких могильниках типа Дандыбай-Бегазы собрана серия прекрасных образцов такой же посуды (рис. 1: Г). На Оби она известна по нескольким могильникам карасукского времени. И, наконец, ее можно встретить на Енисее в памятниках карасукской культуры¹⁰ (рис. 1: Г).

Такое широкое распространение «находок карасукского типа» подтолкнуло исследователей высказать ряд гипотез – сначала о влиянии карасукской культуры на ряд степных культур Евразии, а затем объединить эти культуры в единую общность по образцу андроновской или скифской¹¹. В этой связи М.П. Грязнов в своей

работе, посвященной чернолощеной керамике, отмечает, что: «...керамику указанных районов можно характеризовать точно такими же словами, без каких-либо поправок, какими была охарактеризована керамика Кавказа. Однако это не означает, что керамика Средней Азии и Южной Сибири подобна кавказской и принадлежит с ней к одному типу. Каждому из этих районов свойственны свои более или менее отличные от других формы сосудов, свои собственные орнаменты и их композиции. Вместе с тем многие орнаментальные мотивы распространены весьма широко. Некоторые мотивы орнамента можно встретить в разных вариантах, как на Кавказе, так и в степях Казахстана и Сибири, вплоть до Енисея... В каждом районе, как правило, вся керамика в целом, пройдя свой особый путь развития, вполне самобытна и только один из ее видов, а именно нарядная чернолощеноя посуда, также в общих чертах самобытная, имеет в то же время много сходных черт с подобной посудой других районов... При одинаковом, в основном хозяйственном и бытовом укладе скотоводческих племен эпохи поздней бронзы и раннего железа, и при широко развитом тогда межплеменном обмене некоторые формы хозяйственного и бытового инвентаря, а также и орнаментального искусства могли получить широкое распространение»¹².

Подобное же, но только в отношении ножей высказывала Хлобыстина: «Несмотря на индивидуальный облик каждого изделия, прослеживается тождество приемов их изготовления. Стилистическое сходство скульптурных наверхий также не вызывает сомнений»¹³.

Эти наблюдения, сделанные в 60–70-х гг. XX в, сегодня становятся актуальными, на наш взгляд, не только в отношении образцов материальной культуры, но для наскального творчества. Наподобие тому, как в скифское время в искусстве была распространена скифо-сибирская изобразительная традиция, в эпоху поздней бронзы присутствовала собственная идейная основа, нашедшая свое выражение в своеобразной схематизации и геометризации форм.

Так, например, на территории Минусинской котловины среди петроглифов распространяется схематизированный тип изображений, получивший в литературе название «варчинского» стиля¹⁴.

Схематические рисунки этого типа известны на территории Северной Италии, Швейцарии и Южной Швеции. Их датировка колеблется от средней бронзы до раннего железного века, что хронологически соприкасается с

нашими образцами. Среди опорных пунктов на территории Европы можно назвать Богуслен в Швеции, Валькамонику в Италии и Гаубюнден в Швейцарии (рис. 2). Обращает на себя внимание не только идентичность способа воспроизведения соответствующих образов, но и характер композиционного построения, сочетаемость с различными символами и др. Так, например, композиция из Швейцарии (Гаубюнден, Каршенна)¹⁵, датируемая от VIII до III вв. до н.э., очень напоминает изображения на Шаман-камне (рис. 2–1, 2), которые относятся к X (IX) вв. до н.э. Идею близость с этим же комплексом обнаруживают североитальянские стелы и петроглифы, на которых запечатлены сочетания изображений кинжалов, животных и солярных знаков. И, хотя они датируются энеолитом¹⁶, а минусинские петроглифы финалом эпохи поздней бронзы¹⁷, между ними наблюдается явное типологическое сходство (рис. 2–3, 4). Параллели такого рода уже отмечались в научной литературе, но только в отношении оленных камней¹⁸. На итальянских антропоморфных стелах в верхней части выбивался лучистый диск, соответствующий серьгам на оленных камнях; бывает обозначена линия пояса; оружие, в том числе кинжалы, а также животные. Особенно показательно то, что среди фигур животных имеются олени. Встречаются изображения повозок¹⁹.

Петроглифы из Богуслена (Швеция), датируемые эпохой бронзы, также близки по стилю карасукским рисункам²⁰. Среди них четко можно выделить изображения, которые мы относим к линейной и условно-реалистической группе. Наблюдаются те же процессы трансформации рисунков от простых линейных форм к гипертрофированно удлиненным фигурам. Отличительной чертой художественного репертуара является присутствие во многих сюжетах изображений лодок, что объясняется самим местоположением Швеции и специализацией региона. Некоторые антропоморфные фигуры Богуслена по многим показателям могут быть сопоставимы с центральноазиатскими и южносибирскими рисунками (рис. 2–8, 9, 10, 11). Особенно показательна в этом отношении сцена пахоты²¹. Фигура пахаря, идущего за плугом, изображена в канонической позе со слегка подогнутыми ногами. В руке он держит ветвь, а к его поясу прикреплен своеобразный предмет, напоминающий округлую «сумку» – неотъемлемый атрибут центральноазиатских антропоморфных фигур в грибовидных шляпах. Также совпадают поза и пропорции фигур (рис. 2–12, 13, 14).

Изображения повозок и колесниц в эпоху бронзы распространены почти по всему Евразийскому континенту, но в каждом регионе есть своя специфика. Именно поэтому любопытно обнаружить на значительно удаленных друг от друга территориях рисунки транспортных средств, отмеченных одной характерной деталью. Так в изображении повозки из Богуслена²² особо выделяется ее передняя часть, которая вместе с животными заключена в своеобразный полуовал. Возможно, таким способом были показаны поводья, а может быть какая-либо другая конструктивная деталь. Среди общего количества рисунков транспортных средств изображений такого типа исключительно немного. И одно из них находится в Армении (Сюник),²³ а другое в Минусинской котловине (Хара-Хая)²⁴. На рисунке из Сюника в повозку запряжены быки, в Минусинской котловине она показана без животных. Но во всех случаях передняя часть помещена в дополнительный контур.

Среди наскальных рисунков Армении также выделяется группа петроглифов, близкая по своим характеристикам изображениям «карасукского» типа, но датируемая эпохой ранней бронзы. Их объединяет плановая проекция передачи повозок, особая схематизация фигур и даже своеобразная трактовка корпуса животных: с выделенной холкой, крупом и выгнутой спиной (рис. 2–13)²⁵. Использование подобного изобразительного приема можно наблюдать по петроглифам так называемой «тепсейской» группы карасукской культуры Минусинской котловины.

В эпоху поздней бронзы схематический тип изображений был распространен и на территории Дагестана²⁶. Выполненные в технике граффити, эти рисунки демонстрируют такой же концептуальный подход к творчеству, что и карасукские петроглифы (следует заметить, что техника гравировки была известна и племенам эпохи поздней бронзы Южной Сибири. Примером тому могут служить гравированные гальки поселения Торгажак и плиты с рисунками из могильника Северный берег Варчи I²⁷).

К любопытным находкам, сделанным в Центральной и Восточной Европе, можно отнести оригинальные керамические изделия гальштатской культуры с зооморфной и антропоморфной орнаментацией. На них обычно изображены схематизированные лошади, в том числе запряженные в повозки, и геометризованные фигуры людей. Керамика такого типа встречается редко, и, как правило, в единствен-

ном экземпляре на памятниках гальштатской культуры в Европе (Австрия, Венгрия, Словакия) и фракийского гальштата Румынии и Молдавии (рис. 3: А-1, 2, 3, 4)²⁸. Характер изображений, выполненных в линейном и геометрическом стиле, набор персонажей и сюжеты – все это сближает данные рисунки с петроглифами эпохи поздней бронзы Южной Сибири и Центральной Азии. Дополняет сходство и единый прием заполнения орнамента белой массой, применяемый как на гальштатской, так и на карасукской посуде²⁹.

Возникнув почти одновременно, схематический способ изображения в каждом регионе развивался на своей собственной местной основе. Петроглифы, близкие карасукским, встречаются в Северной Киргизии, Восточном Казахстане, Алтае, Туве и на других территориях. Между тем, общим для них становится единая изобразительная традиция, которая выступает своеобразным маркером эпохи или, если образно выразиться, своеобразным «духом времени» пропитывающим каждое произведение искусства.

Понятие «изобразительная традиция» охватывает целый комплекс процессов, определяющих наше понимание искусства того или иного культурно-исторического массива. Оно более объемно, чем понятие стиля, и выступает в роли своеобразной концептуальной сущности, в рамках которой возникает стиль. Поэтому в одной изобразительной традиции, как правило, можно выделить несколько вариантов стиля.

В этой связи под изобразительной традицией следует понимать способ художественного воспроизведения образов, выраженный в изобразительных стереотипах.

Возникнув на основе единой исторической и духовной общности, единая изобразительная традиция, как правило, быстро охватывает людские сообщества и распространяется на огромных пространствах.

Основу же для формирования единой изобразительной традиции эпохи поздней бронзы пояса степей, возможно, следует искать в индоиранском наследии степных и лесостепных культур Евразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Членова, Н.Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // Советская археология. – № 2. 1973. – С. 191–203; Хлобыстна, М.Д. Ранние Минусинские кинжалы // Советская археология. 1970. – № 4. – С. 193–199; Ромашко, В.А., Калагина, Г.Н. Новая находка карасукского кинжала в Поднепровье // Советская археология. 1991. – № 3. – С. 267–268.
2. Членова, Н.Л. Указ. соч... – С. 191.
3. Ромашко, В.А., Калагина, Г.Н. Указ. соч.
4. Хлобыстна, М.Д. Указ. соч... – С. 195.
5. Хлобыстна, М.Д. Указ. соч... Рис. 2. – С. 197.
6. Хлобыстна, М.Д. Указ. соч.
7. Членова, Н.Л. Указ. соч... Рис. 3. – С. 198.
8. Грязнов, М.П. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Л., 1966. – Вып. 108. – С. 31–34.
9. Грязнов, М.П. Указ. соч... Рис. 10. – С. 31.
10. Грязнов, М.П. Указ. соч... Рис. 10, 11. – С. 31.
11. Грязнов, М.П., Пяткин, Б.Н., Максименков, Г.А. Карасукская культура // История Сибири. – Л., 1968. – Т. 3. – С. 180–187.
12. Грязнов, М.П. Указ. соч... 1966. – С. 34.
13. Хлобыстна, М.Д. Указ. соч... – С. 272.
14. Леонтьев, Н.В. Колесной транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980. – С. 65–84; Савинов, Д.Г. Изображения эпохи бронзы на плитах из курганов Юга Хакасии // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово, 1993. – С. 69–70.
15. Evers D. Felsbilder – Botschaften der Vorzeit. Leipzig, Jena, Berlin: Urania-Verlag, 1991. – 200 s.
16. Evers, D. Указ. соч... S. 172.
17. Anati, E. Evolution and style in camunian rock art. Capo di Ponte: Edizion del Centro, 1976. – P. 87, 8, fig. 70, 80.
18. Дэвлет, М.А. Петроглифы на кочевой тропе. – М., 1982. – 127 с.
19. Дэвлет, М.А. Указ. соч... – С. 49.
20. Evers, D. Указ. соч... – S. 67, 115, 125.
21. Evers, D. Указ. соч... – S. 64.
22. Evers, D. Указ. соч... – S. 125.
23. Караханян, Г.О., Сафян, П.Г. Наскальные изображения Сюника. – Ереван, 1970. Рис. 223.
24. Филиппова, Е.Е. Погребальные петроглифы Среднего Енисея и их место в идеологических представлениях карасукских племен // Археологический сб. Погребальный обряд. – М., 1997. – Вып. 93. – С. 62–70. Рис 7.
25. Караханян, Г.О., Сафян, П.Г. Указ. соч... Рис. 11, 77, 134, 177, 189, 223.
26. Марковин, В.И. Наскальные изображения предгорий Дагестана // Рос. акад. наук, Ин-т археологии. – М., 2006. – С. 29.
27. Леонтьев, Н.В. Указ. соч... – С. 38–45; Савинов, Д.Г. Указ. соч... – С. 69–72.
28. Фидельский, С.А. Зооморфные изображения на гальштатской керамике из поселения Чобручи // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической конференции. – СПб., 2004. – С. 127.
29. Фидельский, С.А. Указ. соч... – С. 127.

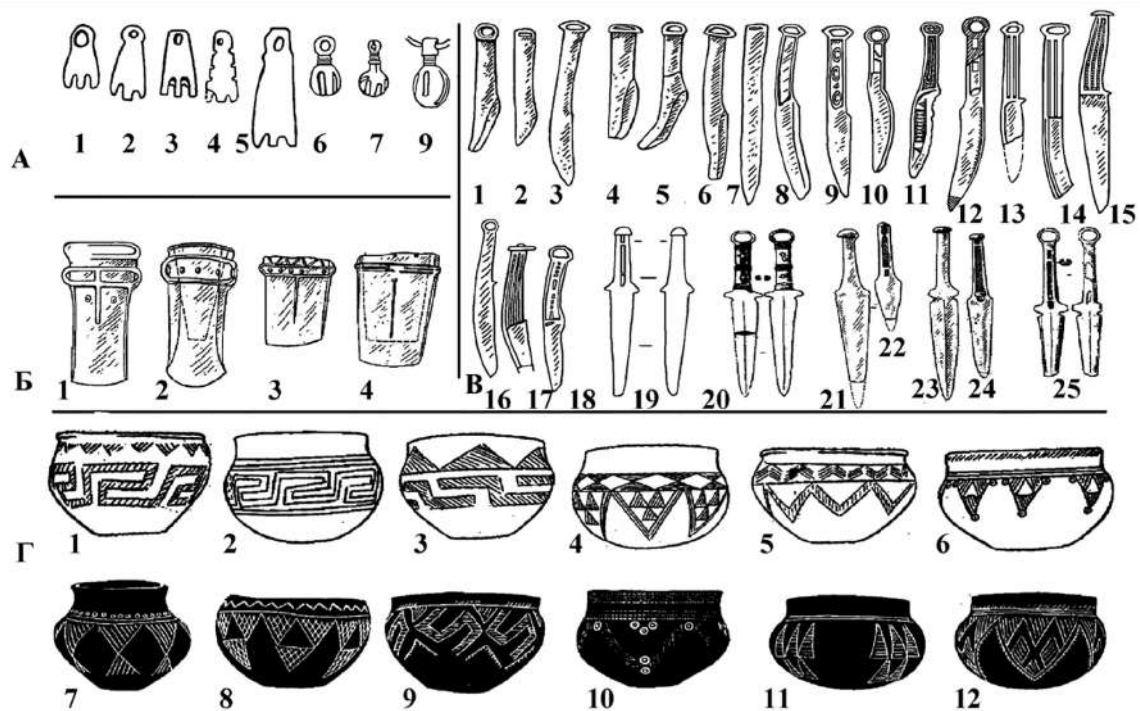

Рис. 1. Предметы карасукского облика с территории Хакасско-Минусинской котловины и их евразийские аналоги:

А – Украшения: 1, 6 – Украина; 2–4, 7, 8 – Минусинская котловина; 5 – Западная Сибирь (поселение Осинники)¹.

Б – Кельты: 1 – Московская область; 2, 4 – Минусинская котловина; 3 – Урал.²

В – ножи и кинжалы: 1 – Северный Кавказ; 2 – Нижний Дон; 3 – Прикамье; 4, 5 – Минусинская котловина; 6, 7 – Восточная Сибирь (Иркутская обл.); 8, 9 – Ордос; 10, 11 – Нижняя Австрия; 12, 13 – Силезия; 14 – Великопольша; 15–18 – Минусинская котловина³; 19 – Северное Причерноморье⁴; 20, 25 – Минусинская котловина⁵; 21, 22 – Башкирия; 23, 24 – Минусинская котловина⁶.

Г – Керамика: 1, 5, 7, 8 – Кавказ; 2, 4, 11 – Минусинская котловина; 3, 9 – Казахстан; 6, 12 – Верхняя Обь⁷

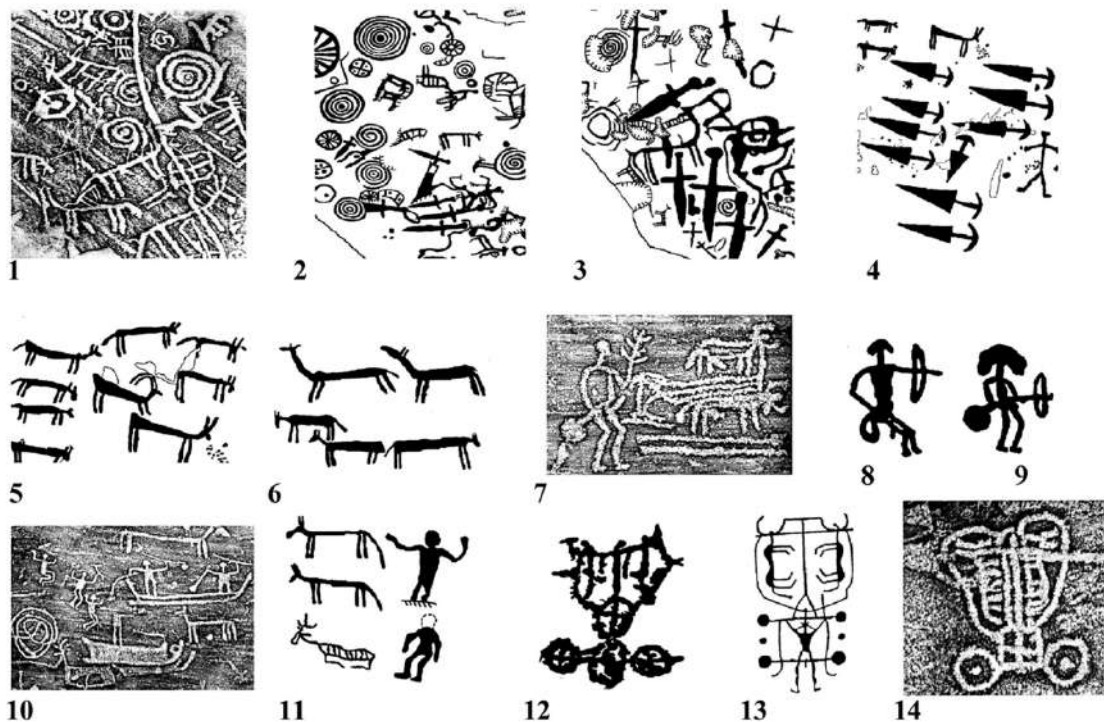

Рис. 2. Рисунки эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины и их европейские параллели: 1 – Граубюнден (Швейцария)¹; 2, 3 – Шаман-Камень (Минусинская котловина); 4, 5 – Италия²; 6 – г. Шишка (Минусинская котловина); 7 – Богуслен (Швеция)³; 8 – Калбак-Таш I (Алтай)⁴; 9 – Устю-Мозага (Тува)⁵;

10 – Богуслен (Швеция)⁶; 11 – Усть-Туба III; Минусинская котловина⁷;

12 – Хара-Хая (Минусинская котловина)⁸; 13 – Сюник (Армения)⁹; 14 – Богуслен (Швеция)¹⁰

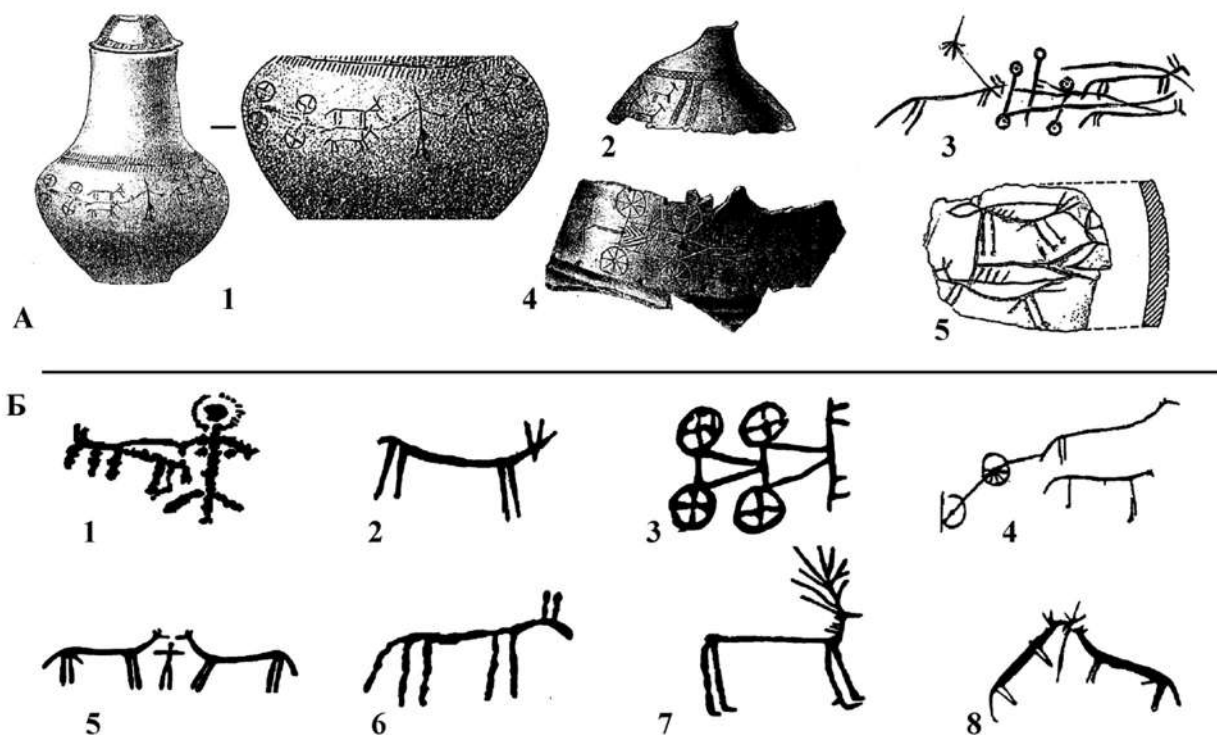

Рис. 3. Линейный стиль изображения на сосудах из Центральной и Восточной Европы и на скалах Хакасско-Минусинской котловины

А – 1–3 – Центральная Германия; 4 – Паннония, Венгрия¹ 5 – Северное Причерноморье².

Б – 1 – Усть-Туба³; 2 – Ильинская II; 3 – Шишка; 4, 8 – Северный берег Варчи I⁴; 5 – Седловина III; 6, 7 – Седловина I

ПРИМЕЧАНИЯ К РИСУНКАМ

Рисунок 1

1. Членова Н.Л. Указ. соч... Рис. 3.
2. Членова Н.Л. Указ. соч... Рис. 4.
3. Членова Н.Л. Указ. соч... Рис. 3.
4. Ромашко В. А., Калагина Г.Н. Новая находка карасукского кинжала в Поднепровье // Советская археология. – 1991. – № 3. – С. 267.
5. Хлобыстна М.Д. Указ. соч... Рис. 2.
6. Членова Н.Л. Указ. соч... Рис. 1.
7. Грязнов М.П. Указ. соч... 1966, Рис. 10,11.

Рисунок 2

1. Evers D. Указ. соч... S. 172.
2. Anati E. Указ. соч... Fig. 77.
3. Evers D. Указ. соч... S. 64.
4. Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: KalbakTash I (République de L'Altai). P.: De Boccard, 1996. Fig. 636.
5. Дэвлет М. А. Указ. соч... Рис. 13.
6. Evers D. Указ. соч... S. 64
7. Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Sacchi D., Sher Ja.A., Smirnov D., Soleihavoup F., Vidal P. Sibérie du Sud 2: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie) // Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. Paris, 1995. Vol. 2 N 2. Pl. 42.
8. Филиппова Е.Е. Указ. соч... Рис.7.
9. Караханян Г.О., Сафян П.Г. Указ. соч... Рис. 223:1.
10. Evers D. Указ. соч... S. 125.

Рисунок 3

1. Hoernes M. Urgeschichte der bildenden in Europa – Wien, 1898. Tafel XVII, XXX.
2. Фидельский С.А. Указ. соч... С. 126.
3. Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Sacchi D., Sher Ja.A., Smirnov D., Soleihavouf F., Vidal P. Указ. соч... Pl. 53.
4. Леонтьев Н.В. Указ. соч... Рис. 2.

中国早期铁器与中国冶铁技术的起源

李映福

摘要：中国大约公元前14世纪出现陨铁制品和人工铁，早期人工铁为块炼铁，公元前7世纪出现的生铁制品，标志中国形成了独特的冶铁技术道路。公元前5世纪左右，中国生铁冶炼技术逐渐

完善，至公元前后，出现了日产生铁1吨的高炉，铁器种类丰富，铁器产品广泛地运用于农业、工程建设、军事、日常生活等领域。

*Li Yingfu***CHINA'S ANCIENT IRONWARE AND THE ORIGIN OF CHINESE IRON SMELTING TECHNOLOGY**

Abstract: at about the 14th century BC the ironware of meteoric iron and synthetic iron appear in China. Early period synthetic iron is the cast iron. The cast iron ironware appeared in 7th century marked the fact of formation of the unique metallurgical technology in China. During the

5th century BC the cast iron smelting technology is improving gradually in China. After BC the iron furnace of daily production at 1 ton appears. Kinds of ironware are becoming richer. And iron products started being widely used in agriculture, engineering, military, daily life and other fields.

中国早期铁器与中国冶铁技术的起源

李映福

摘要：中国大约公元前14世纪出现陨铁制品和人工铁，早期人工铁为块炼铁，公元前7世纪出现的生铁制品，标志中国形成了独特的冶铁技术道路。公元前5世纪左右，中国生铁冶炼技术逐渐

完善，至公元前后，出现了日产生铁1吨的高炉，铁器种类丰富，铁器产品广泛地运用于农业、工程建设、军事、日常生活等领域。

*Li Yingfu***CHINA'S ANCIENT IRONWARE AND THE ORIGIN OF CHINESE IRON SMELTING TECHNOLOGY**

Abstract: at about the 14th century BC the ironware of meteoric iron and synthetic iron appear in China. Early period synthetic iron is the cast iron. The cast iron ironware appeared in 7th century marked the fact of formation of the unique metallurgical technology in China. During the

5th century BC the cast iron smelting technology is improving gradually in China. After BC the iron furnace of daily production at 1 ton appears. Kinds of ironware are becoming richer. And iron products started being widely used in agriculture, engineering, military, daily life and other fields.

中国早期铁器与中国冶铁技术的起源

四川大学历史文化学院 李映福

1、中国早期铁器的出现与使用

中国的铁器发展史与世界其它地区的古代文明体基本一致，也同样经过了由陨铁到人工铁的发展

历程。考古发现表明中国早在商周时期就对陨铁的金属特性有了一定的认识，并将陨铁锻制加工成

具有特殊意义的礼器。陨铁也屡见于中国的古代文献，但见于文献记载的年代比陨铁的使用年代则要晚得多。西汉司马迁所著《史记》就记有“秦献公十七年（前368年），栎阳雨金四月至八月”。“雨金”即是指星空坠落的陨铁。

汉以后的文献也常有关于陨铁的记载，且更加详尽。唐段成式《酉阳杂俎》前集卷十《物异·毒槊条》说：“南番有毒槊，无刃，状为朽铁，中人无血而死，言从天而下，入地丈余，祭地方掘得之”。段成式详细记录了毒槊（铎鞘）的来历、色泽、质感、挖掘现场以及取出前的祭祀仪式等。

唐代樊绰的《蛮书》则记载了少数民族首领用陨铁锻制兵器。《蛮书·云南管内物产》记：“昔时越析

诏于赠有天降铎鞘，后部落破败，盛罗皮得之，今南诏蛮王出军、手中双执者是也。贞元十年使清平官尹辅曾入朝，献其一”。“天降铎鞘”就是指用陨铁锻制的兵器。

陨铁自星空坠落，每年多达3千次左右，但大多坠落于海洋或沙漠，所以现存的被人类所了解的陨铁数量并不多。我国境内现存的最大陨铁是坠落于新疆阿勒泰地区青河县“银牛沟陨铁”，为世界第三大陨铁，长2.42、宽1.85、高1.37米，重约30吨，仅次于陨落在非洲纳米比亚的重约60吨的果巴大陨铁和陨落在北美洲陵兰岛上重约33吨的约角大陨铁，是极为珍贵的“宇宙标本”。银牛沟陨铁的含铁量达88.67%、含镍9.27%，此外还有其他微量元素。

新疆银牛沟陨铁

陨铁是自然铁，人类对陨铁の利用多是锻打成需要的器形，故陨铁的使用与冶铁术的发明，未必存在必然的联系。但加工陨铁的锻打技术和陨铁与金属铜的铸接技术，无疑是后世金属锻打和铸接技术的重要积累。

陨铁熔点较高，加工方式主要为热锻，一般用来制作较贵重的小型器物或锻接于铜铁合制器的重要部位。我国商、周时期的陨铁主要用于锋刃器的刃部。中国境内迄今为止共发现7件陨铁制品，包括铁刃铜钺、铁援铜戈、铜釜铁铤、铜柄铁削等，皆为青铜与陨铁的合制器。

从藁城台西村和平谷刘家河商代中期的铁刃铜钺和接合技术的出现，可以看出人们对陨铁就已经有了一定的认识，对陨铁的成分、性能、自然属性、加工方式等有了相当的了解，并且能够将其制作为兵器上最为重要的刃部。由此窥见当时的人们对金属的认知已经达到了一定的高度，自商代中期开始，对

陨铁的认识、加工和利用逐步完善。商代晚期到西周时期的陨铁制作兵器刃部技术与后期人工制造铁兵器及工具刃部的技术原理基本相似。陨铁的和利用可说是人类认识金属历程上的一个重要里程碑，正是因为有了对这种金属的认识、利用，才为后期认识更多的金属矿产资源奠定了基础，也为中国冶金技术的形成与发展提供了宝贵的经验与技术积累。

2、中国冶铁的起源

关于冶铁技术的起源，世界范围内仍然存在“一元论”和“多中心”两种认识。迄今为止尚未有形成定论的新发现，所以两说各执一词，莫衷一是。“一元论”认为人类冶铁术皆起源于一个古老的冶铁中心，之后再传播到世界各地；“多中心论”认为古代世界存在多个冶铁中心，但凡具备原料、技术条件和社会需要的地方，都可能催生冶铁技术的发明。

中国冶铁术的起源是古代中国以及东亚地区社会进程的重要转折,长期以来受到学术界的广泛重视,早在20世纪20~60年代,章炳麟¹、章鸿钊²、黄展岳³、周则岳⁴、杨宽⁵等中外学者根据文献记载和考古发现,就这一问题开展了广泛且深入的讨论。大体上,对中国冶铁起源的时代,主要有商代、西周、春秋战国等不同的意见。

20世纪90年代以来,随着冶金考古在中国的兴起与发展,讨论中国冶铁起源的视角也更加宏观。韩汝玢⁶、王巍⁷、白云翔⁸、华道安(Donald B. Wagner)⁹等,在讨论冶铁技术以及铁器、技术在不同国家、民族之间的交流与传播、铁器与社会等问题的基础上,对我国早期冶铁起源的时间、区域以及技术特点等提出了新的认识。

我国考古发现的早期陨铁是认识和了解我国铁器使用年代的实证材料,但陨铁的使用与人工冶铁的出现,两者之间似乎并没有直接的因果关系。我国早期人工铁制品集中出土于中原地区和新疆地区。器类主要是生产工具、兵器、日用器物三大类。从出土铁器的分布区域和器类来看,两地之间存在着一定的联系。器类上,中原地区以兵器类为多,工具类中的木作加工工具、土作农具等普及性较高,形制多样且但较为定型。总体而言,中原地区基本没有发现铁质装饰品,铁的复合器在中原地区发现较多,其中以铜铁复合器的数量最多,此外还有少量金、玉铁复合器。与中原地区有所不同的是,新疆地区出土的铁器器类比较复杂,除兵器类的铁剑以外,工具类以铁镰刀、锥为主,而中原地区少见的镞、指环、耳环、管状器等装饰品在新疆地区则较为多见。正是基于两地器类上,特别是装饰类与工具类的差异,有学者认为中原地区是我国早期铁器的发生地,并认为最早的人工冶铁地域在今豫西、晋南关中一带¹⁰。

甘肃临潭县磨沟齐家文化墓地公元前14世纪人工铁器的新发现¹¹,对讨论我国铁器的起源年代及地域提供了新的线索。近年来,日本学者村上恭通在阿尔泰地区的哈萨克斯坦境内发现了公元前14世纪的炼铁炉,其年代与临潭磨沟齐家文化墓地出土铁

器的年代大体相当¹²。齐家文化出土有大量的铜器,其器类、形制与北方草原地区的青铜文化有密切联系,两地之间存在一条称为“金属之路”的冶金文化交流与传播通道¹³。到公元前14世纪左右,“金属之路”不仅仍然存在,有可能变得更加通畅。临潭磨沟齐家文化墓地出土的人工铁有可能源于中亚的阿尔泰地区。自然地理来看,新疆与中亚地区的地理地貌区别不大,新疆地区从公元前2千纪初期进入青铜时代,公元前第2千纪末期进入早期铁器时代偏早阶段,公元前1千纪中期进入早期铁器时代偏晚阶段¹⁴。中原地区虢国墓出土的玉柄铁剑经鉴定为块炼铁制成,新疆尼勒克穷科克台地早期铁器经北京科技大学冶金史研究所鉴定,为块炼铁或渗碳钢¹⁵,与中亚、西亚地区发现的原始块炼铁早期铁器基本一致。

人工铁制品的使用到冶铁技术的出现,两者之间可能有时代差,但年代跨度应该不会很大。因此,有人推测最迟在商周之际,我国西北地区可能已经掌握了块炼铁冶炼技术¹⁶。

3、中国冶铁技术的形成与发展

甘肃临潭县磨沟齐家文化墓地出土的公元前14世纪的人工冶铁制品,表明我国历史上也存在块炼铁的时代。欧洲在14世纪之前一直以块炼铁为原料锻制铁器。块炼铁的基本特点是:产品含碳量较低,通常是熟铁或低碳钢,因其性较柔,极大地限制了它的使用范围;由于冶炼生成物为海绵状的固体块,须用锻打方式成型;块炼铁含有许多大块的氧化亚铁-硅酸盐共晶,虽经多次反复锻打,终难去除以尽。

中国至迟在春秋中晚期就已经摒弃块炼铁冶炼技术而跨入生铁冶铸的时代,这是中国冶铁史上的重要分水岭。李京华先生说“以中国为代表的古代东方的钢铁技术路线和西方早期的钢铁技术路线,是明显地分属于两种不同的技术体系和工艺传统,并最终反映了技术观念和工艺思想的差异”¹⁷。

生铁根据硅含量的多少又分白口铁、麻口铁和灰口铁三类。生铁冶炼技术冶炼速度快、铁的质量高、更易于产品的批量铸造,是中国历史推动生产力发

¹ 章炳麟:《铜器铁器变迁考》,《华国月刊》第2期(1925年)第5册。

² 章鸿钊:《石雅》,农商部地质调查所印行,1927年;章鸿钊:《古矿录》,地质出版社,1954年。

³ 黄展岳:《先秦两汉的考古与文化》,允晨文化实业公司,1999年。

⁴ 周则岳:《试论中国古代冶金史的几个问题》,《中南矿冶学院学报》1956年第7期97页。

⁵ 杨宽:《中国古代冶铁技术发展史》,上海人民出版社,2004年。

⁶ 卢嘉锡总主编,韩汝玢、柯俊主编:《中国科学技术史·矿冶卷》,科学出版社,2007年5月。

⁷ 王巍:《东亚地区古代铁器及冶铁术的传播与交流》,中国社会科学出版社,1999年2月。

⁸ 白云翔:《先秦两汉铁器的考古学研究》,科学出版社,2005年4月。

⁹ Wagner, D. B. 2008. Science and civilisation in China. Vol. 5: Chemistry and chemical technology. Part 11: Ferrous metallurgy. Cambridge: Cambridge University Press.

¹⁰ 白云翔:《先秦两汉铁器的考古学研究》,科学出版社,2005年4月。

¹¹ 陈建立等:《甘肃临潭磨沟寺洼文化墓葬出土铁器与中国冶铁技术起源》,《文物》2012年第8期。

¹² 愛媛大学東アジア古代鉄研究センター第八回国際シンポジウムの村上恭通氏より。

¹³ A. 杨建华等:《欧亚草原东部的金属之路》,上海古籍出版社,2016年3月第38页。

B. 林梅村:《欧亚草原文化与史前丝绸之路》,新疆昌吉回族自治州文物局编《丝绸之路天山廊道》,文物出版社,2014年。

¹⁴ 韩建业:《新疆的青铜时代和早期铁器时代文化》,文物出版社,2007年4月第122页。

¹⁵ 刘学堂、阮秋荣:《尼勒克穷科克台地考古发掘发现早期铁器》,《中国文物报》2001年12月14日。

¹⁶ 李映福:《广西平南“碗式”炼炉与我国“碗式”炼炉的起源》,《考古》2014年第6期。

¹⁷ 李京华:《从铁器鉴定论河南古代钢铁技术的发展》,《中原文物》1993年第4期。

展与社会变革的最重要的技术与产品。尽管欧洲古罗马时期的出土材料中也发现有生铁制品,但其使用和延续时间并不长,对社会的影响也不大,而中国古代的生铁冶炼技术比欧洲早一千八百多年,在世界冶金史上具有重要的地位。目前中国发现最早的生铁制品为山西天马曲村墓地公元前8世纪的残铁块。

生铁冶炼技术与块炼铁冶炼技术相比具有无与伦比的优势,但生铁较为脆硬,容易断裂,约在春秋战国之际,人们又进一步掌握了铸铁柔化处理技术。生铁的冶炼和铸铁柔化技术为铁器的广泛普及奠定了坚实的技术保障和基础,并成为促进战国后期社会经济迅速发展的至关重要的原因。大体从春秋晚期开始,中国就已经开始出现炼钢技术。块炼铁、生铁、钢都属于铁碳合金,三者之间主要的差别在于碳含量的多少。碳含量最低的为块炼铁,碳含量最高的为生铁,介于两者之间的则是钢。

我国在公元前6世纪左右的春秋后期,开始出现使用固体渗碳制钢技术来制造钢材。利用这一技术制成的产品称为块炼铁渗碳钢。西汉时期是中国历史上技术大发展时代,又在铸铁柔化处理技术上创造出铸铁脱碳钢制钢技术。西汉后期又创造出生铁炒炼成钢或熟铁技术,其基本原理就是将生铁加热到熔化或基本熔化的状态下再进行炒炼,以达到脱碳成钢的目的。东汉时期兴起的百炼钢锻炼技术,其实质是将薄钢片经过多次加热和反复折叠锻打,利用生铁含碳量高、熔点低的特点,将铜铁两种原料混合起来,让较先熔接的液态生铁作为渗碳剂,通过自然流动灌注到熟铁表面的空隙之中,使得熟铁的含碳量能够得以升高。宋代将生铁片镶嵌在熟铁条中,用泥将炼炉密封起来进行燃烧活动,炼成灌钢。

综观中国古代冶金发展史,可以明确地看出中国古代冶金技术经历了两个高峰期。商周时期,随着

冶铜技术的发展,青铜冶炼、铸造规模大幅提高,这一时期政治经济相对稳定,中原地区社会等级分化明显,礼制的推广使得青铜器在上层阶级生活中占据重要地位,并且青铜器在政治生活中作为重要的物质载体,不断被赋予重要的精神价值。第二阶段为秦汉时期,这一时期政治、经济、文化都得到了极大的繁荣,冶铁技术作为手工业生产的重要部门,同样得到了快速发展,铁官的设置正是官营铁器生产的例证,生铁冶铸和炒钢技术的出现,使得官营铁器生产数量剧增,民间私营的小规模作坊由于技术不成熟,仅只能进行小规模生产制作,满足部分区域对于铁器的需求。

铁器工业对社会经济、文化发展乃至社会变革都产生了重大影响。中国古代社会进程中的重大变革基本都是伴随着铁器化进程而发生的。战国秦汉时期的铁器生产和冶炼技术发展到了一个新的高度。自秦汉至唐宋,虽然历经数百年,但冶铁技术并没有出现重大的改变和突破,基本沿袭已有的技术工艺和内涵,虽然生产过程中为改进产品质量涌现出一些技术革新,但总体来说并未发生大的变化。唐宋时期社会稳定,政治、经济、文化繁荣,虽然铁兵器的数量相对减少,但铁质生活用具、农业生产用具的数量大幅增加,铁器开始在日常生活中扮演重要角色。宋代以后,随着地主经济和官僚统治阶级的衰败,冶铁技术和铁器生产规模基本与唐宋时期一样,没有发生质的飞跃。在专制统治进一步加强的政治背景下,铁工业所需要的矿产资源的开发利用受到限制,垄断阶层开始出现,从而影响了社会对矿业的大规模开发与投入。这一时期铁器生产与加工主要是满足农业生产、日常生活所需,呈现出器物、器形种类多样的特点。至明代中叶以后,民办经营的矿业开采开始出现,手工业生产逐步向工业化靠拢,传统铁工业逐渐湮没在近代工业浪潮中。

Takashi Osawa

AN ATTEMPT AT INTERPRETING ONE THE SOUTH-YENISEIAN RUNIC INSCRIPTION IN KHAKASSIA (The third inscription of the Turan Mountain)

The author tries to interpret the Third Turan inscription which was researched by him and Yu. N. Esin in 2016. This inscription has 21 letters in one line (21cm length) and also has a cross sign (tamga) near the top. Three letters of it can be classified as one of the ancient South-Yeniseian Runic letters and had been discussed many times among the specialists. As well known, these types of letters are used in the runic inscriptions of the South Siberia,

Semirechie and North Black sea area. According the author's view, these three letters **ab/ba**, **aš/ša**, **m** are similar forms to the normal Orkhon-Yeniseian runic letters, so the author tried to transliterate this three letters on the basis of Orkhon-Yeniseian translational system.

Key words: South-Yeniseian runic scripts, tamga, the Yenisei-Kyrghyz, Minusinsk basin

Introduction

As well-known, since the 18th century until now runic type inscriptions were being discovered

during the expeditions of Messerschmidt, Pallas, Adrianov, Heikel, Aspelin, Appelgren-Kivalo,

Radlov etc. They belongs to the Medieval period of the Yenisei-Kirghiz Kaghhanate time. Now they are found in amount of more than 150 and we can see them carved on kinds of materials such as rocks, stone slabs of the ancient cemeteries, bows, arrows, vessels, knives, coins, chinese type mirrors and agricultural tools etc. which are conserved in the original places and in some museums in Kyzyl, Abakan and Minusinsk.

As for the Runic scripts, they can be of two types such as the typical Orkhon-Yeniseian script and non-Orkhon Runic script (i.e. South-Siberian runic script according to I. L. Kyzlasov's view) (Kyzlasov 1994: 93-98). Especially the latter one still seems problematic with reading of it and till now have been discussed among the specialists many times for the reason that systematic methods for its transliteration are not even established now.

In this presentation, as an attempt to resolve the problem, I would like to discuss the possibility of interpretation of a runic inscription with South-Yeniseian runic letters on materials of the Turan Mountain in the Minusinsk basin.

1. International Joint research at The third runic inscription of the Turan Mountain

The Turan Mountain is located on the right bank of the Yenisei River at about 50 km north from Minusinsk. In 1904 Russian archaeologist A. V. Adrianov had made researches around the Turan and Tepsei Mountains, and according to his original records and materials, he found eight runic inscriptions at the Turan Mountain. His original daily notes and estamps are conserved in the archive of the Archaeological and Ethnographical museum of Tomsk State University. However, I cannot confirm them. But in recent years, I. L. Kyzlasov published Adrianov's original hand writing of five runic inscriptions (Kyzlasov 2007: 106).

After then, in 1967, following the Adrianov's means, fixed in his materials, S. G. Klyashtorny made researches of the runic inscriptions at the Tepsei and the Turan Mountains, and he published two inscriptions of the Turan mountains. However,

that time, original side of the rock that contained 2 runic inscriptions had been destroyed, so he only published Adrianov's hand writing (Klyashtorny 1976: 52-54; Klyashtorny 2006: 319-325). According to the D. D. Vasil'ev's catalogue of Yenisei runic inscriptions, these two inscriptions are numbered as Yenisei inscription No.118 (Vasil'ev 1983: 44b).

And then in 1977 one Russian artist from Abakan V. F. Kapel'ko discovered a new inscription and a tamga on a Tagar barrow in inner hollow of the Turan mountain, and informed L. R. Kyzlasov about that in 1981. I. L. Kyzlasov numbered this inscription as Turan III (Kyzlasov 1994: 308, Pl. 10).

On the 14th of June 2016, under the academic agreement of the International Joint epigraphic expedition between Khakassia and Japan, Takashi Osawa (Osaka University) and Yuri Esin (KhRILLH) visited inscription that L. R. Kyzlasov named as the Turan III. In the Global Positional System, it is recorded as North 54, 06' 50,6"; East 91, 35', 38", 337 m height above sea level.

This inscription is placed at the Western narrow side (100 cm height, 10~12cm width) of a red-brown vertical slab (145 cm height, 100 cm width and 20 cm) on the Iron age (Tagar culture) barrow (Fig. 1-3). This inscription is 21 cm length and consists of 19 letters (Fig.4). The inscription begins from the place 65 cm over from the ground, and letters are written in the direction from the bottom up to the top. In the place near the top of the slab, a tribal sign (tamga) of the cross type is carved (Fig. 5).

2. Transliteration of the Third Turan inscription

As I. L. Kyzlasov already described, this inscription includes three South-Yeniseian letters, so he could not transliterate and interpret it. However, according to my own view, these three letters are similar to **ab/ba**, **aš/ša**, **m** of the Orkhon-Yeniseian inscriptions (according to the transliteration list of Orkhon-Yeniseian scripts commonly recognized among the researchers). So, I can suggest my own transliteration as follows:

[TRANSLITERATION]:

η N : š B R m N : š N η : L R R : č Q

[Transcription]:

aŋin : išbar man : eš anaŋ : alarir : ačiq

[Translation]:

Be memorized! I am Išbar. Your comrade and mother!

He is dazzled (with their beauty)! What a pity!

[Note]

(1) **aŋin**: This form can be a kind of the imperative form having meaning of 'he should be remem-

bered'. In this case, this form consists of a verbal stem <aŋ-> 'to remember' + suffix of passive verb

<-(i)n>. Of course, generally as suffix of passive verb <-(i)l> is used in many cases, however, as long as we know, another suffix <-(i)n> is also used in Yenisei Inscription such as <adrīn-> ‘adr’ + ‘-in’ that means “to depart, to part” is also used as well as ‘adrīl-’ ‘adr’+ ‘-īl’ in the third Ujbat inscription (E32) (Kormushin 2008: 124-126; 314).

(2) **išbar**: This can be considered as a variation of **išbara** that can commonly go back to Sanscrit *iśvara* ‘lord, prince’ (Clauson 1972: 257a; OSAWA 2010: 51). This is an official higher title among old Turkic tribal confederation such as Ancient Turkic Kaghanate. What is important is that the same title form **išbar** can be identified from the Second Turan inscription (E 118/II): **išbar : beḡlig** (Klyashtorny 2006: 322-324; Vasil’ev 1983: 44) while Kyzlasov interpreted it as **ič bar** (Spirit exists) (Kyzlasov 2007: 109). In my view, in the Third Turan inscription, it seems probable that the last vocal letter <a> is omitted as well as in the second Turan Inscription.

(3) **man**: Until now, in this form nobody can translate and nobody can explain its meaning, so it has been remained as unresolved place in the old Turkic grammatical point of view. In my opinion, two words can be transliterated as <m N> and interpreted as the first personal pronoun <man> ‘I am’, because before two words, there are proper name in the South-Yeniseian runic inscriptions. As well known, in Orkhon inscription of Mongolia both *män* and *bän* are used, that is, (m n) **män** ‘I am’ is used in Tonuquyq, Küli Čör, Šine Us (Moyun čor) inscriptions while (b n) **bän** can be used in the Köl Tegin and Bilge Qaghan inscriptions (Tekin 1968: 138). And in the Yenisei inscriptions, <bän> and <män> are also used (Kormushin 2008: 318, 323). At this present, in my view, I would like to suppose that in the South-Yeniseian inscriptions, a form **man** can be also functioned as the first personal pronoun as a variant of **män** of the Orhon-Yenisei inscriptions. Such point of view can be supported by the fact that

<ušum man:> that means ‘I am Ušim’ on the handle of an earthenware discovered in Volga region (Kyzlasov 1994: 275, plate K11) and <aḡ er man> ‘I am intelligent man’ in Achiktas inscriptions of Taras basin of Kazakhstan (Kyzlasov 1994: 279, sketch No.3). And I can also add a runic inscription that in 1977 V. F. Kapel’ko and E. A. Sevast’yanova discovered in the Ozernaya Mountain near the left bank of the Pechische River over the Sul’fatnoye Lake. In the beginning of this inscription I can interpret <č m R m N · Q č š a · a G q m š · > ‘I am Čamar (or Ačmar). Escape each other, ah! It is said that he was poisoned’ (Kyzlasov 1994: 306-307, plate 10-10).

(4) **eš anaḡ**: The term **eš** has a meaning ‘comrade, partner’, however, in the Yenisei inscriptions it is often used as the partner, husband or wife (Kormushin 2007: 266). And as another reason I cause the attention to the last expression as **ačiq / ačiy** ‘what a pity’ (Tekin 2003: 164; Kormushin 2007: 253-254). At this present, I choose this. However, it is also possible to interpret <ašanij> meaning ‘You, eat to satiety, please’.

(5) **alarir**: Verb **alar-** ‘to be dazzled’ (Erdal 1991: 499); ‘became dappled or variegated, to change colour’ (Clauson 1972: 150a). According to M. Erdal’s analysis, it seems that this verbal form consisted of *al* ‘scarlet’ + deverbial suffix *-ar*, not of *ala + r* as Clauson explains. In this case, it can mean if the dead titled *Išbar* is alive, he can have seen the much beauty of his wife and mother, and he would have been dazzled with the beauty of them, however, he had already died, so he could not see them anymore. Therefore, in the final part of this inscription, **ačiy** ‘grieve’ is carved as a typical exclamation term of the Yenisei Epitaph.

(6) **ačiq**: As mentioned before, this can be considered as a variant of the exclamation term of **ačiy** ‘what a pity’ (Tekin 2003: 164; Kormushin 2007: 253-254).

3. Tamga of the Third Turan inscription

As I noted in the first chapter of this paper, a tamga is carved at the place 17 cm below the top of the stone, 17 cm from the place of last letter of the inscription. It is not so rare that there is a cross type tamga in the Orkhon-Yeniseian runic inscriptions as confirmed from the same ones of the Tepsei rocks and Kamyshta stone barrows. But this tamga’s form is different from the general cross type. It seems to

have a variety of a key cross. Until now I cannot identify it with other ones, however, it is located in the Turan Mountain that has been ruled by the Yenisei Kirghiz Kaghan since the early-Medieval period, so we can say that this tamga belonged to the higher administrative officer of this Mountain regions.

Conclusion

In my interpretation, the Third Turan inscription with South-Yeniseian letters can be one of the

Yenisei Epitaph. And I can suppose some important points in the following:

In this inscription, while there are some problems that are still remained even now, as an hypothesis, it seems that some of South-Yeniseian runic inscriptions can be translated as one variety of the normal Yenisei scripts. Of course, there still stays unresolved letters.

(2) In my view, in the South-Yeniseian inscription Turan III, it seems probable that *man* is functioned as the first personal pronoun as well as *bän, män* in the Orkhon-Yeniseian runic inscriptions. This view can be effective for the interpretation of the

other South-Yeniseian inscriptions not only in the Southern Siberia, but also in the Central Asia including the Taras Steppe in the Semirechie and the Volga region in the Eurasian Steppe.

(3) In the historical points of view, Turan inscription can indicate that there is a higher official person titled *išbar(a)* must have played the political role in the Yenisei Kirghiz Kaghanate in the early Medieval period as well as in the ancient Turkic Kaghanate and Uigur Kaghanate in Mongolia.

BIBLIOGRAPHY

1. *Clauson, S.G.* Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Turkish, 1972, Oxford.
2. *Erdal, M.* Old Turkic Word Formation, A Functional Approach to the Lexicon, Vol.II, 1991, Otto-Harrassowitz, Wiesbaden.
3. *Klyashtony, S.G.* Runicheskaya Epigraphika Yuzhnoi Sibiri (Naskal'nie Nadmisi Tepsei i Turan), Pamyatniki Drevnetyurkskoi Pismennosti i Etnokulturnaya Istoriya Tsentralnoi Azii, 2006, Nauka, St.-Petersburg, pp. 319-325.
4. *Kormushin, I.V.* 2008 Tyurkskie Eniseiskie Epitaphii, 2008, Nauka RAN, Moskva.
5. *Kyzlasov, I.L.* Runicheskije Pis'mennosti Evrazijskikh Stepej, 1994, Vostochnaya Literatura RAN, Moskva.
6. *Kyzlasov I.L.* Runicheskije Nadpisi Gory Turan na srednem Yenisee, Izuchenie Istoriko-Kulturnogo Naslediya Narodov Yuzhnoi Sibiri, Vyp. 5, Gorno-Altajsk, 2007. – Pp. 106–114.
7. *Osawa, T.* Revisiting Khöl-Asgat Inscription in Mongolia from the Second Turkic Qaghanate (In Japanese), Studies on the Inner Asian Languages XXV, 2010, The Society of Central Eurasian Studies, Toyonaka. – Pp.1-73.
8. *Tekin, T.* A Grammar of Orkhon Turkic, 1968, Indiana University, Bloomington.
9. *Tekin, T.* Orhon Türkçesi Grameri, 2003, TDAK9, Ankara.
10. *Vasiliev, D.D.* Korpus Tyurkskikh Runicheskikh Pamyatnikov Bassejna Eniseya, 1983, Leningrad.

Fig. 1. The North side of a stone with inscription (photo: T. OSAWA, June 2016)

Fig. 2. The South side of a stone with inscription (photo: T. OSAWA, June 2016)

Fig. 3. Runic Inscription Turan III on the West side of a stone (photo: T. OSAWA, June 2016).

Fig. 4. Runic inscription Turan III (photo: T. OSAWA, June 2016)

Fig. 5. A cross Tamga above the inscription Turan III (photo: T. OSAWA, June 2016)

О СХОДСТВЕ ТАМГ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ И ПРАВИТЕЛЕЙ ЗАПАДНО-ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

Доклад посвящен сравнительному анализу тамг енисейских кыргызов и правителей Западно-Тюркского каганата. Сделан вывод о близости графической основы и правил модификации у ранних знаков обоих государств. Это согласуется с информацией о родстве основателей Первого Тюркского каганата и правящей семейно-родственной группы у кыргызов, изложенной в генеалогическом предании VI в. из китайского источника «Чжоу шу». Наиболее ран-

ние прототипы кыргызских и западно-тюркских тамг выявлены среди изображений позднего этапа таштыкской культуры. Они позволяют интерпретировать саму тамгу как условно переданный образ женщины-птицы, который может быть соотнесен с богиней Умай.

Ключевые слова: тамга, енисейские кыргызы, тюрки, Западно-Тюркский каганат, таштыкская культура, Чжоу шу, Умай.

Yu. N. Esin

ON THE SIMILARITY OF TAMGA-SIGNS OF THE YENISEI KYRGYZ AND THE RULERS OF THE WESTERN TURKIC KHAGANATE

The report is devoted to a comparative analysis of tamga-signs of the Yenisei Kyrgyz and rulers of the Western Turkic Khaganate. The conclusion is made for the similarity of graphic basis and modification rules at signs of both States at early stage. It conforms with the information about relationships between founders of the First Turkic Khaganate and ruling family-related group of Kyrgyz, that is described in genealogical legend of VI century from chinese «Zhou Shu». The earliest

prototypes of Kyrgyz and Western Turkic tamgas were identified among the images of the last stage of Tashtyk culture. They allow us to interpret the Tamga itself as a conventionally transmitted image of a female bird, that can be correlated with goddess Umay.

Key words: tamga, the Yenisei Kyrgyz, the Türks, Western Turkic Khaganate, Tashtyk culture, Zhou Shu, Umay.

Важным средством визуальной идентификации собственности семейно-родственных групп (разного таксономического уровня) скотоводов Евразии в эпоху средневековья служили тамги¹. На востоке евразийских степей они получили несомненное распространение уже с эпохи хунну. Тамги стали одним из элементов культуры скотоводов, сформировали особую знаковую систему со своими правилами образования и функционирования. Развитие этой системы предопределяла неизбежная периодическая сегментация скотоводческих коллективов, в ходе которой выделявшиеся новые группы создавали

новые тамги, которые сохраняли преемственность с исходным знаком своих родственников, но отличались некоторыми деталями или положением. По этой причине сходство тамг может свидетельствовать об общности происхождения использовавших их групп, делая эти графические знаки важным источником для изучения этнической истории.

Предлагаемый доклад посвящен актуальной проблеме изучения тамг енисейских кыргызов эпохи раннего средневековья и выявлению схожих с ними знаков у других тюркоязычных племен.

Тамги енисейских кыргызов

В эпоху династии Тан китайские чиновники составили описание лошадей, которых они для своих военных нужд получали от различных скотоводческих племен. Каждое описание они сопровождали не только названием племени, но и рисунками клейм, по которым этих лошадей, наряду с экстерьером, можно было отличать. Описание начинается с лошадей наиболее уда-

ленных от Тан к северу племен Восточной и Южной Сибири. К сожалению, при последующем переписывании этого документа (諸番馬印), вошедшего в 72 цзюань «Тан Хуйяо» (唐會要; «Институциональное обозрение Тан»), родоплеменные знаки скотоводов были в той или иной степени искажены и уподоблены лучше знакомым и понятным переписчикам китайским

иероглифам. Тем не менее сравнительный анализ родоплеменных клейм из «Тан хуйяо», которые могли быть зарисованы китайцами в VII–VIII вв., с наскальными изображениями самих скотоводов позволил идентифицировать группу тамг енисейских кыргызов – *цзе-гу* (結骨), *ци-гу* (契骨) или позднее *ся-цзя-сы* (黠戛斯) китайских летописей².

Подобные рисунку из «Тан Хуйяо» тамги с территории проживания кыргызов представлены большим количеством вариантов. По форме они могут быть разделены на три типа (рис. 1). Каждый тип включает основу из четырех дуг, в зависимости от способа соединения которых и выделены сами типы. В рамках отдельных типов также могут быть выделены варианты, связанные с различиями в пропорциях и форме некоторых частей. Видоизменение тамг, вне зависимости от типа, заключалось в добавлении к исходной фигуре дополнительных элементов сверху, сбоку или снизу. В самом простом случае это просто еще одна линия или дуга сбоку. В более сложном – добавление сверху или снизу изображения, которое встречается на скалах в качестве самостоятельной тамги иного типа (рис. 1, тип 2, 4, 5, 9; тип 3, 2, 9). Такой сложный вариант, видимо, отражал не просто выделение новой семейно-родовой группы, а еще и объединение обладателей тамги кыргызского типа с представителями другой родоплеменной группы. Лучше разобраться в принципах модификации тамг позволяет предлагаемая здесь классификация,

построенная на группировке знаков по месту расположения дополнительных элементов (рис. 1). С сегментацией семейно-родственных групп кыргызов, очевидно, связано также появление ряда тамг с двумя дугами вместо четырех, которые здесь рассматриваться не будут.

Помимо собственно Минусинской котловины, кыргызские тамги обнаружены на соседних территориях, входивших в это государственное образование: в Туве (рис. 1, тип 2, 3, 5), Прибайкалье (рис. 1, тип 1, 6), Кузнецкой котловине (рис. 1, тип 3, 5, 7). Особенно показателен случай с Прибайкальем. По историческим источникам эту территорию занимал племенной союз курыкан, который со временем оказался в зависимости от енисейских кыргызов (вероятно, с IX в.). По сведениям «Тан хуйяо», курыкане не использовали тамги, чтобы клеймить лошадей. Вместо этого животным делали надрезы на ушах и ноздрях. Эта информация хорошо коррелирует с отсутствием изображений тамг на связанных с курыканами памятниках наскального искусства региона. В настоящее время известно лишь одно исключение – две тамги на горе Байтог в долине р. Куда, которая располагалась в центре курыканских земель¹². Обе они имеют близкие аналоги на территории Минусинской котловины, а одна из них принадлежит к числу тамг енисейских кыргызов. Таким образом, ареал тамг кыргызского типа коррелирует с владениями этого государственного образования, по средневековым письменным источникам.

Тамги правителей Западно-Тюркского каганата

За пределами территории, которую контролировали енисейские кыргызы, сопоставимые достоверные знаки обнаруживаются на монетах правителей западного крыла Первого Тюркского каганата, ставшего вскоре самостоятельным государством (560-е – 740-е гг.). Эти знаки в последнее время были систематизированы и датированы узбекскими учеными. Ими обосновано их родство, прослежены хронологические изменения текстовых легенд и формы тамг в рамках монетных серий отдельных центров эмиссии: Чач, Фергана, Согд, Тохаристан, Пенджикент, Хорезм¹³.

Сравнительный анализ корпуса этих тамг позволяет выделить инвариантные элементы и разделить тамги на два основных типа (рис. 2, VI). Оба типа можно описать как образованные из двух пар симметричных графических элементов. У первого типа концы двух верхних симметричных дуг или линий соединяются и образуют

угол вершиной вверх; у второго типа смежные концы верхних дуг направлены параллельно вверх и не пересекаются. Нижние симметричные дуги в обоих случаях не пересекаются. Однако у первого типа они сближаются в нижней части знака, образуя вместе с верхними графическими элементами ромбовидный контур, разомкнутый внизу. У второго типа такого ромбовидного контура нет. Первый тип численно преобладает.

Сходство с тамгами енисейских кыргызов прослеживается по ряду признаков, причем наиболее близки тамги первых типов обеих групп: 1) в обоих случаях тамга образована двумя парами симметричных графических элементов, расположенных ярусно; 2) два верхних элемента образуют угол вершиной вверх; 3) внешние боковые концы графических элементов загнуты вверх. Основные отличия сводятся к следующему: 1) у тамг енисейских кыргызов две нижние дуги пересекаются или соединяются, а у

западно-тюркских правителей – нет; 2) внешний конец каждой дуги на западно-тюркских тамгах изогнут сильнее, часто закручен в виде крюка; 3) среди западно-тюркских тамг первого типа встречаются варианты, у которых треугольный выступ сверху образован не дугами, а двумя прямыми линиями, и способ изображения тамги несколько иной¹⁴.

Кроме того, можно отметить, что кыргызские и западно-тюркские тамги демонстрируют общие принципы видоизменения: используется дополнительный элемент на боковом конце одной из верхних дуг, дополнительный элемент сверху, внизу (рис. 2, II, III, IV). Среди дополнительных элементов сбоку и сверху в обоих случаях распространено использование еще одной дуги, правда, у западно-тюркских тамг она обычно имеет крюкообразную форму.

Тамга наиболее ранних западно-тюркских монет отличается от инвариантной графической основы этой серии знаков лишь одним дополнительным элементом – вертикальной дугой

слева (рис. 2, VIII, I). Судя по предполагаемой хронологии монет, она может быть соотнесена с самим Истеми или его сыном. Пока не ясно, с кем из них связано добавление дополнительного элемента сбоку, но в любом случае исходный вариант тамги, который наиболее близок тамгам с Енисея, должен был существовать не позднее первой половины VI в. При этом, видимо, появление в одной обособившейся семейно-родственной группе сложного варианта тамги не исключало сохранение простого, типологически более раннего варианта у другой родственной ей группы. Об этом свидетельствуют простые варианты тамги первого типа, отчеканенные на монетах VII–VIII вв. из других городов Западно-Тюркского каганата, управлявшихся другими представителями его знати. В целом наиболее вероятная типология графической основы ключевых типов тамг, связанных с влиятельными семейно-родственными группами Западно-Тюркского каганата, представлена на рисунке 3.

Древнетюркское генеалогическое предание из «Чжоу шу»

С чем может быть связано сходство достоверительных знаков енисейских кыргызов и наследников Истеми в Западно-Тюркском каганате? Одна из возможных гипотез – родство знати обоих государств. Любопытно, что такое предположение находит параллели в одном из наиболее ранних тюркских генеалогических преданий, зафиксированном в цзюане 50 китайского сочинения «Чжоу шу» (周書) VI в. Предание сообщает о древнем родстве между правящими династиями Тюркского каганата и государства енисейских кыргызов (契骨). Местонахождение последнего не вызывает сомнений благодаря упоминанию рек 劍 и 阿輔, между которыми оно располагалось. Возражения по идентификации этих рек, высказанные Э.Б. Вадецкой¹⁵, снимаются при чтении их названий на среднекитайском языке, позволяющем, бесспорно, идентифицировать реку Кем (табл. 1). Предание, видимо, было записано со слов современников и родственников первого тюркского кагана

Бумына, рассказавших о своих предках в ходе начавшихся активных контактов с Китаем после возникновения Тюркского каганата. Согласно этому преданию, один из предков Бумына по имени 訥都六設 являлся старшим братом правителя государства енисейских кыргызов (рис. 4). В свою очередь, как хорошо известно по другим письменным источникам, младший брат Бумына Истеми положил начало линии правителей западной части каганата, тамги которых уже к концу VI в. стали появляться на монетах. К сожалению, в отличие от подробного изложения генеалогической линии предков Бумына в предании нет описания правителей енисейских кыргызов. Кроме того, наиболее древняя часть генеалогии вполне закономерно смешала исторические сведения с мифологическими, поэтому, конечно, требует осторожного отношения. Впрочем, мифологические сведения этого источника тоже довольно информативны.

О времени появления четырехдужных тамг на Енисее

В отличие от тамг на монетах Западно-Тюркского каганата такая же узкая датировка сопоставимых тамг у енисейских кыргызов, нанесенных на скалы и стелы древних курганов, пока довольно проблематична. Она требует дальнейшего изучения с опорой на контексты.

Пока наиболее ранний контекст представлен рисунком лошади в таштыкском стиле с горы Суханиха. У нее показано три тамги на крупе (рис. 5, I). Первая тамга справа является четырехдужной тамгой второго типа. Она расположена на лопатке лошади вместе с тамгой-птицей

и повернута на 90° (верхней частью туда же, куда голова птицы). Еще один знак, имеющий форму круга с крестом внутри, расположен на бедре. Композиция из трех тамг на лошади не случайна, т.к. самостоятельная комбинация из трех подобных тамг, видимо, несколько позднее, выбита в соседнем логу Суханихи (тамга в виде птицы имеет на ней схематичную форму и дополнена еще одним элементом).

Вторая и третья тамги обнаруживают аналоги среди знаков на других рисунках лошадей в таштыкском стиле и астрагалах из таштыкских погребений. Первая тамга точных аналогов среди других таштыкских тамг пока не имеет. Кроме того, на лошадях в таштыкском стиле обычно встречается сочетание только двух тамг (автору известно 5 таких случаев). Обе они могут быть расположены на бедре животного, либо одна из них находится на бедре, а другая на лопатке (рис. 5). Важно, что тамги на одном животном, образующие пару, всегда разные. При сравнении всех комбинаций из нескольких тамг видно, что в трех случаях одной из тамг является фигура хищной птицы. Это позволяет предполагать разную иерархию тамг в наборах, отражающую, очевидно, разную иерархию семейно-родственных групп, с которыми они связаны. В этой иерархии одна из тамг может принадлежать более сильной семейно-родственной группе и выступать, например, в качестве тамги племени. Так или иначе, две тамги отражают типичный характер взаимосвязи коллективов в системе родоплеменных отношений того общества, которое оставило памятники таштыкской культуры. Появление третьей тамги демонстрирует изменение этой системы, усложнение прежней иерархии общества, появление или усиление влияния связанной с этой тамгой родоплеменной группы. Единичность такой композиции позволяет предполагать, что это изображение появилось в конце периода существования таштыкского стиля изображения животных.

Помимо тамги с горы Суханиха, среди материалов таштыкской культуры имеется ряд изображений, которые могут иметь отношение к генезису этой группы достоверительных знаков. В частности, очень важен знак, вырезанный на внутренней стороне торцевой стенки дере-

вянного гроба из склепа №2 под горой Тепсей (рис. 6, 1). У него нет четко выраженных горизонтальных дуг, однако общая форма изображения близка кыргызской тамге первого типа (рис. 2, AI, 1) и особенно основе ранних тамговых знаков западно-тюркской знати (рис. 2, BI, 1). Заслуживают внимания такие детали, как треугольный выступ сверху средней части таштыкского рисунка, загнутые вверх горизонтальные выступы по бокам верхней части, симметричные и не пересекающиеся вертикальные дуги (вырезаны двойными линиями) в нижней части знака. Похожее изображение обнаружено на астрагале косули в грунтовом погребении ребенка, сопровождавшем тот же склеп (рис. 6, 2). Схожий по форме, но более схематичный знак зафиксирован на астрагале из склепа №11 Уйбатского чаатаса (рис. 6, 3). Он близок к кыргызской тамге второго типа, особенно к тем вариантам, у которых верхние дуги изогнуты сильнее нижних (рис. 1, тип 2, 3–5).

Анализ древнетюркского генеалогического предания из «Чжоу шу» с учетом продолжительности поколений и исторического контекста позволил ранее Д.Г. Савинову сделать вывод о появлении владения Цигу на Енисее в V в. и связать это событие с возникновением здесь традиции больших коллективных склепов²⁴. Большинство исследователей поддержали эту гипотезу, датируя большие таштыкские склепы V–VII вв., хотя проблема уточнения возраста последних на основе радиоуглеродных дат остается актуальной. Все отмеченные выше изображения, которые предположительно могли являться исходной формой четырехдужной тамги кыргызов, связаны именно с этой группой таштыкских памятников. Любопытно, что оба детских погребения склепа №2 (из самого склепа и из грунтовой могилы рядом) выделяются очень богатым сопроводительным инвентарем²⁵, что может указывать на высокий социальный статус их семей. Таким образом, наличие на позднем этапе таштыкской культуры знаков, которые могут рассматриваться в качестве родственных как кыргызским, так и западно-тюркским тамгам, согласуется с историей о родстве знати двух тюркских владений, изложенной в «Чжоу шу».

Первоначальная символика тамг енисейских кыргызов и западных тюрков

Кажется вполне убедительной точка зрения ряда авторов, «что родовые тамги были первоначально изображениями родовых богов или духов-покровителей и лишь впоследствии обра-

тились в знаки родовой собственности, приняв для этого формы простейших геометрических фигур, как наиболее удобные для вырезывания или выжигания»²⁶.

Выяснение того, что именно моделирует тамга своей формой, может иметь существенное значение как для изучения древних верований, так и для разработки корректной типологии разных вариантов знака собственности той или иной родоплеменной группы.

Узбекские ученые предлагали интерпретацию тамг правителей Западно-Тюркского каганата, исходя из родственных связей этих лиц со знатным тюркским родом ашина, основывая все выводы на предположении, что у них должна была быть одна тамга. А поскольку позднее, в эпоху Восточно-Тюркского каганата, тамга ряда представителей знати этого рода представляла собой схематичную фигуру горного козла, то этот же образ, но испытавший сильную трансформацию, пытались увидеть и в тамге правителей западных тюрков²⁷. Данная идея, однако, противоречит как форме самих тамг, графическая основа которых не имеет ничего общего, так и правилам изменения тамг у тюрков, которым подобная гипотетическая трансформация не соответствует²⁸. Эта гипотеза должна быть отклонена.

По поводу того, что изображает тамга енисейских кыргызов, тоже высказывались некоторые идеи. По одной из них четырехдужная тамга с Енисея составлена из четырех отпечатков копыт лошади²⁹, по другой она могла изображать птицу с четырьмя крыльями³⁰. Но обе интерпретации столь же умозрительны, как и гипотеза о тамге западно-тюркской знати.

Разработка классификации кыргызских тамг и выявление их прототипов в материалах позднего этапа таштыкской культуры позволяет подойти к решению этого вопроса более аргументированно. Форма наиболее ранних знаков из погребений у горы Тепсей довольно явно указывает на стилизованное воспроизведение образа птицы с распахнутыми крыльями, концы которых вытянуты вверх (рис. 6, 1, 2). Реалистичные изображения хищной птицы с крыльями в таком положении имеются в наскальном искусстве хунну-сяньбийского времени Саяно-Алтая (рис. 6, 4). На их фоне особенностью таштыкских рисунков является отсутствие загнутого клюва и необычная форма хвоста. Сам по себе хвост с раздвоением на конце, который среди хищных птиц присущ коршунам, представлен на целом ряде таштыкских тамг в форме птиц (рис. 5, 1). Однако в данном варианте те два элемента в нижней части рисунка, которые можно соотнести с хвостом, очень длинные и вытянуты в противоположные стороны. В рамках реалистич-

ного образа птицы таким особенностям рисунка трудно дать удовлетворительное объяснение.

Другое направление для сопоставлений дают наскальные рисунки женских фигур хунну-сяньбийского времени Минусинской котловины. Это предельно схематичные изображения, отличительной особенностью которых являются разведенные в стороны руки и ноги (рис. 7, 2). Подобная поза в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии появляется с эпохи бронзы и устойчиво присуща связанным с плодородием женским персонажам типа богини-матери (рис. 7, 1). Население, создававшее такие рисунки в Минусинской котловине в хунну-сяньбийское время, видимо, стало одним из компонентов таштыкской культуры.

В целом, сопоставляя обе линии аналогий кыргызским и таштыкским знакам, можно полагать, что в основе самих ранних изображений лежал образ птицы с развернутыми крыльями кончиками вверх, который, однако, подвергся стилизации, сделавшей возможным сопоставление того же рисунка с женской фигурой в позе с разведенными руками и ногами. В итоге это изображение совмещает в себе признаки и птицы, и женщины-матери.

Такое сочетание признаков противоречит естественным биологическим границам, однако оно находит ясные параллели среди мифологических образов древних тюркских народов. Соединение таких признаков воплощала богиня Умай, связанная с плодородием, Небом, выступавшая покровительницей воинов³¹. Она, например, фигурирует в поминальном тексте представителя правящего клана кыргызов на первой стеле с оз. Алтын-кель (Е 28; может датироваться началом VIII в. или позднее), где названа «наша прародительница, госпожа наша – Умай»³². Изображение женщины-птицы, воплощавшее этот образ, представлено на серьгах из погребения у с. Койбалы на р. Абакан, датированного VIII–IX вв., а также на хронологически близком игольнике³³. Обращает на себя внимание сочетание знака с признаками птицы и предположительно женской фигуры, которые сопровождали погребение ребенка в таштыкском склепе у горы Тепсей (рис. 6, 1). В этом контексте могут представлять интерес и некоторые образы, выбранные для размещения на монетах с территории Западно-Тюркского каганата с тамгами раннего типа. В частности, на аверсе ряда монет показана женщина в «трехрогом» головном уборе, либо беременная или с ребенком на руках, которую ранее уже предла-

галось сопоставлять с Умай³⁴. Привлекает также внимание хищная птица на руке мужчины, возможно, подносящего ее женской фигуре. В генеалогическом сказании из «Чжоу шу» с образом Умай можно сравнить жену Ичжи-Ниши-ду, родившую ему четырех сыновей. Предание прямо соотносит ее с каким-то мифологическим персонажем и Небом, т.к. она названа дочерью духа Неба. Не исключено, что прародительница тюркских правителей из «Чжоу шу» могла иметь облик женщины-птицы.

Инвариантная основа ранних типов тамг наследников Истемиды, как и ранние знаки с Енисея, тоже может моделировать птицу и женскую фигуру и воплощать почитаемый

образ прародительницы и покровительницы Умай. При этом признаки графической основы западно-тюркских тамг первого типа (рис. 2, *VI, 1*) в первую очередь могут быть соотнесены с птицей, а второго типа (рис. 2, *VI, 2*) – с женской фигурой. На Енисее изменение формы знаков от таштыкского времени к средневековой демонстрирует возобладание признаков женской фигуры. Последующее развитие тамг по собственным правилам этой знаковой системы привело к появлению на обеих территориях изображений значительно отделившихся от первоначального образа, который уже малоузнаваем (рис. 1, тип 3; рис. 3, 3, 4).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ольховский, В.С.* Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. № 7. – Армавир, 2001. – С. 75–86; *Рогожинский, А.Е.* Проблемы изучения достоверных знаков средневековых кочевников Казахстана // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2013. – № 3 (289). – С. 226–240; *Тишин, В.В.* Некоторые вопросы изучения социальной организации древних тюрков VI–VIII вв. на основе данных о тамгах // Российская тюркология. – 2015. № 1 (12). – С. 40–54.
2. *Есин, Ю.Н.* К проблеме идентификации тамг кыргызов и чиков из «Тан хуйяо» // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2017. – № 1 (17). – С. 57–75.
3. *Blednova, N., Francfort, H.-P., Legtchilo, N., Martin, L., Sacchi, D., Sher, J.A., Smirnov, D., Soleilhavoup, F., Vidal, P.* Sibirie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). P.: De Boccard, 1995. 245 pp. (Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. № 2); *Кызласов, Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. – 1965. – № 3. – С. 38–49.
4. *Хороших, П.П.* Наскальные изображения на горе Байтог // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. – 1957. Вып. XXIII. – С. 144–150.
5. *Кызласов, Л.Р.* О датировке памятников...
6. *Дэвлет, М.А.* Петроглифы эпохи раннего средневековья в Саянском каньоне Енисея // Древние тюрки в Центральной Туве. – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 187–222.
7. *Кызласов, Л.Р.* О датировке памятников...
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. *Кызласов, И.Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. – 2000. – № 5. – С. 82–112.
12. *Хороших, П.П.* Наскальные изображения...
13. *Бабаяров, Г., Кубатин, А.* Очерки по истории и нумизматике Западно-Тюркского каганата. Ч. 1. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. – 190 с.
14. *Смагулов, Е.А., Яценко, С.А.* Новые находки серий доисламских знаков/тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культобе и Сидак): связь с кочевым миром // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. – Алматы, 2014. – Рис. 3, 2.
15. *Вадецкая, Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб., 1999. – С. 200.
16. *Аристов, Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. – СПб., 1896. – Год шестой, вып. III–IV. – С. 277–456.
17. *Зуев, Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967. – 18 с.
18. *Кызласов, И.Л.* Таштыкские рыцари // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М., 1990. – Рис. 2, 6.
19. *Грязнов, М.П.* Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – Рис. 59.
20. *Вадецкая, Э.Б.* Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 2000. – Рис. 2.
21. *Вадецкая, Э.Б.* Антропоморфное изображение... Рис. 3.
22. *Кызласов, Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). – М.: МГУ, 1960. – Рис. 53, 19.
23. *Дэвлет, М.А.* Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М., 1998. – Табл. 16, 38.

24. *Савинов, Д.Г.* Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. – Абакан, 1988. – С. 66.
25. *Вадецкая, Э.Б.* Антропоморфное изображение... – С. 17.
26. *Аристов, Н.А.* Заметки об этническом составе... – С. 285.
27. *Бабаяров, Г.Б.* Заметки о происхождении тамг на монетах Западно-Тюркского каганата // Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура. – М., 2016. – С. 52.
28. *Смагулов, Е.А., Яценко, С.А.* Новые находки... – С. 276.
29. *Рыгдылон, Э.Р.* О знаках на плитах с руническими надписями // Эпиграфика Востока. – 1954. – Вып. IX. – С. 69.
30. *Зуев, Ю.А.* Киргизы – Буруты // СЭ. – 1970. – №4. – С. 80.
31. *Кляшторный, С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006. – С. 311; *Черемисин, Д.В.* К ирано-тюркским связям в области мифологии: богиня Умай и мифическая птица // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1997. – С. 31.
32. *Кляшторный, С.Г.* Памятники древнетюркской... – С. 336, 341.
33. *Скобелев, С.Г.* Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // СА. – 1990. – №2. – С. 226–233; *Король, Г.Г.* Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой тюркитике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. – Барнаул, 2015. – Рис. 3, 1.
34. *Бабаяров, Г., Кубатин, А.* Очерки по истории и музизматике... – С. 42.

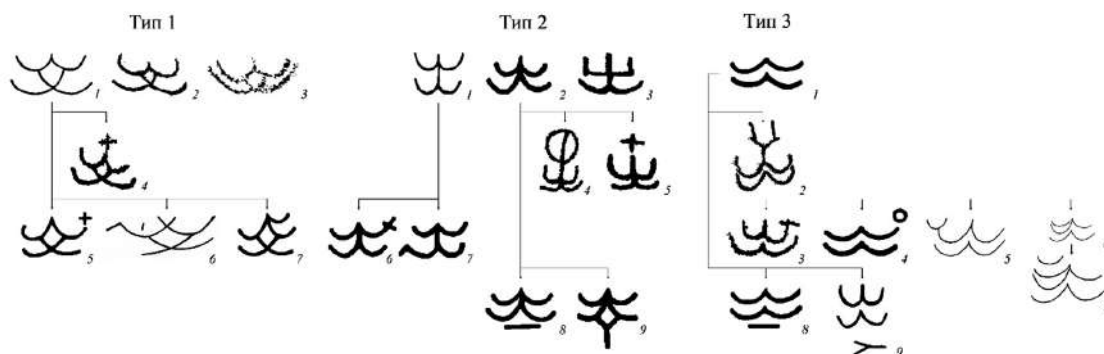

Рис. 1. Классификация тамг енисейских кыргызов. **Тип 1:** 1 – с. Алтай (Е27); 2 – Чалпан (оз. Беле); 3 – Суханиха; 4, 5, 7 – Тепсей³; 6 – Байтог⁴. **Тип 2:** 1 – Уйтаг; 2, 6, 8 – Тепсей⁵; 3 – Бош-Даг⁶; 4 – Оглахты; 5 – Эрбек; 7 – Суханиха⁷; 9 – Туран⁸. **Тип 3:** 1, 8 – Туран⁹; 2 – Улазы; 3 – Куня; 4 – Абакано-Перевоз¹⁰; 5, 7 – Сапогово¹¹; 9 – с. Алтай; 6 – реконструкция. Тамги без ссылок – рис. Ю.Н. Есина

	A	B
I		
II		
III		
IV		

Рис. 2. Сравнение тамг енисейских кыргызов и правителей Западно-Тюркского каганата: **A** – тамги с территории, подконтрольной енисейским кыргызам; **B** – тамги с территории Западно-Тюркского каганата¹³; I – базовые типы графем; II, III и IV – способы модификации тамг через добавление дополнительных элементов сверху, сбоку и снизу

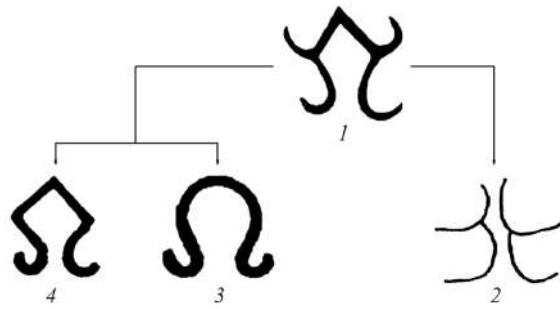

Рис. 3. Схема трансформации графической основы одной группы тамг Западно-Тюркского каганата

Рис. 4. Схема родства западно-тюркских правителей и знати енисейских кыргызов по «Чжоу шу» (周書), дополненная по другим источникам

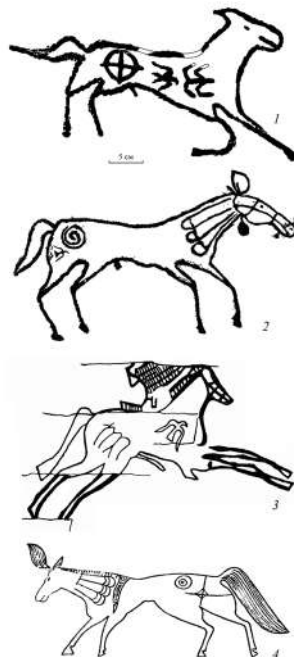

Рис. 5. Некоторые изображения лошадей в таштыкском стиле с тамгами: 1 – Суханиха; 2 – Оглахты; 3 – оз. Туе¹⁸; 4 – Тепсей III, склеп 1¹⁹. 1, 2 – рис. Ю. Н. Есина

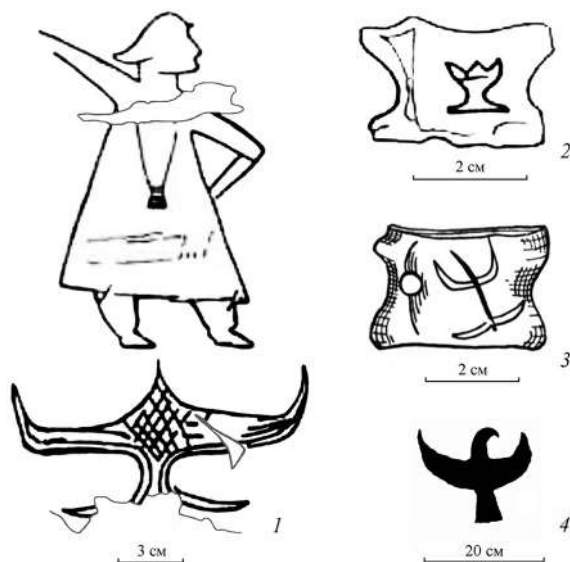

Рис. 6. Изображения из погребений таштыкской культуры и фигура птицы на скалах: 1 – композиция на стенке гроба, Тепсей III, склеп 2²⁰; 2 – астрагал, Тепсей III, склеп 2, могила 42²¹; 3 – астрагал, Уйбатский чаатас, склеп 11²²; 4 – петроглиф, Саянский каньон Енисея²³

Рис. 7. Изображения женских фигур эпохи ранней бронзы (1) и хунну-сяньбийского времени (2) из Минусинской котловины: 1 – Сыда V; 2 – Суханиха. Рис. Ю. Н. Есина

Названия в 周書	Написание в Путунхуа	Произношение в Путунхуа	Написание в работах на русском языке и контекст	Произношение на среднекитайском языке	Варианты идентификации по Аристову ¹⁶ и Зуеву ¹⁷
索	索	Со	Со (название страны к северу от владений хунну)	Sak	Территория проживания народа саки (Зуев)
阿輔	阿辅	А фу	Афу (название реки)	A bju	р. Абакан (Аристов); р. Обь (Зуев)
劍	剑	Цзянь	Гянь (название реки)	Kjaem	р. Кем (Енисей)
處折	处折	Чу чжэ	Чучже (название реки)	Tsyho tsyet	р. Чу (Чуя) на Алтае (Аристов)
踐斯處折施	践斯处折施	Цзянь сы чу чжэ ши	Цзяисы Чжучжеши (название местности)	Dzjen si tsyho tsyet sye	Верховья р. Чу (Чуя) на Алтае (Аристов)
阿謗步	阿谤步	А бан пу	Апанбу (имя первопретка тюрков)	A pang bu	
伊質泥師都	伊质泥师都	И чжи ни ши ду	Ичжинишиду (потомок Апанбу, названный также «сыном волчицы»)	Jij tsyit nej srij tu	Ичжи-Ниши-ду (Зуев)

白鴻	白鸿	Бай хун	Белый лебедь (имя одного из сыновей Ичжинишиду или название его владения)	Baek huwng	р. Лебедь на Алтае (приток р. Бия) (Аристов); Восточный Тянь-Шань (Зуев)
契骨	契骨	Ци гу	Цигу (название владения)	Khej kwot	Енисейские кыргызы
訥都六設	訥都六设	Нэ ду лю шэ	Нодулу-шэ (имя-титул старшего сына Ичжинишиду)	Nwot tu ljuwk syet	Нэб-Дулу (Тулуг / Туглуг)-шад (Зуев)

Табл. 1. Некоторые названия местностей, рек и личные имена из древнетюркского предания, зафиксированного в «Чжоу шу» (周書). Реконструкция произношения на среднекитайском языке выполнена по системе Baxter-Sagart (2014, version 1.1). Сост. И. Дорошкевич, Ю. Есин

С. Г. Скобелев, К. Н. Проталинская

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КЫРГЫЗСКИМ КАГНАТОМ И ИМПЕРИЯМИ ТАН И ЛЯО: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРЕ ХАКАСИИ

В изучении истории разносторонних взаимоотношений между народами Китая и Сибири, включая дипломатические, к настоящему времени имеется еще много нерешенных проблем. Одна из них – необходимость поиска материальных подтверждений известных по данным письменных источников фактов прибытия китайских посольств к одному из могущественных монархов Северной Азии – кыргызскому кагану. Ответ на это может быть дан в настоящее время лишь на материалах археологии. Таковыми могут стать резные изображения людей в длиннополых одеяниях с высокими головными уборами, а также выделенными поясами с подвесками у части из них, обнаруженные на Ошкольской писанице и возле урочища Албаны в междуречье Черного и Белого Июсов на севере Хакасии.

Гравировки на этой писанице и плитах оград соседних курганов тагарской культуры впервые были описаны экспедицией финских ученых во главе с И. Р. Аспелиным в 1887 г. В последующее время в научный оборот вводились новые подобные материалы из этого района, включая находящиеся на выходах коренных пород близлежащих гор. До настоящего времени среди исследователей ведутся споры об интерпретации данных изобразительных сюжетов. Известно несколько вариантов определений их сути: выходцы из Ассирии; представители какого-то нешаманистского культа; шаманы в специализированной одежде и масках; женщины таштыкской культуры; особая социальная группа таштыкского общества; древнехакасские женщины; несторианские или манихейские священнослужители;

участники неких храмовых процессов; китайские невесты для кыргызских каганов (детальный анализ этих версий, а также почти полный иллюстративный ряд изображений с их подробными описаниями даны С. В. Панковой)¹.

Однако одной из версий их происхождения может являться и отражение результатов предполагаемого наблюдения местными жителями за торжественными процессиями при вхождении китайских посольств в ставку кыргызского кагана. Такое мнение соответствует неоднократно прямым упоминаниям в китайских письменных источниках о посольствах из империй Тан и Ляо к кыргызскому кагану. Известно, что в 632 г. в кыргызские земли прибыло посольство от императора Тайцзуна² во главе с посланником Ван И-хуном с предложением к кагану признать вассальную зависимость от империи Тан³. После ответного визита кыргызского правителя (Старейшина Сылифа эльтебер Шибокюй Ачжань) к танскому двору в 648 г. обмен посольствами между империей Тан и Кыргызским каганатом продолжился. Так, император Гаоцзун (650–684 гг.) направил к кыргызам посольство во главе с Фан Цяном⁴. Позже, видимо, имел место длительный перерыв в отношениях, и следующее посольство к кагану было направлено во главе с Чжао Фанем уже в 40-е гг. IX в.⁵ Известно также о посольстве к кыргызам из империи Ляо в 948 г.⁶

Предположение о подобном происхождении фигур можно выдвинуть на основании заметного сходства одежды данных персонажей с китайским средневековым парадно-ритуальным

костюмом, что в наиболее полном виде было высказано к настоящему времени С. В. Панковой. Однако она, объективно показав в работе 2002 г. высокую степень китайской идентичности этих костюмов и высказав мнение относительно причин появления таких изображений на данной территории в связи с китайскими посольствами, в публикации 2013 г. ограничилась неопределенным заявлением общего характера, что «...фигуры предположительно могут рассматриваться как изображения выходцев из дальних от Сибири областей, носителей чуждых традиций или их потомков, связанных с торговой и миссионерской деятельностью в северной части Центральной Азии»⁷. Не было ею дано и опирающееся на археологические свидетельства обоснование точного места расположения ставки кагана, что позволило более объективно ответить на поставленный самой же вопрос о причинах концентрации таких изображений лишь в одном небольшом районе на севере Хакасии – возле урочища Албаны.

Поэтому целью нашей работы является установление историко-культурного происхождения этих необычных по стилю для Хакасии изображений людей на петроглифах в указанном районе, в том числе в виде развития высказанной С. В. Панковой мысли об их в целом китайской стилистике и посольской принадлежности⁸. Источники изобразительного характера представлены материалами Ошкольской писаницы, изображениями на каменных плитах близлежащих курганов тагарской культуры и скалах соседних гор (всего около тридцати изображений и их фрагментов; более половины из них осмотрены на месте одним из авторов), а также иконографическими материалами различного характера, отражающими основные элементы китайского парадного (церемониального) костюма. Источники относительно места расположения ставки кагана представлены материалами наших обследований укреплений в виде рвов и валов, перегораживающих вход в урочище Албаны.

В первую очередь необходимо отметить, что все эти петроглифические памятники находятся вблизи предполагаемой ставки кыргызского кагана, вероятно, располагавшейся на севере Минусинской котловины, между реками Белый и Черный Июс, в урочище Албаны. Они найдены в пределах небольшого района радиусом не более 20 км. Сконцентрированы вдоль южной дороги к ставке, известной по сообщению персидского автора XI в. Гардизи (но писал он на основании более ранних источников), по которой из-за

хребта Западного Саяна караваны, включая посольские, и могли приходить сюда⁹. Эта дорога при приближении к урочищу Албаны вела по степи в общем северо-восточном направлении вдоль северо-западного склона хребта Арга, мимо Ошкольской писаницы, памятников тагарской и таштыкской культур и упоминавшихся в китайских источниках Черных гор (в настоящее время носят то же название Хара-Тар) (рис. 1) – к имеющемуся и сейчас проему в оборонительной стене на входе в урочище (рис. 2), за которой и могла находиться сама ставка кагана.

Гравировки разительно отличаются от изображений в такой же резной технике пеших и конных лучников в приталенных коротких одеждах, характерных для памятников Южной Сибири таштыкской культуры и средневековья. Но рисунки явно выполнены местными мастерами, поскольку композиции, где голова и нижняя часть туловища изображались в профиль, а остальное анфас, были характерны для таштыкских и более поздних кыргызских гравировок¹⁰.

Важной особенностью необычных персонажей, не известных более где-либо в Южной Сибири, являются их длиннополые одеяния. В общем виде можно отметить, что они полностью покрывают фигуры до щиколотки или до земли; у большинства представлены шлейфы разной длины. Одеяния покрыты вертикальными и горизонтальными линиями, вероятно, передававшими складки широких одежд, крой, узоры или фактуру тканей. У некоторых из них изображены изогнутые или округлые поперечные линии чуть ниже уровня шеи, а также парные симметричные линии в средней части туловища. Ни у одной из фигур не показаны руки в отличие от вышеупомянутых изображений лучников. Это может быть связано с тем, что руки скрывались длинными широкими рукавами костюма.

На головах выделяются различного вида высокие головные уборы, обычно узкие у основания и расширяющиеся кверху. Спускающиеся вниз вдоль боковой части лиц линии предположительно передавали завязки головных уборов. На затылке показаны крутые дуги, заканчивающиеся в районе шеи или плеч.

Внимание также привлекают отходящие от уровня пояса вертикальные линии, заканчивающиеся фигурными деталями, похожими на подвески, косо заштрихованные прямоугольные элементы, схематично изображенные узкие вертикальные скобы. В настоящее время известно минимум шесть изображений фигур с подве-

сками, количество которых варьируется от четырех до десяти.

Стоит отметить, что между изображениями одеяний, головных уборов и поясов имеются небольшие отличия. Это, в свою очередь, может быть связано с тем, что фигуры показаны в разных ракурсах, представляют людей разного социального (рангового) уровня, выполнены не в одно время (например, в VII или IX вв.) или оставлены художниками разного уровня изобразительного мастерства. Лица фигур отражают антропологический тип, отличный от облика населения Среднего Енисея¹¹.

Судя по всему, это действительно представители иноземных культур, медленно движущиеся участники неких процессов. Как справедливо подметил еще И.Р. Аспелин, они «шествовали торжественно и церемонно»¹². Результаты сопоставительного анализа основных элементов китайского средневекового костюма с изображениями на этих памятниках могут послужить в качестве доказательства версии о китайской основе происхождения данных персонажей.

Символика костюма в Китае тесно связана с натурфилософией. Костюм представлял собой целый комплекс различных деталей и аксессуаров, воспринимавшихся как единое целое, как микрокосмос¹³. Костюм всегда указывал на социальный статус его обладателя¹⁴.

Миниатюрная пластика Шан-Инь (XVII–XI вв. до н.э.) демонстрирует как общий вид одеяний – длинное верхнее платье-халат с правым запахом, так и отдельные орнаментальные элементы – отделку рукавов и подолов. Однако сведения о костюме этой эпохи фрагментарны, поскольку источником для его изучения являются единичные артефакты. Тем не менее известно, что уже в эпоху Чжоу (1047–221 гг. до н.э.) в национальном сознании сформировалось устойчивое представление о значимости кроя, материала, цвета и орнамента одежды, символики украшений.

Начиная с периода Воюющих царств (V–III вв. до н.э.) разительно увеличивается количество источников, позволяющих в полной мере проследить эволюцию китайского традиционного костюма. В таком качестве выступают находки подлинных предметов одеяний, произведения декоративно-прикладного и изобразительного искусства и письменные источники, содержащие в себе информацию по истории костюма. В это время в качестве верхней наплечной одежды выступало платье-халат *шэньи* 深衣, представлявшее собой сочетание

верхней и натальной одежды в виде сшитых вместе халата с глубоким запахом и нижней юбки. Расклеванный подол обеспечивал комфортность передвижения, а широкие рукава, длина которых достигала кончиков пальцев, не сковывали движений в локтях. Верхняя часть халата была узкого кроя. В тексте «Лицзи» («Книга ритуалов») указано, что *шэньи* использовался в качестве парадной одежды *чаофу* 朝服¹⁵. В качестве материала для изготовления *шэньи* чаще всего выступал лен, церемониальные *шэньи* изготавливались из черного шелка. В соответствии с китайской космологией *шэньи* запахивался слева направо, поскольку левая сторона традиционно соотносилась с востоком, стороной, где восходит солнце. Правая же сторона ассоциировалась с западом, миром мертвых, в связи с чем одежды покойников запахивались справа налево. Поскольку *шэньи* не имел застежек, обязательным элементом костюма был пояс *дай* 帶¹⁶.

В эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) *шэньи* трансформировался в халат *пао* 袍 (*паофу* 袍服), имевший трапецевидную форму и внешне напоминающий сшитые вместе кофту и юбку с треугольной передней полой и округлым подолом. Халат состоял из двух частей – левой и правой полос ткани. Обе сгибались на уровне плеч и сшивались таким образом, что шов шел по внутренней стороне рукава и вдоль бока. Правая и левая половины скреплялись швом на спине; к левой половине пришивался кусок ткани для запаха. Запахивающаяся пола должна была покрывать всю переднюю часть правой половины халата. Как и *шэньи*, халат *пао* запахивался слева направо. Ворот халата имел глубокий вырез, обнажающий шею и демонстрирующий различные шейные украшения, символизировавшие могущество и власть, а также нижнюю одежду, размеры которой нередко превышали размеры верхней. Представители знати носили халат с широкими рукавами и узкими манжетами. Умение носить одежду с широкими рукавами высоко ценилось в аристократической среде и считалось показателем хорошего воспитания.

В эпоху Цзинь на смену узким манжетам пришли широкие открытые рукава без манжет, изящно продолжающие движения рук. Длина *паофу* варьировалась в зависимости от рода деятельности и социального положения его обладателя¹⁷.

В эпоху Тан чиновники, в зависимости от ранга, носили халаты разных цветов (первого, второго и третьего рангов – пурпурные; чет-

вертого – темно-красного; пятого – светло-красного; шестого и седьмого – темно-зеленого и светло-зеленого соответственно¹⁸. Кроме того, халаты гражданских чиновников украшались специальной вышивкой на груди и спине¹⁹.

Таким образом, можно выделить несколько отличительных особенностей, характеризующих халат *пао* на протяжении всей его истории: трапециевидный силуэт; ворот с глубоким вырезом; широкие цельнокроенные рукава; длинный округлый подол; треугольная передняя пола, запахивающаяся слева направо.

Подобно халатам *паофу*, костюмы изображенных на памятниках фигур также представляют собой длинные закрытые одежды с округлым подолом, образующим сзади подобие шлейфа. Дуговидные линии в верхней части груди, вероятно, передавали вырез и складки одежды у горловины, парные волнообразные линии в средней части туловища – широкие рукава халатов, полностью закрывавшие руки фигур. Какие-либо из линий на груди или спине могли передавать вышитые изображения.

Поскольку халат *пао*, как и *шэньи*, не имел застежек и не подгонялся по фигуре, обязательным элементом костюма оставался пояс *дай* 帶. В этом отношении нельзя согласиться с С. В. Панковой, заявившей об изучаемых изображениях: «Трудно сказать, как наличие поясов с подвесными ремешками согласуется с версией о “длиннополых” как чужеземцах, прибывших из зоны Китая...»²⁰. Пояс являлся также важной частью китайского официального костюма, поскольку поясные подвески выполняли особые ранговые функции. Он состоял из кожаного ремня, различных поясных украшений, цвет, материал и количество которых служили особыми ранговыми показателями, и двух свисающих концов пояса, длина которых также указывала на ранг их обладателя. Поясные подвески вели свое происхождение от набора утилитарных предметов, таких как нож, огниво, точильный камень, кольцо для стрельбы из лука, которые были необходимы мужчине-охотнику, и крючков, на которые подвешивались данные предметы. Постепенно подвески и крючки превратились в самоценные ювелирные изделия и стали специфической принадлежностью мужского костюма²¹. Начиная с эпохи Шан-Инь сложилась особая ранговая система, в соответствии с которой каждому чину надлежало носить определенный пояс. Такая система существовала на протяжении всей истории феодального Китая вплоть до падения династии Цин в XX в.²²

Поясные украшения представляли собой композиции из полуколец и пластин прямоугольной, квадратной, треугольной или округлой формы. Они изготавливались из нефрита, золота, серебра или бронзы в зависимости от ранга обладателя. Количество поясных подвесок составляло (по той же зависимости) от 7 до 13 элементов²³. Находки поясов представлены в коллекциях китайских музеев. Так, например, одним из экспонатов Шанхайского музея является нефритовый пояс, датируемый эпохой Тан – это двенадцать прямоугольных пластин из белого нефрита, на которых хорошо различима узорчатая гравировка²⁴; в коллекции Шэньянского краеведческого музея представлен пояс эпохи Юань, включающий прямоугольные, сердцевидные и квадратные накладки из агата²⁵.

Вполне вероятно, что детали, отходящие от намеченных линий поясов у изображений на петроглифах возле урочища Албаны, являлись графическими изображениями именно китайских поясов и поясных подвесок.

Следующей важнейшей деталью традиционного китайского костюма являлся головной убор. В отличие от европейской традиции, в соответствии с которой его снимали в знак проявления уважения и соблюдения этикета, в Китае, напротив, все официальные и торжественные церемонии проводились исключительно в головных уборах. Распущенные волосы и отсутствие головного убора расценивались как признак варварства. Головной убор был обязательной частью мужского костюма, его носили как на службе, так и в домашней обстановке. Он визуально завершал общую композицию костюма и, как и пояс, указывал на ранг обладателя.

Основными видами головного убора в средневековом Китае были шапка *гуань* 冠, шапка *мао* 帽 и головная повязка *цзинь* 巾²⁶. Последняя предназначалась для простого люда, которому не разрешалось носить *гуань* и *мао*. Головной убор типа *гуань* произошел от повязок на пучках волос²⁷. Его типология очень разнообразна. Китайские исследователи выделяют около 12 видов *гуань*²⁸. Особое внимание следует уделить головному убору *сяо гуань*. Он имел зауженную форму и надевался на самую макушку. Для фиксации высокой конструкции существовала повязка-околыш *цзе*, к которой при помощи шпильки крепилась тулья. Завязки головного убора располагались в районе шеи и делали конструкцию не только более устойчивой, но и служили особым украшением. Чаще всего данный головной убор изготавливался из кожи.

Его носили гражданские чиновники на службе, ученые и участники храмовых процессий. Изображения людей в головных уборах типа *сяо гуань* можно обнаружить на настенных росписях буддийских пещерных монастырей Дуньхуана²⁹.

Еще одним распространенным видом головного убора в период династий Суй и Тан была шапка *путоу*, которую носили как служащие, так и простые граждане. Первоначально *путоу* представлял собой кусок ткани, которым обматывали голову вокруг темени и лба наподобие тюрбана³⁰. В связи с этим в средневековом Китае данный головной убор имел еще одно название – *чжэшаньцзин* 折上巾 («мягкий головной убор с заломленным верхом»). Со временем под платок стали подкладывать шелк, кожу, траву или опилки, чтобы придать ему форму пучка волос. При династии Тан окончательно закрепились формы градации этого головного убора. Существовали несколько видов *путоу*. Так, например, *путоу* с удлиненными свободно свисающими на спину завязками носили рядовые граждане, в то время как гражданские чиновники и ученые носили *путоу* с завязками, пропитанными лаком, натянутыми на проволочные каркасы, торчащими в стороны и элегантно покачивающимися при ходьбе.

Головные уборы загадочных фигур в длиннополых одеяниях соотносятся с основной характеристикой головного убора *сяо гуань*: высокая конструкция цилиндрической формы, зауженная у основания и расширяющаяся кверху, наличие дугообразных линий на затылке, предположительно завязок, заканчивающихся в районе шеи. Кроме того, прослеживается определенное визуальное сходство между изображениями головных уборов среди настенных росписей Дуньхуана³¹ и гравировками на изучаемых памятниках. У нескольких фигур, изображенных на Ошкольской писанице, наличествуют головные уборы, по форме напоминающие *путоу*: возвышающаяся над темнем верхняя часть головного убора имеет вид тюрбана или колпака и является продолжением повязки-околыша. Однако изображения данных фигур представлены в схематичной манере, что делает более детальный сопоставительный анализ затруднительным.

В целом в результате изучения петроглифов возле урочища Албаны на севере современной Хакасии был выявлен ряд особенностей, характерных для фигур людей, изображенных в необычных для данного региона одеяниях. Главное отличие гравировок от изображений пеших и

конных лучников, выполненных в такой же резной технике, типичной для таштыкской культуры и средневековья на этой территории, – специфичные длинные одежды с подолами и шлейфами, высокие головные уборы и схематично показанные пояса с фигурными подвесками. На данном основании можно подтвердить объективность имеющегося мнения о том, что носители этих костюмов действительно являлись представителями иноземных культур.

Проведенное нами первичное изучение истории и символики средневекового китайского костюма, а также результаты анализа его основных элементов в сопоставлении с частью деталей одеяний, в которые облачены фигуры на памятниках возле урочища Албаны, уже могут служить подтверждением и развитием предположения о китайской основе происхождения данных персонажей, по нашему мнению, связанных с конкретными историческими событиями – церемониями прибытия китайских посольств к кыргызскому кагану. Вероятность такой версии подтверждается расположением его ставки именно в урочище Албаны в междуречье Черного и Белого Юуса – здесь он принимал эти посольства, и здесь их участники в необычных одеяниях попадали в поле зрения местных жителей. По этой причине нигде более в Минусинской котловине и не известно подобных изобразительных сюжетов, поскольку ставка кагана в VII – первой половине IX в., видимо, не меняла места своего расположения.

Таким образом, в результате проделанного предварительного анализа ряда разнородных источников выявляются материальные свидетельства фактов пребывания китайских посольств на территории современной Хакасии. К сожалению, отнесение их к конкретным посольствам и точным датам отправки пока не представляется возможным. Более детальное изучение особенностей средневекового китайского костюма (в первую очередь его трансформации во времени и моде), тщательное сопоставление их с гравировками на изучаемых памятниках помогут продвинуться по пути полного разрешения проблемы интерпретации изображений. Это позволит и более определенно говорить об этапах истории достаточно интенсивных и продолжительных дипломатических отношений между Кыргызским каганатом и разновременными китайскими государствами (Тан и Ляо), что до сих пор было известно лишь по данным письменных источников.

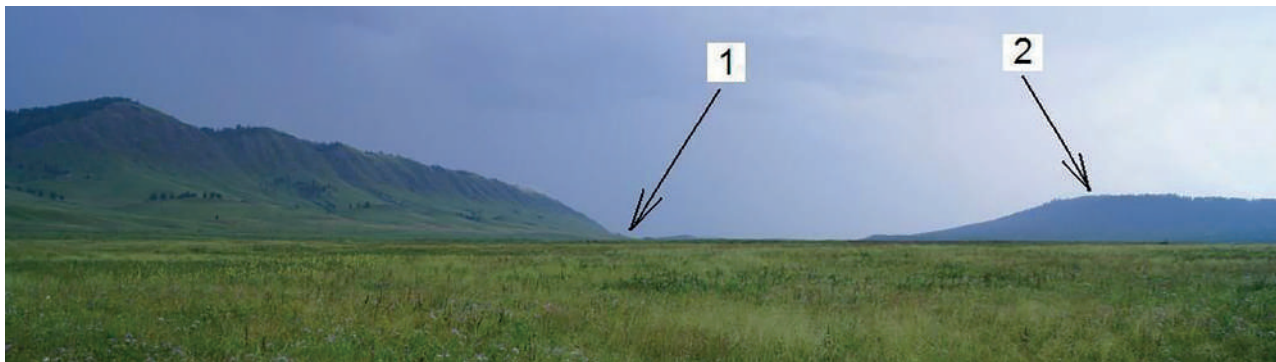

Рис. 1. Участок местности (дороги) по направлению ко входу в урочище Албаны (снято с 3):
1 – место входа в урочище; 2 – Черная гора (Хара-Тар) (фото автора)

Рис. 2. Место для прохода (для ворот?) в средней части оборонительного сооружения
в урочище Албаны (снято с ЮЮВ) (фото автора)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Панкова, С. В. К интерпретации загадочных фигур из Хакасии // История и культура Востока Азии. – Новосибирск, 2002. Т. 2. – С. 135–140; Панкова, С. В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на северо-западе Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. – № 1(5). – 2013. – С. 125–158.
2. Император династии Тан с 627 по 649 г. н. э.
3. Супруненко, Г. П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. – М., 1974. – С. 240–241.
4. Там же. – С. 241; Бутанаев, В. Я., Худяков, Ю. С. История енисейских кыргызов. – Абакан, 2000. – С. 84.
5. Супруненко, Г. П. Указ. соч... – С. 243–244.
6. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – С. 72.
7. Панкова, С. В. Указ. соч.
8. Панкова, С. В. Указ. соч... 2002.
9. Скобелев, С. Г., Рюмишин, М. А. О возможном месте нахождения северной столицы Кыргызского каганата (ставки кагана). [Электронный ресурс] – URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1486 (дата обращения: 18.05.2018).
10. Панкова, С. В. Наскальные изображения представителей неизвестного культа на севере Хакасии // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. – СПб., 2000. – С. 229–232.
11. Там же.
12. Панкова, С. В. Указ. соч... 2013. – С. 146.
13. Сычев, Л. П., Сычев, В. Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. – М., 1975. – 172 с.
14. Hua Mei. Chinese traditional clothing // Cultural China Series. – Beijing, 2004. – P. 14–15.
15. Кравцова, М. Е. История искусства Китая. – СПб., 2004. – С. 797.
16. Hua Mei. Указ. соч... – P. 16.
17. Благова, Т. Ю., Санатова, С. В., Кукушкина, З. И. Эвристическая трансформация культуры Востока в дизайне костюма. – Благовещенск, 2014. – С. 22; Vuui Chen. Dressing for the Times: Fashion in Tang Dynasty China (618–907). – Columbia University, 2013. – 252 p.
18. Панкова, С. В. Указ. соч... 2013. – С. 153.
19. Кравцова, М. Е. Указ. соч... – С. 797.
20. Скобелев, С. Г. Пояс юаньского чиновника в погребении енисейского кыргыза // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С. 167–170.
21. Сычев, Л. П., Сычев, В. Л. Указ. соч...
22. The colors of Dunhuang – the magical Door opening to the Silk Road. – Istanbul, 2012. – P. 78–79.
23. Там же. – P. 78–79.

СОХРАНИТЬ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В данной статье речь идет о проблеме сохранности памятников индустриальной археологии. Таежные урочища Томской губернии и Кузнецкого уезда без срочного занесения в

реестр охраняемых мест могут быть уничтожены при добыче полезных ископаемых.

Ключевые слова: урочища первых русских поселений, туризм, священные горы.

V. V. Kharin

TO SAVE YOUR CULTURAL HERITAGE

This article describes the problem of the preservation of the sites of industrial archaeology in the forest mountain area of former Tomsk province and Kuznetsky uyezd. Without urgent listing in the

register of protected places they can be destroyed due the modern mining activity.

Keywords: places of the first Russian settlements, tourism, sacred mountains.

Немного о таежных поселениях бывшего Кузнецкого уезда Томской губернии. В эпоху «Золотой лихорадки», как и теперь, территория Горной Шории была предметом пристального внимания разного рода дельцов и золотодобытчиков. По всей тайге было разбросано множество поселков старателей, урочища которых для современных исследователей прошлого представляют немалый интерес. В забытых, глухих местах когда-то кипела жизнь с ее радостями и трагедиями. Разбогатевшие хозяева приисков не жалели средств на приобретение за границей разного рода оборудования, технологий, предметов быта, развлечений и дорогих подарков. Таким образом, культурный слой этих мест хранит массу интереснейших предметов индустриальной археологии, которую мы как хранители истории не вправе считать второстепенной.

В сорока километрах от города Междуреченска, в живописном месте у подножия горы Шаман, расположился поселок Теба. Ранее поселок назывался Усть Теба и являлся перекрестком старинных гужевых дорог, ведущих к таежным приискам. По легенде, записанной В.Г. Куспековым, странное название Теба (Тевик – пинающая) дал великий богатырь Сарыг Шаш. Побывавший в верховьях, он был

очарован красотой реки Том-су и дал названия ее притокам. Согласно архивным источникам Красноярского краеведческого музея, в 1874 г. здесь была построена торговая база Абаканского железодобывающего завода. Создание базы в виде двух двухэтажных сооружений длиной по 14 метров при постоялом дворе Теба позволили данному поселению стать важным стратегическим пунктом для реализации горнодобывающего оборудования и товаров, выпускаемых заводом. За металлическими изделиями сюда приезжали и приплывали купцы из Томска, Барнаула, Мариинска, Томска и Кузнецка. Не обошли стороной Тебу и события Гражданской войны. По рассказам выжившей чудом местной жительницы Софьи Мукобеевой – сопроводительнице грузов от поселения Тебы до Кузнецка стало известно, что в 1918 г. в Кузнецке из поезда генерала Колчака красными было отбито два вагона с драгоценностями. Отряд красных вместе с Софьей тайком повез золото вверх по Томи. За ними погнались белочехи. На четвертые сутки тебинская база стала свидетелем разгула бандитов, которые пытались узнать все о золоте, издевались над местным населением. В результате Софью увезли в Кузнецкий острог, где ее пытали и вырезали на спине две звезды.

Экспонаты музея пос. Теба

Прибрежная болотистая часть причала базы и по сей день хранит признаки былой деятельности. Местные жители при копке огородов находят в земле фрагменты, а порой и целые старинные предметы. В свое время здесь были найдены ржавый пистолет, нож с резной серебряной ручкой, увесистое золотое обручальное кольцо с голубым камнем. Периодически попадают обломки фарфоровой посуды промышленников М.С. и И.Е. Кузнецовых с изображением царского герба. Найдены раскладные чугунные печи Абаканского завода и шестидесятикилограммовый якорь, которые хранятся в местном музее.

С 1948 по 1960 г. на левом берегу Томи, возле устья реки Теба, расположился лагерь заключенных (ОЛП – отдельный лагерный пункт), который занимался заготовкой леса. С 1960 по 1990 г. поселок превратился в пункт заготовки леса Кузнецкого леспромхоза. В 1990-е гг., в период развала СССР, многие промышленные объекты, в том числе и Новокузнецкий леспромхоз, перестали существовать. Теперь судьба поселка Теба волнует многих его жителей. Однако, несмотря на плачевное положение поселка, есть надежный, но пока не использованный ресурс. Это наша история и живописная природа с ее легендарной горой Шаман. Гора и окружающая ее первозданная природа идеально подходят для комплекса горнолыжных трасс. Новокузнецкими Александром Ширмановым и Виктором Счастливым создан перспективный про-

ект горнолыжного курорта, который ждет своего часа.

Заросшие шоссейные дороги от поселка Теба ведут к старинным урочищам первых русских и шорских поселений, рельеф и культурный слой которых, включая эпоху неолита, имеет богатую историю, связанную с индустриальной археологией. Горы Кузнецкого Алатау неспроста именовали «Бандитские горы», здесь и по сей день можно найти следы каторжной эпохи и пребывания белогвардейских банд. В разное время в местных пещерах находили костяные предметы, железные наконечники стрел и артиллерийские снаряды – свидетельство Гражданской войны. Где-то в районе Поднебесных Зубьев в земле по сей день лежит бронзовая пушка, которую в 1955 г. видели охотники поселка Балыксу. Хотя на берегах Томи многие петроглифы и следы таежных поселений уничтожены, кузнецкая земля хранит скрытые и явные памятники прошлого. Они до сих пор ждут своих первооткрывателей и хранителей. Здесь многое зависит не только от профессиональных историков, но и от внимательности и грамотности населения. Так, в 2001 г. недалеко от города Междуреченска, в районе дачного поселка Озерки, в тайге местный житель нашел чугунный крест с датой 1798 г. Наверняка где-то поблизости есть старинное поселение. На данный факт пока никто не обратил внимания. Внештатный сотрудник НКВД и егеря А.С. Чучалин в 1975 г. рассказал, что в

районе Козьих Ворот, что в верхнем течении реки Бельсу, на скале обнаружил какие-то начертанные знаки. Среди аборигенов существуют предания о горных духах – ээзи (эти – обладающих гипнозом). Местными краеведами ведется работа по сбору информации о данном феномене. Предположительно, что слухи и рассказы о встречах с таинственными жителями появляются не на пустом месте. Предания, найденные в китайских летописях Л.Р. Кызласовым, говорят, что в старые времена в районе Китайского моря (Телецкое озеро) некий удивительный народ проживал в пещерах. Он был способен на зиму впадать в кому. Недаром татарское слово «уй» – переводится на русский язык как пещера и дом. Случалось, что эти обитатели подземелий помогали людям в трудных ситуациях. Многие рассказы о встрече с ними зафиксированы в литературе. Изучая труды хакасского ученого В.Я. Бутанаева, обращаешь внимание на повествование старого аборигена, который поведал, что некогда в верхнем течении реки Томи существовало поселение с названием Кызыл-Хая (Красная скала). Там был грот, в котором висели две зыбки – медная и бронзовая. В них-то и выросли два шорских богатыря (в источнике приводятся их имена и место последующего их проживания). Стало понятно, что это район станции Бельсу. Именно там красная обрывистая скала жаркой эпохи планеты возраста более 2-х миллиардов лет. Ее поверхность покрывает толстый слой известняков океана Тетис, которые часто образуют карстовые полости. В 1954 г. при устье реки Бельсу, что на два километра ниже по течению, строителями дороги был найден каменный топор (хранится в кузнецком краеведческом

музее), а в 2009 г. археолог Юрий Ширин здесь же нашел нуклеус и кусок дерева, обработанный каменным топором. Опираясь на данную информацию, в 2016 и 2017 гг. в район устья реки Бельсу членами Томского РГО были организованы три поисковые экспедиции. При обследовании части прилегающей территории среди развалин известняковых блоков пещера не обнаружена. Возможно, она обвалилась или ее разрушили при строительстве дороги. Однако выше против течения реки Бельсу (тайменя) наше внимание привлекли старинные канавы, поросшие лесом, похожие на выработки от добычи золота в более ранние, скифские времена. Выводы обоснованы тем, что при устье Бельсу о добыче золота в дореволюционные времена никаких упоминаний не найдено. Надо полагать, что богатая природными ресурсами тайга была всегда заселена людьми. Таким образом, следы исчезнувших поселений можно встретить не только по берегам больших рек, но и в глуши, о чем будет сказано ниже. В специальной статье Юрий Ширин пишет, что в 1954 г. доцентом кузнецкого педагогического института У.Э. Эрдниевым проведена археологическая разведка по трассе строительства дороги по реке Томи от ст. Камешки до ст. Теба. От местных жителей он получил 15 наконечников стрел и одно железное тесло. Житель села Камешки, краевед и ученый Иван Амелин, в архивах томского университета нашел, что в работе А. Вербитского, опубликованной в 1874 г., упоминается улус Кызыл Чар (6 домов), расположенный выше Чульжана против течения реки Томи. Возможно, здесь мы имеем одно поселение под двумя названиями – Красный Берег и Красная Скала.

Музей Виктора Харина

Информация об исчезнувших поселениях дополняется и другими доказательствами. При строительстве железной дороги Сталинск – Абакан недалеко от поселка Теба найден бронзовый клевец, который хранится в Кузнецком краеведческом музее. При прокладке железной дороги по территории поселения Теба в 1954 г. бульдозеристом Н. Неумывако был случайно уничтожен деревянный склеп из бревен с человеческими костями. Захоронение, предположи-

тельно афанасьевской культуры, археологами не обследовалось.

Природа Шории богата краснокнижным растительным и животным миром. Местный фольклор, а также правильно переведенные на русский язык древние слова и топонимика являются дополнительным ключом к пониманию исторических загадок. Горы Израс и Изыгаш переводятся на русский язык как священные, с них открывается прекрасный вид на окружающие горные цепи.

Экспонаты каторжной эпохи во дворе музея

Из фольклора, собранного В. Я. Бутанаевым, известно, что древние поселения находились не более семи километров от места совершения обрядов. На молитвы разным богам, в том числе и богу Худаяу, в которых упоминалась гора Меру, бурханисты собирались до 150–200 человек. Обряд совершался один раз в три года на вершинах священных гор. Забытые и поросшие бурьяном таежные места поселений, где отражены разные эпохи, представляют немалый интерес для туристов и школьников. Под руководством Тебинского музея с организациями ДЮОЦ и СРЦ г. Междуреченска, начиная с 1995 г., в эти места было организовано около двадцати детских экспедиций. Собрано много материала, послужившего для написания исследовательских работ. Найдены многочисленные предметы начала

индустрии и прочие старинные находки, пополнившие местные музеи. Территории бывших поселений – Коксу, что возле горы Церковная, Екатериновка, Верхняя Теба, Израс имеют грандиозные следы подневольного труда. До сих пор там сохранились каменные отвалы, изобилующие земляникой и змеями. Живописно выглядят огромные замшелые валуны, занесенные на гору. Бросаются в глаза и аккуратные кладки водоотводных канав. Некоторые из сохранившихся штолен брошенных старинных приисков хранят атмосферу трагедий. Торчащие из земли фрагменты массивного оборудования в воображении посетителей возбуждают представление о масштабах работ и оставляют неизгладимое впечатление.

Находки из кургана возле города Мыски

На основе таежных находок в сочетании с архивными материалами Красноярского краеведческого музея в поселке Теба был создан частный музей. В его наличии более 3000 экспонатов из минералов, картин и предметов эпохи золотой лихорадки. Он пользуется успехом. За 18 лет здесь побывали тысячи школьников и гостей из разных городов России. Также были гости из Финляндии, Канады и Америки. На счету музея имеются открытия, находки в области истории и геологии. Энтузиастом, любителем тайн в архивах Красноярского краеведческого музея найдена информация о торговой базе (пос. Теба) Абаканского железодельного завода (1874). По ходатайству музея в поселке установлен памятник погибшим в ВОВ. При опросе старожилов установлены фамилии павших героев. По находке деталей старинного гидромонитора, привезенных школьными экспедициями из медвежьих углов, написана работа об изобретателе водяной пушки – Еремее Черкасове. Благодаря оригинальному подходу к расшифровке слов, называемой палеоэтимологией, близ города Мыски обнаружен древний курган с амулетом птицы Демиург. Находка во всем мире имеет множество вариантов и своей легендой связана с таинственным материком – Гипербореей. С изучением работ хакасских ученых В. Я. Бутанаева, Л. Р. Кызласова и местного фольклора на горе Большой Изыгаш после многолетних поисков соратникам музея удалось найти культовое место – Бурханистский храм. Геологические познания позволили музею поселка Теба стать наполовину минералогическим. Двадцать лет назад на берегах реки Томи его создателем был

найден дорогой минерал нефрит – царь камней по прочности. Но низкая квалификация геолога, который был консультантом, не позволила находку оценить правильно. Впоследствии по образцу, взятому из моего музея, месторождение было обследовано с присвоением названия «Междуреченский черный нефрит». Эксперименты по выращиванию кристаллов позволили сделать новое открытие, вследствие чего на сайт Русского географического общества под авторством В. В. Харина вышла статья «Гипотеза движения тектонических плит». На данный момент музей остро нуждается в поддержке государства. Отсутствует специальное помещение, охрана. Наиболее тяжелые, редкие и громоздкие экспонаты находятся под открытым небом. Хотелось бы обратить внимание властей на придание музею статуса. Это позволит сохранить для потомства собранное за десятилетия. Надо предполагать, что музей в поселке Теба, в перспективе являясь центром исторического и геологического туризма, будет играть огромную роль в воспитании патриотизма и привлечения посетителей из разных мест.

Скала «Медведь». Культовое место г. Изыгаш

Участники раскопок кургана на речке Черемза (близ г. Мыски)

В 1948 г. в районе урочища Израс (Изырас) – бывший прииск золотопромышленника Попова геологами при поиске молибдена обнаружено захоронение из каменных плит, возраст которых более тысячи лет. В 1979 г. при вспашке огорода жителем поселка Теба Александром Клименко найден ствол фитильного ружья и железная пика для охоты на медведя. Это говорит о некогда существовавших, но исчезнувших поселениях в данной горной местности. Гора Изыгаш (Девять Братьев), что находится в сорока километрах южнее горы Шаман, как и мегалитическая гора Куйлюм, удивительна своими гранитными скальными образованиями. Руководствуясь рассказами старого шорца, нашей краеведческой экспедицией в 2017 г. на ней обнаружен культовый объект религии бурхан. В состав экспедиции вошли энтузиасты – самодеятельные исследователи городов Новокузнецк, Мыски, Междуреченск и ст. Теба. В отличие от других религий для совершения молений в качестве храмов бурханисты использовали специально освященные природные объекты. Найденный памятник состоит из трех объектов: 1) «Камень жизни»; 2) «Камень жертвоприношений»; 3) «Камень гаданий» (сейд). Сейд является пророческим камнем и использовался для получения предсказаний древними самодийскими народами. Такие камни встречаются на севере. Слово «саам» связано со словом «шаман, кам», так как это является понятием входа в состояние

транса, комы (сомати). Очевидцы рассказывают, что человек, поднявшийся на «Камень гаданий», мгновенно получает ответ на поставленный вопрос. «Камень жизни» находится рядом с «Камнем гаданий». Это скала, на которой растет кедр. «Камень жертвоприношений» также находится неподалеку и представляет собой ровную плиту с углублением посередине, в котором иногда стоит вода. Найденное культовое место требует изучения.

У подножия горы Большой Изыгаш есть следы старинных татарских поселений. Местечко Банный, что у истоков реки Теба, – это официальный памятник, обследованный и оформленный по инициативе Юрия Ширина и Бориса Рахманова. Вероятно, что подобных поселений вокруг священной горы было не одно, а несколько. Все перечисленные выше урочища поселений необходимо обследовать и занести в перечень объектов охраняемых государством. В районе селения Ортон и по сей день существует несколько шорских поселений, также заслуживающих внимания. В 2010 г. близ селения Мыски, на основе нового направления в языкознании – палеоэтимологии, нашими краеведами был найден скифский курган VI в. н.э. В нем находилось около пятидесяти предметов каменного, бронзового и железного веков. Объект внесен в реестр памятников. Однако, несмотря на все исторические прелести, существует нерешенная проблема с состоянием этой важной для

патриотизма науки. Вот что пишет педагог дополнительного образования, учитель истории гимназии № 17 города Белорецка: «Великий мыслитель Конфуций говорил: “Не дай вам бог жить в эпоху перемен!”. А вот мы – живем. При этом не просто в “эпоху перемен”, а скорее в “эпоху излома”. Именно в такие моменты развития общества мы можем видеть не только деградацию качества личности, но и гибель жизненных ориентиров человека». Это ли не деградация, когда исторические места урочища первых русских поселений земли Кузнецкой по реке Усе полностью все отданы под ножи бульдозеров добытчиков золота и марганца. На очереди урочища, находящиеся на притоках левого берега реки Томи. Это ли не пренебрежение к собственной истории, когда местные СМИ стараются не пускать в печать информацию об обнаруженных памятниках, порочить и скрывать фамилии их обнаруживших. Притом что новый краеведческий материал должен быть использован в школах на уроках истории. Профессор КемГУ Д. В. Кацюба отмечает, что «наблюдается повышение интереса к историческому краеведению еще и потому, что отечественная историческая наука находится в кризисном состоянии, причина которого связана с отсутствием конкретных локальных исследований исторических процессов, объектов. Выход исторической науки из кризисного состояния нам видится, прежде всего, в дальнейшем развитии исторического краеведения. Краеведение выступает как средство конкретизации общеисторического, как средство познавательной деятельности учащихся. Краеведение устанавливает и поддерживает живую связь времен, поколений, их преемственность в родном городе, селе, крае.

Благодаря краеведению хранится память историческая, воспитывается духовная оседлость. В этом особая, непреходящая сила и ценность краеведения»¹. Как патриот, с профессором полностью согласен. Недооценка краеведения и погоня за сиюминутной прибылью приведет к утрате памятников культурного наследия. Благодаря краеведческой работе в содружестве с историками города Новокузнецка, да при должном внимании властей поселок Теба как объект бывшего Кузнецкого уезда может явиться прекрасной базой для организации исторического туризма. Вся система маршрутов на перспективу может быть объединена с соседними маршрутами поймы реки Мрассу и Поднебесные Зубья. Наша местность является территорией Скифии и Великой Тартарии, в работе по сохранению наследия непременно должно участвовать коренное население. Но для решения подобных вопросов одних сил администрации города мало. Необходимо, чтобы департамент культуры и национальной политики г. Кемерово обозначил себе это первостепенной задачей. Иначе мы потеряем всю историческую прелесть таежных мест. Для этого не нужно отвергать помощь энтузиастов, душой болеющих за будущее своей малой Родины, своего края. Хорошим инструментом в этом благородном деле может оказаться организация в поселковых администрациях ТОС (территориальное общественное самоуправление). Это не позволит алчным, недобросовестным чиновникам безрассудно распоряжаться землями, исконно принадлежащими аборигенному населению. Только общими усилиями, только с мыслями о хорошем будущем удастся сохранить для поколений историческое наследие, как основу любви к Великой Родине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Соловьев, Л. И.* Живи, Кузнецкая земля: основные направления в работе по краеведению участников

движения «Отечества». – Кемерово, 1997. – С. 33–34.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*Р. М. Валеев, О. Д. Василюк,
Р. З. Валеева, Д. Е. Мартынов*

А. Е. КРЫМСКИЙ: ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ (1896–1942)

Цель статьи – дать обзор тюркологического наследия академика А. Е. Крымского, оценить его вклад в российское и украинское востоковедение. Основные результаты исследования заключаются в описании его трудов по тюркологии. Основное внимание уделено разнообразным материалам, написанным А. Е. Крымским во время работы в Лазаревском институте восточных языков и в Украинской академии

наук. Выявлены научные направления его тюркологических штудий. Материалы статьи могут быть полезными для изучения истории мировой тюркологии, для преподавания языков, истории, литературы и культуры тюркских народов.

Ключевые слова: Россия, Украина, Восток, тюркология, А. Е. Крымский, тюркская литература, история, язык.

*R. M. Valeev, O. D. Vasilyuk,
R. Z. Valeeva, D. E. Martynov*

RUSSIAN TURKOLOGY AND HERITAGE OF A. E. KRIMSKY (turn of the XIX–XX centuries)¹

The relevance of the research is emphasized by the need to study the history of development of Turkology in the modern world. This involves assessing achievements of Russian and European Orientalists of the 19th and 20th centuries. The purpose of the article is to give an overview of the Turkological heritage of A. E. Krimsky and to assess his contribution to the Russian and Ukrainian Oriental Studies. The main results of the research are in the systematic description of his works on

Исследование тюркского социополитического, культурного и этнолингвистического пространства Евразии является давней и значимой традицией практических, академических и университетских центров России и Европы, в том числе Украины. Особо важную роль тюркское политическое и культурное наследие играло в истории и культуре народов России, Украины и современных тюркских государств. Известные государства и общества тюркского мира (Тюркские каганаты, Волжская Булгария, Улус Джучи, Османская империя и другие государства средневековья и нового времени),

Turkology. The focus is on a variety of materials written during his work in the Lazarev Institute of Oriental Languages in the Ukrainian Academy of Sciences. The scholarly areas of his Turkological studies have also been researched. The information from this article may be useful for the study of the history of World Turkic studies, teaching languages, history, literature and culture of the Turkic peoples.

Tags: Russia, Ukraine, East, Turkology, A. E. Krimsky, Turkic literature, history, language.

географические и историко-культурные регионы традиционного проживания тюркских народов Российской империи и в целом Евразии стали объектом и предметом исследования российских и европейских востоковедов-тюркологов XIX – начала XX в.

Отечественный и международный авторитет российской школы и центров тюркологии во многом был связан с исследованиями классического цикла. В российской тюркологии прослеживаются две ключевые институциональные тенденции и принципы – традиционно регио-

¹ Исследование проведено в рамках гранта РФФИ № 18-09-00331 «Эпистолярное наследие российских востоковедов на рубеже веков: Переписка А. Е. Крымского, В. Р. Розена, Ф. Е. Корша, В. А. Жуковского, С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, Н. А. Медникова, П. К. Коковцова, В. Ф. Минорского (1890–1930-е гг.)».

нально-страноведческие и проблемно-тематические.

В генезисе российской тюркологии – значимого гуманитарного направления в познании тюркских государств и народов – заметно развитие филологической, исторической и культурологической мысли, новых методов, методик и приемов комплексного исследования.

Российская тюркология была многонациональной. Со второй половины XVIII в. в программы общеобразовательных учреждений, а с начала XIX в. и университетов включались тюркские языки, углублялись исследования феномена тюркской цивилизации, проблемы государственной власти и институтов власти, народных движений, историй религий и духовных систем тюркских государств и обществ. Феномен университетской тюркологии в России и на Западе во многом может быть изучен в перспективе в контексте геополитической и историко-культурной парадигмы «Россия – Тюркский мир – Запад».

Исключительную роль в институционализации, профессионализации и развитии гуманистических традиций мировой и отечественной тюркологии сыграл А. Е. Крымский (1871–1942). Востоковед-ближневосточник и славист, ученый и общественный деятель, обладавший энциклопедическими знаниями, он оставил значимый след в истории российской и украинской и в целом мировой арабистики, иранистики и тюркологии. Язык и литература, история, культура и в целом наследие арабо-мусульманской цивилизации – основополагающие направления учебной, исследовательской и общественной деятельности А. Е. Крымского¹.

В истории российской, украинской и мировой тюркологии А. Е. Крымский занимает особое место. Он стал крупным представителем классической университетской и академической ориенталистики, в том числе тюркологии.

Жизнь и биография российского и украинского арабиста, ираниста, тюрколога и слависта связаны с тремя значимыми периодами – московским (1889–1918), бейрутским (1896–1898), киевским (1918–1942). Знаток арабо-мусульманских языков, он создал фундаментальные труды по истории арабо-мусульманских народов, в том числе тюркских обществ и государств². Эти периоды научной, педагогической и общественной деятельности позволяют выделить направления, итоги и некоторые особенности тюркологического наследия А. Е. Крымского.

Одним из первых его тюркологических исследований стала редакция известной работы

Н. Ашмарина «Очерк литературной деятельности казанских татар мохаммедан за 1880–1895 гг.», опубликованной в трудах Лазаревского института восточных языков³. Последняя его опубликованная при жизни работа (1938) была посвящена истории и культуре Азербайджана⁴.

Первыми дореволюционными тюркологическими (османистическими) исследованиями А. Е. Крымского стали учебные и исследовательские работы, связанные с историей и культурой Османской империи: учебное пособие «Из истории Турции (от основания государства до XVI в.)» (1909), «История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка» (1910), «История Турции. Очерк» (1915) и др.

Тюркологическая деятельность А. Е. Крымского была связана также с «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона. Его первые энциклопедические тюркологические статьи: «Кадын» (1894), «Карагез» (1895), «Кылыдж-Арслан I», «Кылыдж-Арслан II» (1896), «Магомет I» (1896), «Намык Кебаль-бей» (1897), «Неджати» (1897), «Саад-эд-дин» (1899), «Сельджуки» (1900), «Турецкие наречия и литературы» (1902) и др. напечатаны в этом известном словаре. Для российских энциклопедий рубежа XIX–XX вв. им было написано более 200 статей, из них около 70 посвящены тюркологии⁵. Важно отметить, что в основе тюркологического наследия и творчества ученого, начиная с московского периода, лежат разнообразные переводы произведений турецких прозаиков, поэтов и различных писателей на украинский и русский языки и художественные произведения, которыми он занимался с 1890 г.⁶

В 2007–2010 гг. Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Академии наук Украины в пятитомной серии избранных сочинений А. Е. Крымского издал его опубликованные и архивные тюркологические работы⁷.

В московском Лазаревском институте восточных языков в 1889–1892 гг. он изучал арабскую филологию, арабскую литературу и ислам. Персидский язык и литература, турецкий язык и литература также были в центре его востоковедческого образования. Тюркским наследием А. Крымский интересовался с детства. Его предок, татарский мулла, в конце XVII в. переселился из Бахчисарая в Белоруссию (Речь Посполитую). В 1871 г. Ефим Крымский как учитель был переведен из Литвы на Волынь, где и родился его сын Агафангел Крымский. В своих письмах А. Е. Крымский отмечал, что сохранившиеся через несколько поколений характерные восточные черты лица и у отца,

и у него не давали ему забыть свои корни. Для А. Е. Крымского тюркология стала приоритетным направлением, наряду с арабистическими и иранистическими исследованиями.

Следующая особенность тюркологических исследований А. Е. Крымского была связана с тем, что его работы начинались как пособия для студентов Лазаревского института восточных языков (1898–1918), и многие его тюркологические работы сохранились в рукописи. Это «Грамматика турецкого языка», хранящаяся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Он не раз обращался к подготовленному тексту, все больше совершенствуя его (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. I, д. 25306). «Научно-практический курс турецкого языка» состоит из шести рукописных тетрадей на украинском языке (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. I, д. 25333). В начале 1920-х гг. А. Е. Крымский готовил свой курс турецкого языка для преподавания украинским студентам. Эти рукописи интересны тем, что, излагая материал, он начал формировать украинскую научную терминологию (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. I, д. 25320). Также можно обратить внимание на другие его интересные рукописные материалы по тюркологии (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. I, д. 25336; Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. I, д. 25299, д. 25338).

Истоки его фундаментального исследования «История Турции и ее литературы» также связаны с лекциями для студентов. Вначале А. Е. Крымский издал вторую часть работы – «От расцвета до начала упадка» (Крымский, 1910), а следом вышла первая часть – «От возникновения до начала расцвета»⁸.

Основное внимание к оригинальным источникам и различным отечественным и зарубежным работам – характерная черта также тюркологических исследований А. Е. Крымского. В своих исследованиях он опирается как на восточные, так и славянские и западноевропейские источники. После переезда в Киев в 1918 г. А. Е. Крымский принимал активное участие в создании Украинской Академии наук. Современники отмечали, что именно благодаря его усилиям удалось сохранить и развить национальную академию.

Следует особо выделить новый этап его востоковедческих, в том числе тюркологических, исследований.

С полным правом А. Е. Крымский считается одним из последних «могикан» классической мировой ориенталистики рубежа XIX – начала XX в., выдающимся представителем российской и украинской школ востоковедения. Кроме того, он является основоположником советской школы востоковедения, прежде всего, арабистики, иранистики, тюркологии и славистики в СССР в 1920–1930-е гг.

В 1924 г. была опубликована «История Турции с 13 рисунками, взятыми по большей мере из старопечатных изданий XVI–XVIII вв.» на украинском языке. В 1926–1927 гг. издаются (также на украинском языке) работы «Вступление к «Истории Турции», «История Турции и ее писательства», «Из истории турецкого писательства XVI в.» и др.

В 1934–1935 гг. А. Е. Крымский готовился написать большую работу по истории новоосманской литературы до современности, с анализом причин упадка турецкой литературы. Полная рукопись не сохранилась. В Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского находится текст «Новоосманская литература» – представляет 12 листов машинописи на русском языке и 13 листов рукописного текста на украинском языке. А. Е. Крымский отмечает, что в XIX в. в турецкой литературе было заметно европейское влияние. Он анализирует произведения Ахмеда Вefик-паши, Шинаси, Намыка Кемальбея, Абдульхака Хамида, Махмуда Экрема, Ахмеда Мидхата и других известных писателей (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. I, д. 25334).

К 1930-м гг. относятся публикации А. Е. Крымского, посвященные литературам и языкам тюркоязычных народов СССР. Личный интерес тюрколога к этому направлению прослеживается в архивных фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. I, д. 26674).

Данное направление научных интересов А. Е. Крымского было предопределено политическими и культурными процессами, происходившими в советских тюркоязычных областях и республиках. В своем письме от 20 августа 1929 г. к И. Ю. Крачковскому он писал: «Когда в начале 1920-х гг. восстановились сношения, по

крайней мере, между областями СССР, я просто в силу нравственной потребности принужден был обратить значительную силу своей энергии на мир тюркский, с которым можно было иметь общение»⁹.

Обзор некоторых из неопубликованных исследований академика А.Е. Крымского по тюркологии, хранящихся в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, свидетельствуют, что в основном это небольшие по объему статьи, написанные в 1930-х гг. В них ученый подробно разбирает историю становления, развития и современное состояние литератур тюркских народов СССР и Турции. Поводом для их написания послужила необходимость помочь молодым советским тюркоязычным республикам, не имевшим еще достаточного количества подготовленных научных кадров, способных провести такие исследования самостоятельно. И то, что они написаны много лет назад, не уменьшает их актуальности, работы академика А.Е. Крымского всегда отличались эрудицией, глубиной знаний, использованием широчайшей базы восточных источников и разноязычной литературы¹⁰.

Освещая историю российской и украинской тюркологии и особенно тюркологическое наследие Агафангела Крымского, не перестаешь удивляться многообразию его интересов. Сегодня многие из его работ стали библиографической редкостью. К великому сожалению, имя выдающегося востоковеда долгие годы было под запретом. В вышедшем в Киеве к 100-летию выдающегося тюрколога пятитомнике были напечатаны и его тюркологические труды. В 1996 г. опубликована «История Турции» на украинском языке по изданию 1924 г.

Исследование научного наследия А.Е. Крымского, неотъемлемой и важной частью которого является тюркология, продолжается. Важно в перспективе напечатать все его неизданные работы. На современном этапе развития мировой тюркологии его наследие имеет историко-научное, историографическое и культурное значение. Особенно на современном этапе творчество А.Е. Крымского имеет огромное значение для развития политических и культурных связей народов России и Украины.

Профессор и академик национальной академии наук Украины А.Е. Крымский остается одним из последних «могикан» классической мировой ориенталистики рубежа XIX – начала XX в., выдающимся представителем российской и украинской школ востоковедения. Кроме

того, он является основоположником советской школы востоковедения, в особенности арабистики, иранистики и тюркологии в СССР в 1920–1930 гг. В одном из своих писем академику И.Ю. Крачковскому (8 декабря 1937 г.), сравнивая сессии арабистов 1935 и 1937 гг., он писал: «Тогда – был один сплошной праздник арабистики, задумчиво сопровождаемый и Вашим юбилеем. Теперь... – конечно, и теперь сохранилось отрадное впечатление, что, несмотря на все препоны, поставляемые арабистике в течение 20 лет. Она все же не умерла, а напротив, кое в чем даже процвела. Смотр научных сил оказался внушительный»¹¹.

Эпистолярное наследие отечественных востоковедов XIX – начала XX в. представляет бесценный источник по исследованию истории востоковедения в России, Украине и Европе. Особенно письма интересны в осмыслении судеб, научных поисков и достижений и в целом духовного опыта российских и украинских ориенталистов в переломный и драматичный период современной истории славянских народов и российско-украинских политических, культурных и научных связей.

В отечественной и зарубежной историографии и источниковедении истории российского востоковедения сформировалась традиция изучения и введения в научный оборот эпистолярного наследия востоковедов России и Европы. Эти уникальные источники позволяют по новому оценить социальные и социально-психологические условия и факторы жизни и творчества известных и забытых ученых и преподавателей основных центров востоковедения в России и Европе.

И.М. Смилянская в связи с публикацией переписки двух академиков в 1923–1940 гг. отмечала, что «бесценным источником для изучения духовного опыта, логики творческого процесса, научных принципов, атмосферы научной и общественной жизни востоковедов в первые советские десятилетия является переписка А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского...»¹².

Для авторов данной статьи в перспективе особое значение имеют поиск, подготовка и издание эпистолярного наследия А.Е. Крымского, в частности, его переписки с российскими востоковедами XIX – начала XX в.: В.Р. Розеном, В.В. Бартольдом, П.К. Коковцевом, Ф.Е. Коршом, В.А. Жуковским, В.Ф. Минорским и другими известными деятелям отечественной науки и культуры (А.А. Шахматов, В.П. Бузескул и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Базиянц, А. П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. – М., 1973; *Бартольд, В. В.* История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. – Л., 1925; *Данциг, Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе: Дооктябрьский период. – М., 1973; Его же. Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.). – М., 1968; Его же. Русские путешественники на Ближнем Востоке. – М., 1965; Долинина А. Невольник долга. – СПб., 1994; История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. – М., 1997; *Кононов, А. Н.* Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / под ред. и с введ. А. Н. Кононова. – М., 1974; *Крачковский, И. Ю.* Избранные сочинения. Т. V. Очерки по истории русской арбистики. – М.-Л., 1958; *Гурницкий, К. И.* Агафангел Ефимович Крымский. – М., 1980; *Крымский, А. Ю.* Вибрані сходознавчі праці: в 5 т. Т. I. Арабистика. К., 2007; *Крымский, А. Ю.* Вибрані сходознавчі праці: в 5 т. Т. IV. Иранистика. К., 2008; *Крымский, А. Ю.* Вибрані сходознавчі праці: в 5 т. Т. V. Иранистика. К., 2010.
2. *Крымский, А. Е.* Из истории Турции (От основания государства до XVI века). Конспект лекций. – М., 1909; *Крымский, А. Е.* История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка. – М., 1910 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским ин-том восточных языков, вып. 29, № 1); *Крымский, А. Е.* История Турции // Царьград / под ред. И. Лазаревского. – М., 1915. – С. 3–34; *Крымский, А. Е.* История Турции и ее литературы. Т. 1. – М., 1916 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским ин-том восточных языков, вып. 28-а).
3. Ред.: *Ашмарин, Н.* Очерк литературной деятельности казанских татар мохаммедан. За 1880 – 1895 гг. – М., 1901. IV (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским ин-том восточных языков, вып. 4).
4. *Крымский, А. Е.* Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Щеки // Памяти акад. Н. Я. Мара (1864 – 1934). – М.-Л., 1938. – С. 369–384.
5. *Васильюк, О. Д.* Агафангел Крымский та “Энциклопедический словарь” Брокгауза-Ефрона // Агафангел Крымский. Нариси життя і творчости. – Киев, 2006. – С. 435–442.
6. Из турецких народных песен // Народ. 1890. № 8. – С. 282–284; Турецкие народные песни. Муз. тексты с пер. и объяснениями Б. Миллера, доп. введением А. Крымского. – М., 1903 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским ин-том восточных языков, вып. 17); Нігар-Ханум. Стінний календар (3 циклу: «В неволі») // Літ.-наук. Вісник. 1904. Т. 26. кн. 4. – С. 1; Сообщение о турецкой грамоте султана Махмуда II из собственной коллекции А. Ю. Крымского. Протокол № 97 // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Московского археологического общества. – 1907. – № 10. – С. 11; 3 народных пісень. 1–17. 8 июля 1890 р. Звенигорода на Київщині // Крымский А. Пальмове гілля. Ч. 2. – М., 1908. – С. 17–30; Мігрі-хатуна. Літо. Вона («Милий! – кажу: се ж не першая стріча») // Літ.-наук. вісник. 1912. Т. 60. кн. 11. – С. 194 и др.
7. *Крымский, А. Ю.* Вибрані сходознавчі праці: в 5 т. Т. II. Тюркология. К., 2007; *Крымский, А. Ю.* Вибрані сходознавчі праці: в 5 т. Т. III. Тюркология. – К., 2007.
8. *Крымский, А.* История Турции и ее литературы (от возникновения до начала расцвета). – М., 1916; *Крымский, А.* История Турции и ее литературы. От расцвета до начала упадка. – М., 1910.
9. Переписка академиков А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920–1930-х годов. Публикация И. М. Смилянкой // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. – М., 1997. – С. 204.
10. Подробнее см.: *Васильюк, О. Д.* Неизвестные работы Агафангела Крымского по тюркологии в фондах ИР НБУВ // Східний світ. 2013. № 4. – С. 84–92. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/SkhS_2013_4_9; *Васильюк, О. Д.* Особисті папери Агафангела Крымського у фондах Інституту рукопису НБУВ // Рукописна та книжкова спадщина України. 2013. вип. 17. – С. 80–95; *Клименко, І. В.* Агафангел Юхимович Крымський // Особові архівні фонди Інституту рукопису. Путівник. – К., 2002. – С. 276–282; *Матвеева, Л. В., Черников, І. Ф.* Про тюркологічну спадщину академіка Агафангела Крымського // *Крымский, А. Ю.* Вибрані сходознавчі праці: в 5 т. Т. II. Тюркология. – К., 2007. – С. 5–26; *Черников, І. Ф.* Об исследованиях А. Е. Крымского по тюркологии: 20-е годы // – Восток. – 1992. – № 1. – С. 104–112 и др.
11. Переписка академиков А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920–1930-х годов. Публ. И. М. Смилянкой // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. – М., 1997. – С. 277.
12. Там же. – С. 7.

Д. Е. Мартынов, Р. М. Валеев, Ю. А. Мартынова

ХАКАССКИЕ ДНЕВНИКИ Н. Ф. КАТАНОВА 1890–1891 гг.: СТРУКТУРЫ, СЮЖЕТЫ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье приводится характеристика материалов, включенных в дневники Н. Ф. Катанова во время фольклорно-этнографических поездок к тофаларам и хакасам зимой – весной 1890 г. При этом дневник поездки к тофаларам был оперативно опубликован Русским географическим обществом в 1891 г. Фольклорные материалы неоднократно публиковались, тогда как комплексное сопоставление дневников проводится впервые. Авторами проанализированы структуры, сюжеты и содержательные особенности дневников. Н. Ф. Катанов был командирован

в Восточную Сибирь с целью «исследовать остатки тюркских племен», поэтому в дневниках много места занимает статистическая информация, в том числе по численности семей, рождаемости и смертности. Важнейшим выводом стал тот, что о вымирании тюркских народов Сибири не может идти и речи. Материалы статьи могут быть полезными для изучения истории мировой тюркологии.

Ключевые слова: тюркология, Н. Ф. Катанов, история науки, хакасы, Восточная Сибирь.

D. E. Martynov, R. M. Valeev, Yu. A. Martynov

N. F. KATANOV KHAKASS DIARIES 1890–1891: STRUCTURES, PLOTS AND CONTENT FEATURES

The article describes the characteristics of the materials included in N. F. Katanov's. Katanov in the winter – spring of 1890 became folklore and ethnographic expedition to the Tofalars and Khakas. At the same time, the Russian Geographical Society promptly published the diary Tofalars route in 1891. Folklore materials were repeatedly published, while a complex comparison of the diaries was conducted for the first time. The authors analyzed the structures, plots and content of diaries. N. F.

Katanov was sent to Eastern Siberia to «investigate the remnants of the Turkic tribes», so in the diaries a lot of space is occupied by statistical information, including the number of families, births and deaths. The most important conclusion was that the death of the Turkic peoples of Siberia could not be out of the question. The materials of the article can be useful for studying the history of world Turkology.

Key words: Turkology, N. F. Katanov, History of science, Khakass, Eastern Siberia.

В 1889–1892 гг. Н. Ф. Катанов, как известно, был командирован Русским географическим обществом и Санкт-Петербургским университетом с целью изучения «остатков тюркских племен» в Восточную Сибирь, Монголию, Семиречье и Китайский Туркестан. Его путешествия, совершаемые в одиночку или с небольшой группой сотрудников, охватили колоссальную территорию от Красноярска, Абакана и Минусинска до Тувы, Тарбагатая, Семиречья и Турфанского и Хамийского оазисов на территории Синьцзяна. По значимости общегеографических, лингвистических и историко-культурных материалов экспедиция Н. Ф. Катанова стоит в ряду великих путешествий в Среднюю Азию, Сибирь, Монголию и Восточный Туркестан, осуществленных во второй половине XIX – начале XX в.¹

Помимо исследования тувинского, казахского, сартского, киргизского и уйгурского языка и фольклора, Н. Ф. Катанов активно занимался

исследованием этнографии, языка и устной литературы своего родного хакасского народа; более того, дневник «Поездка к карагасам в 1890 г.» (с 10 февраля по 21 марта) оказался вообще единственным дневниковым материалом его научной экспедиции, который был оперативно опубликован². Поездка для фиксации языкового и фольклорного материала бельтиров, сагайцев и качинцев была совершена с 10 мая по 11 июня 1890 г., ее материалы были включены в общий дневник «Путешествия по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану», подготовленному автором к печати, но опубликованному только нашим авторским коллективом в 2017 г.³ Самим Н. Ф. Катановым упоминался также дневник 1889 г., но о его местонахождении ничего не известно⁴.

Введение в научный оборот именно дневникового наследия Н. Ф. Катанова представляется значимым по ряду факторов⁵. В 1907 г. В. В. Радловым в серии «Образцы народной

литературы тюркских племен» были опубликованы в комплексе хакасские и тувинские фольклорные материалы, объем которых кажется невероятным: 1122 песни, 160 загадок, 15 сказок, 35 мифов. Эти материалы в извлечениях и разных комбинациях неоднократно издавались и переиздавались начиная с 1963 г., причем А.В. Преловский в 2003 г. даже выпустил ряд поэтических переложений подстрочников, зафиксированных Н.Ф. Катановым⁶. Однако непреходящей ценностью должен считаться именно первоисточник – фиксация фольклора и языка в контексте и живой среде. Дневники Н.Ф. Катанова являются огромной комплексной энциклопедией многих тюркских народов – в первую очередь хакасов, тувинцев, уйгуров, казахов, киргизах и пр.

Первая часть научной командировки Н.Ф. Катанова выглядела следующим образом: 19 января 1889 г., отправившись из Петербурга, ученый прибыл в Красноярск, откуда последовал в Минусинск и свое родное село Аскиз. 7 марта 1889 г. из Минусинска он отправился в Туву, бывшую тогда частью Цинской империи, где пробыл до 27 августа. Подытоживая результаты своего путешествия, он с гордостью писал В.В. Радлову, что проделал более 700 верст пути, совершив 14 станций для сбора материалов. До декабря 1889 г. он обрабатывал тувинские материалы, параллельно занимаясь сбором фольклорной информации у соотечественников⁷. 28 января 1890 г. Н.Ф. Катанов отправился из Минусинска в Восточные Саяны: основной его путь пролегал через Канский округ (верховья р. Агул) в направлении Нижнеудинска⁸. Уже 18 февраля он сообщал В.В. Радлову, что успел выяснить названия карагасских кланов («костей»-сеоков), названия рек и речек, предания, зафиксировал ритуалы рождения, свадьбы и похорон, обряды посвящения коней и оленей духам воды и гор, шаманские практики⁹. Работа Н.Ф. Катанова чрезвычайно облегчалась его полиглотством: владея в совершенстве множеством тюркских языков, он легко осваивался в новых местах и не вызывал подозрений ни у местных жителей, ни у представителей властей.

При работе с дневниковыми материалами весьма простым и эффективным методом является составление сводок основных мотивов и сюжетов, расположенных в хронологической последовательности в порядке появления. Такой метод был с успехом применен А.К. Кужугет при исследовании тувинского дневника 1889 г.¹⁰ и нами применительно к дневнику летней поездки в Синыцзян 1890 г.¹¹ Последуем ему для

рассмотрения содержания дневников поездки к карагасам и бельтирам, сагайцам и качинцам.

Дневник поездки к карагасам (тофаларам) имеет обычную для Н.Ф. Катанова форму, совмещающую собственно ежедневные записи, научный отчет и расходную книжку. Сообщаемая информация всякий раз сопровождается ссылками на информантов, которые имели самый разный статус («писарь Уярской почтовой станции» или «поляк Чопковский, сосланный из Седлецкой губернии за восстание»)¹². Отсутствие языкового барьера было особо отмечено автором: «Благодаря... знанию урянхайского наречия я в два дня настолько освоился с особенностями карагасского наречия, что на третий день мог уже вести точные лингвистические записи на карагасском наречии без переводчика»¹³. Со своими информантами, как обычно, Н.Ф. Катанов расплачивался. В частности, для работы в среде карагасов были закуплены кирпичный чай, махорка и пр.¹⁴ Сюжеты, затронутые в дневнике, таковы:

1. Статистико-географическая информация (включая названия рек и кланов-сеоков) по личным впечатлениям и рассказам местных жителей 2, 4, 6, 11, 12, 13, 21, 22 февраля, 6–9, 11, 14, 19, 26 марта 1890.

2. Земледелие в Саянах. Торговля водкой – 7, 9 февраля 1890.

3. Сбор фольклорных текстов – 10, 19, 21, 22, 23, 24, 25 февраля; 2, 4, 6, 9, 16, 19, 20 марта 1890.

4. Шаманские обряды и молитвы, ритуалы жертвоприношений, свадьбы и похорон, заговаривание ран и т.п. – 12, 16, 17, 22, 23 февраля, 2, 9, 16 марта 1890.

5. Семейные отношения и ритуалы; терминология родства – 16, 17, 18 февраля 1890.

6. Сексуальные обычаи: добрачные отношения, многоженство и многомужество, матери-одиночки и т.п. – 17, 18 февраля 1890.

7. Пища, алкоголь и табакокурение – 17 февраля 1890.

8. Календарь, названия месяцев – 18 февраля 1890.

9. Описание кисета для табака (с рисунком) – 18 февраля 1890.

10. Подати с племени карагасов – 22 февраля 1890.

11. Домашние животные: собаки, олени – 24, 25 февраля 1890.

12. Толкование сновидений – 25 февраля 1890.

13. Статистические сведения по карагасам, подведомственным нижнеудинскому исправ-

нику за 1882–1888 гг. (информатор – исправник, граф В. П. Букгевден) – 17 марта 1890.

14. Рассказ о сотворении мира – 21 марта 1890.

15. Статистические сведения о камасинцах (информатор – помощник канского исправника, К. В. Сергеев). Сведения приведены по состоянию на 10–20 марта 1890 г. – 26 марта 1890.

Одной из важнейших целей, поставленных перед Н. Ф. Катановым, было выяснение динамики рождаемости и смертности тюркских народов Восточной Сибири. В этой связи примечательно, что при редактировании дневника (он датирован 1 мая) Н. Ф. Катанов не стал убирать из предисловия данные, которые он опроверг в полевых условиях: «По собранным нами частным и официальным сведениям, оба племени, к которым мы совершили поездку, надо отнести к вымирающим племенам Сибири»¹⁵. По результатам поездки в Саяны были получены весьма подробные и многообразные сведения. 26 марта 1890 г. в дневнике был записан категорический вывод: «...цифры не показывают вымирания, так как татары (т. е. хакасы – Д.М., Ю.М., Р.В.) перечисляются часто в крестьянское сословие. Из таких перечислившихся инородцев образовалось много деревень по всей губернии»¹⁶.

Последующие дневниковые записи оформлялись автором как непосредственное продолжение предыдущих: «Окончив переписку и отправку в С.-Петербург материалов, собранных во время

путешествия к тюркскому племени карагасов, я отправился... вверх по реке Аабкану, чтобы продолжить исследования качинского, сагайского и бельтирского наречий»¹⁷. Сюжеты в этой части дневника таковы (из-за объемности прозаических текстов имеет смысл более глубоко членить их в содержательном отношении):

1. Сбор поэтических и прозаических фольклорных текстов (с подробным описанием положения и происхождения информанта) – 10, 14, 16 мая, 1, 2, 5, 8, 9 июня 1890.

2. Шаманские тексты – 14, 31 мая, 1 июня 1890.

3. Шаманские обряды врачевания – 1 июня 1890.

4. Предания качинцев о происхождении и заселении их края – 1, 8 июня 1890.

5. Предание об Эрлик-хане – 1 июня 1890.

Как видим, находясь в родных местах Н. Ф. Катанов сосредоточился почти исключительно на фольклорных текстах (поэтических, в том числе шаманских и любовно-эротических; а также прозаических самого разнообразного содержания, в том числе эпического и космогонического). В этом отношении включение материалов в большой дневник путешествия в Саяны является совершенно оправданным, хотя эти тексты в тематическом и стилистическом отношении чрезвычайно отличаются от последующих записей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии / Науч. и отв. ред.: Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова. – Казань–Абакан, 2009. – С. 32–33.
2. Катанов, Н. Ф. Поездка к карагасам в 1890 году // Записки русского географического общества. 1891. – Т. XVI. Вып. 2.: Отд. оттиск.
3. Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н. Ф. Катановым / отв. и науч. ред.: Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова, Д. Е. Мартынов. Введение Р. М. Валеева, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой и В. Н. Тугужековой. Подг. к изд., сост., комментарии, указатели Д. А. Данькиной, Р. М. Валеева, Р. З. Валеевой, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой, Ф. Г. Миниханова, М. С. Минеевой, В. Н. Тугужековой. Вступ. статьи А. М. Сибатуллина, И. Г. Смолиной, И. Р. Гафурова. – Казань, 2017.
4. Там же. – С. 46.
5. Мартынов, Д. Е., Мартынова, Ю. А. Методы полевой работы в дневниковом наследии востоковедов последней трети XIX в. (на материале Н. Н. Миклухо-Маклая и Н. Ф. Катанова) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 6. – С. 1495–1509.
6. Фольклор саянских тюрков XIX века. Из собрания Н. Ф. Катанова / Сост., переводы, стихотв. перелож, лит. обраб., заключит статья и коммент. А. В. Преловского. В 2 т. – М., 2003.
7. Письма из Сибири и Восточного Туркестана / Пред. В. В. Радлова // Записки Имп. Императорской Академии наук. 1893. Т. XXIII. – С. 7–8, 18.
8. Там же. – С. 26.
9. Там же.
10. Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. – Абакан, 2011. – С. 4–6.
11. Катанов, Н. Ф. Поездка к карагасам... – С. 1505–1506.
12. Там же. – С. 3.
13. Там же. – С. 7.
14. Там же.
15. Там же. – С. 1.
16. Там же. – С. 95.
17. Наследие российской тюркологии... – С. 35.

KHAKASSIA AND INDIA: HISTORICAL CULTURAL LINKAGES

India and Eurasia have had close social and cultural linkages, as Buddhism spread from India to Central Asia, Mongolia, Buryatia and far wide. Buddhism provides a direct link between India and the people of Siberia (Buryatia, Chita, Irkutsk, Tuva, Altai, Urals etc.) who have distinctive historico-cultural similarities with the Indian Himalayas particularly due to common traditions and Buddhist culture. Revival of Buddhism in Siberia is of great importance to India in terms of restoring and reinvigorating the lost linkages. This paper reflects upon this author's experiences of travels in Khakassia bringing to light certain commonalities of traditions and beliefs still prevalent in this Siberian region and India.

There is wide scope for developing economic and cultural interaction between Eurasia and India, as the two regions maintained cultural contacts since ancient times. Archaeological evidence supports the concept of unity of the Eurasian region and the link of Russia and Central Asian states with India into a complex of cross-cultural bindings. Indian Vedas, Shamanism and Tengrianism of Eurasia have so many commonalities. One can find traces of ancient Vedic doctrines in the traditional rituals and practices of the Siberian people even today.

Covering an area of 61,900 sq. kms. in eastern part of Siberia, the Republic of Khakassia of the Russian Federation is situated in the valleys of the Abakan and Yenisei rivers. Besides occupying the Minusinsk Basin, it also occupies part of the Chulym-Yenisei Valley. Khakassia has its borders touching Krasnoyarsk Territory in the north and east, Republics of Tuva and Altai in the south and southwest and Kemerovskaya Oblast in the west. Khakassia is known as the 'archaeological Mecca' due to it being a repository of archaeological sites and rich historical and cultural heritage. From ancient times, Khakassia maintained trade and cultural relations with Russia, Mongolia, China, Tibet and Central Asia.

Khakass people rever mountains, lakes, beruza (birch) and pine trees. On the outskirts of Abakan, a small museum housed in a yurt has a big ancient stone locally known as Old Mother Stone, which has a mark of third eye and trident. This stone is venerated by Khakas people, particularly the women who come to seek its blessings for bearing children. Several dolls, milk etc offered to the stone. Believed to be over 2,000 years old, there are three segments visible on the stone denoting three worlds – sky,

earth and below the earth. About 30 to 40 per cent of Khakas people still follow/practice Shamanism. This author witnessed the performance of a Shamanist ritual in Abakan (in August 2009). Khakas shamans (both male and female) who were dressed for that occasion in flowing robes laced with threads and bird feathers, were dancing/going around a fire citing verses/rhymes and softly beating their drum. Some Khakas participants even put some flour in the fire. Small bands of cloth (red, blue and white) were tied to a big beruza tree. Beruza is held sacred in Siberia, in the same way as is done in India. Smoke of incense burnt in a bowl is waved/touched by the people, a practice common in India.

On a visit to Kazanovka village open air museum, one found so many rock carvings. Victorina, Director of this museum pointed to a hill top near the bank of Askis river, that about a century ago had a big stone. People used to visit this place in large numbers believing that this stone had healing powers. There was a cave under the stone having two small stones. This stone was stated to have been destroyed during Khrushchev's time as idol worship was anathema to the Soviet communist ideology. It is believed that Magnashev family, whose family deity was this hill top stone, killed themselves after the destruction of this stone. In Khakassia, as in parts of Indian Himalayas, each clan has its own family/clan deity/stone, which is revered by them. Victorina also took us to one semi-white stone lying in a big steppe land which is believed to have healing powers. This author saw a number of men and women coming in their cars to seek blessings of the stone. They removed their shoes and went around three times and hugged this stone offering money at its feet. Victorina explained that the stone, believed to be over 2,000 years old, has three eyes which have become somewhat invisible due to vagaries of nature over this long period of time.

In view of the foregoing there is need for collaborative research to study in depth various aspects of ancient history, culture, race movements and archeological remains in India and Khakassia, to unravel the common roots/sources of Indic and Siberian cultures. That the concept of three worlds, third eye and trident are embedded in ancient stones of over 2,000 years old and which were and continue to be revered in Khakassia, Altai and Tuva., has direct resemblance to the tradition and cosmic philosophy prevalent in India even today. Similarly the practice of treating lakes, springs, mountains,

beruza trees sacred in Eurasia is quite similar to the Indian tradition and practice. Siberia is a corridor through which cultural and civilisational interaction

can be reinforced to form a cultural axis between India and Russia.

Mother Stone near Abakan, Khakassia

People pay reverence at the stone near Abakan, Khakassia, Russia

Ruins of an ancient fire place in Khakassia

Khakass people tying ribbons to Beruza tree in Abakan

В. К. Чертыков

Н.Я. БИЧУРИН И ЕГО СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ХАКАСОВ-КЫРГЫЗОВ

В статье рассматривается научная биография выдающегося востоковеда-синолога Н.Я. Бичурина (1777–1853), анализируются его труды, в которых прослеживается политическая история хакасов-кыргызов.

Ключевые слова: Иакинф Бичурин, 9-я духовная миссия в Пекине, переводы китайских летописей, хакасы-кыргызы, хунны, тюрки, уйгуры, Южная Сибирь.

V. K. Chertykov

N.Y. BICHURIN AND HIS OBSERVATION ABOUT THE HISTORY OF KHAKAS AND KYRGYS PEOPLES

A scientific biography of the famous orientalist and sinologist N.Y. Bichurin (1777–1853) is considered in this article. His publications related to the political history of the Khakas-Kyrgys are analyzed.

Key words: Iakinf Bichurin, the 9th ecclesiastical mission in Beijing, translations of Chinese annals, the Khakas, the Huns, the Turks, the Uigurs, Southern Siberia.

Сибирское источниковедение обогатилось благодаря трудам выдающегося востоковеда-синолога Н.Я. Бичурина, основанных на пере-

воде китайских летописей. Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853), родом чуваш, из с. Бичурин Свяжского уезда Казанской губернии (ныне

с. Акулево, в Чувашии), был сыном причетника (дьячка). Он окончил Казанскую духовную семинарию (где получил фамилию Бичурин, по селу, в котором родился). По окончании семинарии Бичурин убедил принять сан священника, и в 1800 г. он получил место учителя красноречия в преобразованной в академию той же Казанской семинарии, где учился сам. В 1802 г. он принял монашество (под именем Иакинф) и был назначен архимандритом в Иркутский Вознесенский монастырь и там же определен ректором семинарии. За свои отнюдь не монашеские прегрешения он был сослан в Тобольский монастырь преподавателем риторики в семинарии. В 1807 г. его назначают начальником 9-го состава духовной миссии в Пекине¹.

Миссия выехала из Иркутска 18 июля 1807 г., в сентябре того же года пересекла русско-китайскую границу в Кяхте, далее проследовала через Ургу (Улан-Батор) и 10 января 1808 г. прибыла в Пекин. С момента отъезда из Иркутска Бичурин вел дневник своего путешествия и начал собирать сведения о Китае и его народах. В Пекине Н. Я. Бичурин активно и последовательно изучал Китай: его язык, историю, географию, культуру (в этот период своей жизни он составил все свои основные труды и переводы, впоследствии изданные в России). Он недобросовестно исполнял свои прямые церковно-богослужебные и миссионерские обязанности. 9-я миссия в 1812 г. оказалась в критическом финансовом положении. Денежное содержание миссии, которое обыкновенно высылалось один раз на 5 лет, не было выслано в 1812 г. Содержать миссию на средства цинского правительства, которое отпускало на миссию в год 855,5 руб. сер. (в переводе на русскую денежную систему), не представлялось возможным. Поэтому Иакинф Бичурин занимал деньги у китайских ростовщиков под высокие проценты; дело даже дошло до заклада церковной утвари. Архимандрит Иакинф выехал из Пекина со всем составом 9-й миссии 15 мая 1822 г., проведя в Пекине вместо положенных десяти лет 14 лет и 4 месяца. В Россию он вывез множество книг на китайском и маньчжурском языках, а также рукописи своих трудов (их вес достигал 400 пудов, и везли их на 15 верблюдах)².

Преемник Иакинфа, глава 10-й миссии архимандрит Петр (Каменский) (1765–1845) провел ревизию его деятельности. По результатам ревизии и по жалобам студентов 9-й миссии Бичурин был предан церковному суду. За «небрежение священнодействием и законопротивные поступки»³ он был лишен сана и сослан в

пожизненную ссылку в Валаамский монастырь, бывший тогда тюрьмой для осужденных за различные религиозные преступления.

В монастыре Иакинф провел 3 года и 2 месяца, занимаясь переводами и обработкой собранных в Китае материалов. В 1826 г. Валаамский монастырь посетил барон Павел Львович Шиллинг фон Канштадт (1786–1837), который заметил в одной келье монаха, который что-то усердно писал. Барон заинтересовался им и узнал историю монаха Иакинфа. Вместе с известным китаеведом Е.Ф. Тимковским (1790–1875) он ходатайствовал об освобождении Иакинфа из заточения. По докладу министра иностранных дел К. В. Нессельроде Николай I велел причислить монаха Иакинфа (Бичурин) к Азиатскому департаменту министерства для перевода официальных бумаг, поступавших из китайской столицы. Ему велели переехать в Петербург и поселиться в Александро-Невской лавре. От Азиатского департамента ему выплачивалось ежегодное жалованье в размере 1200 руб. и, кроме того, выдавалось 300 руб. на учебные пособия⁴.

В 1828–1851 гг. Иакинф Бичурин опубликовал большое количество научных работ (его перу принадлежит свыше 100 исследований и переводов). Большинство из них были основаны на китайских исторических источниках, некоторые представляли собой переводы или извлечение из них⁵. При написании научных трудов ему пригодились познания в латинском, греческом и французском языках, полученные им в Казанской семинарии.

Первая же книга Н. Я. Бичурин «Записки о Монголии» (СПб., 1828) сделала его имя известным в мировой синологии – автор был избран членом-корреспондентом Академии наук в Петербурге. Тогда же им был опубликован перевод с китайского языка сочинения Лу Хуачжу «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (СПб., 1828), снабженный его подробными комментариями. В 1831 г. становится членом Азиатского общества в Париже.

Сохранился словесный портрет Н. Я. Бичурин, оставленный его биографом Николаем Семеновичем Щукиным (1792–1883), близко знавшим его: «О. Иакинф был роста выше среднего, сухощав, в лице у него было что-то азиатское: борода редкая, клином, волосы темно-русые, глаза карие, щеки впалые и скулы немного выдававшиеся. Говорил казанским наречием на «о»; характер имел немного вспыльчивый и скрытный. Неприступен был во время занятий: беда тому, кто приходил к нему в то время, когда

он располагал чем-нибудь заняться. Трудолюбие доходило в нем до такой степени, что беседу считал убитым временем. Лет 60-ти принялся за турецкий язык, но оставил потому, что сперва должно знать разговорный язык, а потом приниматься за письменный. Так, по крайней мере, он говорил. Любил общество и нередко ночи просиживал за картами, единственно потому, что игра занимала его. Долговременное пребывание за границей отучило его от соблюдения монастырских правил, да и монахом сделался он из видов, а не по призванию»⁶.

После смерти своего двоюродного брата (по матери) А.В. Карсунского (1779–1827) Бичурин хотел жениться на его вдове, Татьяне Лаврентьевне, с которой был знаком с самой юности. В 1830 г. он подавал в Синод прошение о сложении с себя монашеского сана в связи с невозможностью исполнять монашеские обеты. Синод согласился с его просьбой, но это решение так и не было утверждено Николаем I.

В 1830-е гг. Бичурин совершил две поездки в Кяхту. Первую поездку (вместе с бароном П.Л. Шиллингом) он предпринял по заданию Азиатского департамента Министерства иностранных дел в 1830–1831 гг. для составления (с помощью монгольского толмача) монголо-китайского словаря; вторую – в 1835–1837 гг. для открытия там училища китайского языка, для которого им была написана грамматика китайского языка. В последние годы жизни он часто болел. За пять лет до своей смерти, в 1848 г., Н.Я. Бичурин передал Казанской духовной академии значительную часть своей библиотеки, в том числе рукописи и карты.

Его основные работы посвящены истории и этнографии тюркских и монгольских народов Центральной Азии (по китайским источникам, отредактированным иезуитами), а также истории, культуре и философии Китая. Он первым из ученых широко использовал тексты древнекитайских летописей при изучении вопросов этногенеза и политической истории народов Южной Сибири. Труды Н.Я. Бичурина трижды отмечались одной из высших наград Российской академии наук – Демидовской премией за лучшие научные труды (1834, 1839, 1851).

Бичурин пришел к правильному выводу, что непрерывная смена названий центральноазиатских племен, отраженная в хрониках, есть лишь видимость, что сменялись только названия правящих родов, имена династий, народ же оставался, по существу, одним и тем же. Так, киргизов в разные периоды именовали по-разному: «гяньгуни», «гйегу», «хаканьсы», «хагас».

Северные хунны, потерпев поражение от сяньбийцев в 87 г. н.э., впоследствии приняли имя своих победителей: «Оставшиеся роды хуннов, простиравшиеся до 100 000 кибиток, сами приняли народное название сяньби».

Однако он выдвинул ошибочную концепцию о языковой принадлежности племен, населявших Центральную Азию. Он считал, что почти у всех этих народов был один язык – монгольский. Так, к монголоязычным народам им были отнесены тюркоязычные «хойху» (уйгуры), орхонские «тюгу» (тюрки), «хунну» (гунны), жужане и др. Бичурин – страстный поклонник и защитник теории монгольского происхождения всех этих народов. Защите своей теории Бичурин посвятил немало труда, и, по существу, нет такой работы, в которой он не возвращался бы к этому вопросу. В данном вопросе Н.Я. Бичурин уступал в правильности суждений своим современникам – Г.-Ю. Клапроту (1783–1835) и А.К. Казембеку (1802–1870), – установившим, в частности, тюркоязычность хойху-уйгуров⁷. В книге «Записки о Монголии» хакасы-киргызы были отнесены им к тюркам: «Хагасы, покорившие халхаских уйгуров в первой половине IX столетия, вероятно, были турецкого племени...»⁸. Но впоследствии, в работе «Историческое обозрение ойратов или калмыков...», он придерживается уже другого мнения: «Киргизцы по племени также были калмыки»⁹ (т.е. монголоязычные – В. Ч.). «Сибирские казаки (т.е. казахи – В. Ч.) имели дело с одним калмыцким отоком... который назывался киргиз – монгольским словом; а буруты, кочующие от Кашгара на Запад, называются кэргыз – турецким словом. Последние принадлежат к турецкому племени и искони постоянно кочуют на нынешних местах»¹⁰. В данном вопросе положение Бичурина осложнялось тем, что в его время еще не были известны орхонские тексты, расшифрованные только в 1893 г. датским лингвистом Вильгельмом Томсеном (1842–1927). Благодаря расшифровке орхонских и енисейских текстов стало ясно, что хакасы-киргызы, хойху-уйгуры, тюрки-тюгу, хунны были тюркоязычными (тюрки-тюгу являлись отраслью хуннов, соответственно, хунны тоже были тюркоязычными).

Из китайских летописей он приводит следующие сведения о хакасах-киргызах. В результате непрерывных войн хуннскому шаньюю Модэ удалось подчинить все кочевые племена Центральной Азии. В 201 г. до н.э. «на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэзунь (курсив мой – В. Ч.) и Цайли; посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ»

Шаньюю и признавали его мудрым»¹¹. Во время правления шаньюя Цзюйдихэу, в 99 г. до н. э., во время сражения был взят в плен ханьский полководец Ли Лин. «Ли Лин остался у хуннов и получил во владение *Хягас*, где потомки его царствовали почти до времен Чингис-хана. Шаньюю оказал Ли Лин должное уважение и женил его на своей дочери»¹².

В 56 г. до н. э. среди хуннов началась междоусобица. Южных хуннов возглавил Хуханье. Он признал себя вассалом китайского императора. Во главе северных хуннов стал Чжичжышаньюю. Он завоевал *Гяньгунь* и разместил там свою ставку¹³. Столица хягасов, как писал Бичурин, находилась «на южных пределах Енисейской губернии»¹⁴.

Большим достижением хакасов-кыргызов было употребление 12-летнего лунного животного календаря: «Первый месяц в году называют *Маоши ай*. Ай значит месяц. Три месяца составляют четверть года. Годы считаются двенадцатью знаками; напр., год в знаке Инь называют годом тигра»¹⁵. Такой же 12-летний календарь использовали и уйгуры.

После падения хуннов усиливаются жужане. В 401 г. обратилось от пределов Китая на Запад самое сильное и многочисленное поколение жужан, которое покорило своей власти и Халху, и Джунгарию. По западную сторону озера Убсы, на южной подошве Алтая (монгольского – В. Ч.), кочевало небольшое поколение из Дома хуннов, называвшееся дулга (т. е. тюрки-тюгу – В. Ч.). Их обязанность состояла в добывании железа для жужаней. В VI в. дулгасцы начали усиливаться и в 552 г., положив конец владычеству жужан, овладели потом всей Монголией. В 585 г. Дом Дулгаский от внутренних несогласий разделился на два: Восточный и Западный, из которых первый господствовал в Халхе и Южной Монголии, а последний – в Джунгарии. В середине VII в. западные тюрки разделили свои владения на две стороны: Восточную (Чжунгар) и Западную (Барун-гар). Длительные несогласия в Дулгаском Доме, усиливаемые влиянием Китайского кабинета, привели к тому, что власть в стране захватили хойхоры (в 745 г.). С сего времени Дом хойхор сделался

обладателем почти всей Монголии: но через сто лет (848) и его могущество пало. Их разбили хакасы-киргизы. Из обширных уйгурских владений осталась только часть земель, лежащая по обеим сторонам Небесных гор: Баркюль, Урумци и Хур-Хара-усу на северной стороне, Хами, Пичан, Харашар и Куча – на южной. Когда Елюй-даши, основатель Кара-Китайского государства, в 1125 г. шел из Китая на Запад, хойхорский хан Билик-бага с честью принял его и проводил далее на Запад. Затем начинается владычество монголов Чингис-хана¹⁶.

О дальнейшей истории хакасов-кыргызов нет сведений в китайских источниках. Поэтому Бичурин освящает их историю (с XVII в.) по Фишеру. Однако он опровергает мнение Фишера, который в своей «Сибирской истории» писал, что эти самые киргизцы впоследствии перебрались из Сибири к калмыкам, у которых и ныне живут под названием буротов.

Бичурин считал, что переселения хакас-кыргызов не было: «На южных пределах Енисейской губернии, где находилась столица хягасов, и ныне коренные жители суть тюрко-монголы»¹⁷.

После выхода в свет трудов Бичурина историческая наука получила ценные сведения о древней истории народов Центральной Азии. Для Южной Сибири китайские источники в отношении древнего периода являются единственными письменными источниками. Значительна их роль и для раннего средневековья, когда появляются древние орхонские и енисейские тексты. Благодаря китайским текстам вскрываются имена племен, населявших Южную Сибирь в древности, появилась возможность разрабатывать этногенетические проблемы, отчасти воспроизвести политическую историю. Для исторической науки труды Бичурина дали массу неведомого прежде фактического материала по истории народов Тибета, Монголии, Маньчжурии, Восточного Туркестана, Средней Азии и особенно для Южной Сибири. Широко представлены эти тексты в трудах отечественных исследователей, прежде всего С. В. Киселева, Л. П. Потапова, Л. Р. Кызласова и др., которые использовали их при создании истории Южной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российская духовная миссия в Пекине учреждена в 1715 г. по указу Петра I и призвана была поддерживать православие среди поселенных в Пекине русских пленных, захваченных китайцами при взятии крепости Албазин в 1685 г., и их потомков. Правившая в Китае

Цинская династия проводила изоляционистскую политику и не допускала приезда в свою страну жителей других стран, поэтому духовная миссия в течение целого столетия была единственным представительством России в Китае. Для царского правительства она была также и единственным

- источником информации о Китае, через нее же поддерживались все отношения между двумя странами. Исключительно велико было значение Пекинской духовной миссии для развития русского китаеведения, монголоведения и маньчжуристики. Оттуда вышла целая плеяда крупных русских ученых-китаеведов (Петр (Каменский), Иакинф (Бичурин), Палладий (Кафаров), В.П. Васильев и др.); талантливых переводчиков китайской и маньчжурской литературы (И.К. Россохин, З.Ф. Леонтьевский, А.Л. Леонтьев), знатоков восточных языков, преподавателей, миссионеров. Первый состав миссии прибыл в Пекин в 1716 г., и после этого до начала XIX в. сменилось восемь ее составов (Подробнее о деятельности духовных миссий см. Головин С.А. Российская духовная миссия в Китае: Исторический очерк. – Благовещенск, 2013).
2. *Бернштам, А.Н.* Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // *Бичурин, (Иакинф) Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: В 3 т. – М.; Л., 1950. Т. I. – С. VIII.
 3. Оценивая деятельность своего предшественника на посту главы миссии, Петр Каменский писал: «Архимандрит Иакинф (Бичурин) острого ума, ко многому поистине способен, но добрых склонностей, и даже, кажется, стыда и совести ни следа не видно. Для него вера, отечество родство, долг ближнего, жизнь, смерть – пустые слова, для него одни сладострастия составляют его блаженство». Причем аналогичной оценки Бичурин удостоился также со стороны официальных властей Цинской империи, генерал-губернатора Сибири (1806–1819) И.Б. Пестеля (1765–1843) и Синода (см. Головин С.А. Российская духовная миссия в Китае: Исторический очерк. Благовещенск, 2013. – С. 169).
 4. О деятельности Бичурина в Китае см.: *Головин, С.А.* Указ. соч. – С. 160–167.
 5. Вот неполный перечень трудов Н.Я. Бичурина: «Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом». – СПб., 1828. Т. 1, 2; «Описание Тибета в нынешнем его состоянии...». Перевод с китайского. – СПб., 1828 (экземпляр этой книги Бичурин подарил А.С. Пушкину – В. Ч.); «История четырех ханов из дома Чингисова...». – СПб., 1829; «Описание Пекина, с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г.» – СПб., 1829; «Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. – СПб., 1829. Т. 1, 2; «История Тибета и Хухунора...». – СПб., 1833. Т. 1, 2; «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом». – СПб., 1834; «Статистические сведения о Китае, сообщенные академии наук членом-корреспондентом ее монахом Иакинфом». – СПб., 1837; «Взгляд на просвещение в Китае». – СПб., 1838; «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение». – СПб., 1840; «Статистическое описание Китайской империи...». – СПб., 1842. Ч. 1, 2; «Земледелие Китая с 72 чертежами разных земледельческих орудий». – СПб., 1844; «Китай в гражданском и нравственном состоянии». – СПб., 1848. Ч. 1–4; «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. С картою на 3 больших листах». – СПб., 1851. Ч. 1–3. – См. *Токарев, С.А.* История русской этнографии / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М., 2015. – С. 211.
 6. *Бернштам, А.Н.* Указ. соч. – С. V–VI.
 7. Там же. – С. XXXXVIII.
 8. [Бичурин Н.Я.] Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом, с приложением карты Монголии и разных костюмов: В 2 т. – СПб., 1828. Т. I. – С. 159.
 9. [Бичурин Н.Я.] Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. – СПб., 1834. – С. 35.
 10. [Бичурин Н.Я.] Историческое обозрение ойратов... – С. 29. В первой половине XIX в., в связи с публикацией сведений из китайских источников (во Франции, Германии и России) развернулась научная дискуссия об отношении хакас-кыргызов, казак-киргизов и бурут-кыргызов друг к другу. В ней приняли участие Н. Я. Бичурин, Г. Ю. Клапрот, А. И. Левшин и др. Вкратце она отражена в работе: Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей. В 3-х ч. Часть вторая: Исторические известия. – СПб., 1832. Дискуссия продолжилась и в дальнейшем, при участии других историков. В нашу задачу не входит обзор этой дискуссии.
 11. *Бичурин (Иакинф), Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: В 3 т. – М.; Л., 1950. Т. I. – С. 50.
 12. *Бичурин (Иакинф), Н.Я.* Указ. соч. – С. 73.
 13. Там же. – С. 93.
 14. Там же. – С. 351.
 15. Там же. – С. 351.
 16. [Бичурин Н.Я.] Историческое обозрение ойратов... – С. 5–10.
 17. *Бичурин (Иакинф), Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии... – С. 351.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ГОРНОЙ ШОРИИ¹

Появившиеся за последнее десятилетие в Горной Шории легенды о снежном человеке в священной Азасской пещере, о древнем каменном городе-крепости по притокам верховьев Томи и летающих тарелках над верховьями Мрассу можно считать продолжением мифологических представлений шорцев о пещерных и горных духах, о небесных светилах и духах,

героических поэм шорского фольклора с сюжетами о каменных и золотых дворцах, древних богатырях-кузнецах,

Ключевые слова: Горная Шория, шорцы, памятники этнокультурного наследия, снежный человек, героический эпос, космогонические представления, мифотворчество.

V. M. Kimeev

ETHNO-CULTURAL MYTH IN MODERN MOUNTAIN SHORIA

Introduced over the past decade in Mountain Shoria, legends about snow man in the Holy Azas Cave, about an ancient stone town-fortress in the upper tributaries of Tom river and about flying saucers over the headwater of the Mras-su river can be considered as a continuation of the mythological views of the Shor people about the cave and mountain

spirits, about celestial luminaries and spirits, heroic poems of the Shor folklore with scenes of store and golden palaces, ancient knights-blacksmiths.

Key words: Mountain Shoria, the Shors, monuments of ethno-cultural heritage, snow man, the heroic epic, cosmogonic beliefs, myth-making.

Современная Горная Шория (по шорски – *Таглыг Шор*) как географический горно-таежный регион расположен на юге Кемеровской области, в центре Алтае-Саянского экорегиона. Само название закрепилось в научной литературе, справочниках и периодической печати только в 1920-х гг., после образования советскими властями Горно-Шорского национального района, просуществовавшего до 1939 г. Южные границы района совпадали с современными южными границами Таштагольского района Кемеровской области, а вот северные – огибали промплощадки окрестностей г. Кузнецка и не включали старинные «шорские улусы» Осинники и Абагур, населенные в основном русскими. После упразднения района официальное его название закрепилось как географическое – Горная Шория без уточнения северных границ. Центром Горной Шории считается г. Таштагол – центр одноименного района с прилегающим к нему поселком Шерегеш со всемирно известным горнолыжным курортом.

некогда господствующих в этих краях. Самым последним «открытием» краеведов и журналистов стали обнаруженные туристами и геологами якобы полуразрушенные каменные стены древнего города в глухой тайге в районе Поднебесных Зубьев. По их утверждениям, это природное образование на самом деле сродни мегалитам, знаменитому Стоунхенджу или даже египетским пирамидам. Некий геолог Георгий Сидоров с увлечением поведал об этих «мировых загадках» тележурналистам, а те растиражировали в СМИ. Многие поверили, что Горная Шория таит неизведанные тайны, а коренные жители – шорцы это вообще потомки древних цивилизаций. А может быть, и космических пришельцев?

Одновременно с развитием туризма стали появляться многочисленные краеведческие мифы о «древности», «уникальности» как и самой Горной Шории, так и «древних» народов, а то и целых «древних цивилизаций»,

Историки, филологи и краеведы уверовали в высокое развитие древней металлургии и кузнечества у предков шорцев. Шорские легенды повествуют о богатырях, ковавших кулаком мечи, приводятся ссылки на отписки кузнецких воевод, где говорится о высоком качестве изделий кузнецких татар-шорцев. Однако новокузнецкому археологу Ю. В. Ширину на месте бывших улусов в раскопанных остатках плавильных печей так и не удалось обнаружить деталей холодного оружия и кованых доспехов, которые,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №17-11-42003-ОГН\18 «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожилов Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации»).

судя по историческим запискам, изготавливались в большом количестве для кочевников. Неясным остается источник, позволивший новосибирским археологам утверждать об использовании изделий «шорских оружейников» русскими служилыми воинами в Южной Сибири¹. Сообщение краеведов о случайной находке некой «шорской кольчуги» на реке Пызас в 1960-х гг. выглядит очень сомнительным².

Более вероятна гипотеза, что к степнякам вывозились только обработанные крицы, а там местные мастера делали весь набор оружия и снаряжение для верховых лошадей. Есть сведения об уходе кузнецов к джунгарам из «Елейской, ... Шерской» и других Кондомских волостей в 1744 г.³ Недавнее исследование кольчатого панциря из фондов Новокузнецкого краеведческого музея позволило предположить, что он по технике склепок колец сделан русскими кузнецами в XVII в. и принадлежал, видимо, казакам Кузнецкого острога⁴.

Единственное на юге Горной Шории грунтовое погребение с труположением археолог Ю. В. Ширин обнаружил и раскопал в Устье реки Пызас у п. Усть-Кабырза в 2009 г., но связал все находки с предками енисейских кыргызов, которые погибли на этом месте по дороге из алтайских в абаканские степи. Однако с легкой руки таштагольских журналистов изданная в 2011 г. и хорошо иллюстрированная книга об этом открытии на Мрассу получила название «Тайны Кабырзинской принцессы». Одна из шорских «шаманок» в интервью известной кемеровской журналистке предостерегла, что эти раскопки привели к взрыву Саяно-Шушенской ГЭС, как ранее раскопки новосибирских археологов «алтайской принцессы» привели к землетрясению, наводнению и прочим бедствиям на Алтае. Поэтому повсеместно современные «шаманы» требуют захоронить останки на прежнем месте, изъяв все находки из экспозиций музеев. Пока же на месте раскопа в устье реки Пызас вместо предложенного проектировщиками некрополя местные власти вкопали деревянные изваяния «Кабырзинской принцессы» и ее «витязя», что очень нравится туристам⁵.

Другой многолетний миф о т.н. «снежном человеке» сыграл свою роль в начале 2010-х гг.

в развитии туризма на территории Шорского национального парка⁶. Для этих целей были совершены многочисленные экспедиции журналистов и поездки на снегоходах, моторных лодках и вездеходах паломников (включая известных артистов типа Николая Валуева, главы кузбасской епархии владыки Аристарха и бывшего губернатора Амана Тулеева). Осенью 2011 г. в п. Усть-Кабырза властями была проведена Международная конференция гоминологов, где, кроме известного московского фантаста Дмитрия Бурцева, присутствовали известные биологи, генетики и историки. Но после всех заседаний и дискуссий увлекательная поездка ученых и журналистов на вездеходах для поимки «гоминида» закончилась очередной неудачей. Утверждения в популярных изданиях о многих совпадениях, отмеченных гоминологами в характере растительности у пещеры Азасской и пещер в американском штате Мичиган, а также о генетической исключительности шерсти, обнаруженной в пещере, является очередным мифотворчеством. Так, якобы среди местного населения «не стихают слухи о том, что здесь проживает странное лохматое существо огромных размеров, обличьем похожее на человека, но плотного телосложения и ростом до трех метров, с волосатым покровом рыже-черного цвета по всему телу. Издали они напоминают некую разновидность бурого медведя. Хорошо лазают по деревьям. В следах на снегу и песке отчетливо отпечатываются пальцы ног»⁷. На самом же деле вблизи пещеры есть лог, именуемый на картах – Шаманов лог. Возможно, там собирались шаманы, один из которых, Савелий Адыяков, запечатлен этнографом Н. П. Дыренковой на фото 1927 г., где он сидит в белой шапке с бубном в руках в окружении шорцев⁸.

Была попытка привлечь внимание журналистов и к регулярному появлению над Горной Шорией НЛО, и даже по ТВ был показан сюжет, заснятый на видеокамеру студентами одной из экспедиций. Но московские уфологи не поверили и твердо сказали после личного осмотра места, где якобы производилась видеосъемка, что это был видеомонтаж.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Борисенко, А. Ю.* Изделия шорских оружейников в арсенале русских служилых воинов в Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии

и этнографии СО РАН 2007 г. – Новосибирск, 2007. Т. XIII. – С. 185–187.

2. *Улагашева, И.* Междуреченск. Информационный бюллетень «Туган Чер», №12(42). 1996 год.

[Электронный ресурс].-URL:<http://etnic.ru/etnic/design/шорские-кузнецы.html>

3. *Бобровский, А.Ю.* Об уводе кузнецов / Из кузнецкой старины. – Новокузнецк, 2013. Вып. 4. – С. 146.
4. *Мартюшев, Р.А.* Кольчатый панцирь из фондов Новокузнецкого краеведческого музея / Краеведение в современном мире: проблемы, достижения, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции,

посвященной 90-летию Новокузнецкого краеведческого музея. – Новокузнецк, 2017. – С. 81–86.

5. *Кимеев, В.М.* Тайны Кабырзинской принцессы / В.М. Кимеев, Ю.В. Ширин. – Кемерово, 2011.
6. *Кимеев, В.М.* Влияние мифа о снежном человеке на мировоззрение сибиряков и развитие туризма // Сборник научных трудов. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 45.
7. Таштагол 55. Иллюстрированный альбом. – Кемерово, 2018.
8. *Кимеев, В.М.* Тайны Кабырзинской принцессы...

Р. П. Сумба

О РУКОПИСИ НА ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ «ОБРЯД ВОСКУРЕНИЯ (САН САЛЫР) И ЖЕРТВЕННОЕ ПОДНОШЕНИЕ ГОРЕ ТАННУ»

Республика Тыва расположена в Южной Сибири, население республики составляет 305 тысяч человек. Коренное население, 200 тысяч человек, – тувинцы, разговорный язык которых относится к тюркской группе языков. Тувинцы

исповедуют тибетскую форму буддизма, однако традиционная вера тувинцев – шаманизм распространена и по сей день.

Ключевые слова: ритуальный текст, обряд воскурения, почитание гор.

R. P. Sumba

ABOUT THE MANUSCRIPT ON TIBETAN LANGUAGE «THE RITUAL OF INCENSE AND SACRIFICE TO THE MOUNTAIN OF TANNU»

Tuva, today a Republic inhabited by 305.000 people, is located in the south of Siberian. The majority of the people, about 200.000, are Tuwans, a group of Turkic speaking people who were since the 17th century influenced by the Tibetan form of Buddhism. Until today the Buddhist world view exists beside the traditional animistic world view and shamanistic practices. The special selection of

manuscripts nowadays preserved in the National Museum of Tuva is explained by their origin: The majority of them was not meant for the curriculum of Buddhist monasteries but for performing magic rituals according to the needs of the common people.

Key words: ritual texts, the rite of the incense, the veneration of the mountain

В фондах Тувинского национального музея хранится коллекция рукописей и ксилографов на тибетском языке. Большая часть коллекции состоит из обрядовой литературы: это ритуальные тексты, молитвенники, алгыши, восхваляющие сакральные места Тувы. Среди этой коллекции выделяются рукописи, где описан обряд жертвоприношения горам (скалам) Тувы: «Танну-Сержем» – Подношение ритуального напитка (сержем), «Рибо ченпо Танну Сан» – Воскурения большим горам¹, «Обряд воскурения царю скал Лха-Чен – «Великому божеству», «Обряд воскурения реке Эрзин (Ер-Сунг) и озеру Убсу-нуур (Об-са), а особенно великой горе Танг-ну».

для изготовления каменных и железных орудий труда и местами первоначального проживания (в пещерах) до изобретения наземных жилищ. В Туве высокие горные хребты, нагорья и котловины являются характерной особенностью. Горы занимают около 82% территории республики, а равнинные участки – 18%. Горные богатства Тувы были известны уже в глубокой древности. На рубеже III и II тыс. до н.э. древнее население Тувы стало добывать медную руду. У подножия хребта Танну-оола, по реке Шуй у горы Ашаг-Диш, были найдены древние рудники и остатки плавильных печей. Месторождения меди разрабатывались на Ондумских горах, на правом берегу р. Каа-Хем, особенно крупное месторождение медной руды было в районе Хову-Аксы, которое разрабатывалось начиная с эпохи поздней бронзы².

Обожествление гор заложено в то далекое время, когда они играли важнейшую «экономическую» роль в жизни древнейших людей, поскольку были основным источником сырья

Интересна гипотеза геолога Прудниковой, которая излагает свою точку зрения на возникновение культа гор у древнего человека Тувы. Тува является областью активного вулканизма, формирование гор происходило одновременно со становлением и развитием человека. Человек с момента его зарождения видел огнедышащие горы, извергающие гигантские потоки раскаленной лавы. Извержение вулканов происходило от начала формирования человека до наших дней и прекратилось менее 10 тысяч лет назад. Священное нагорье Одуген в верховьях рек Хам-Сара и Азас в восточной Туве является ничем иным, как вулканическим плато. Они поражали воображение древнего человека и внушали ему страх. Плоские безлесные вершины гор являются древней поверхностью выравнивания, перекрытой потоками современных базальтов, вулканической породой, поднятой затем на высоту до двух тысяч метров. Излияния были настолько интенсивными, что лавовые потоки устремлялись по долинам рек Хам-Сары, Бий-Хема, Каа-Хема, наводя ужас на древних людей (эти лавовые потоки перекрыли и сохранили для истории). Вулканы действовали и в западной части Тувы, в районе Уюкской и Хемчикской впадин.

Мощный взрыв с выбросом громадного количества обломков, образование ядовитого облака сернистых газов, лавовые озера, которые до неузнаваемости изменяли участки земли за считанные минуты, – породили у древнего человека веру в горных духов и заставили поклоняться им.

Горы с петроглифами и с плоскими безлесными вершинами были наиболее почитаемы в Туве. В мифологии тувинцев они считались местопребыванием могущественных духов³, которые выступали покровителями людей, от них зависело благополучие рода, к ним обращались с молитвами, испрашивали удачу в охотничьем промысле или исцеления от болезни.

Почитание хребта Танну-оола связано с тем, что он всегда играл важную роль в истории Тувы. Географически хребет является естественной границей между Центральной Азией и Сибирью. Важная роль хребта состоит в том, что в различные исторические эпохи Танну-оола был рубежом, разделявшим зоны распространения разных этносов, и являлся естественной границей их родовых территорий. Племена, населявшие хребет по южную и северную сторону, почитали эту гору и считали священной, делая подношение хозяевам и духам горы, при этом нередко выбивали изображения на скалах. На

склонах Танну-оола в южной Туве и на западе Тувы (Бай-Тайга, Барун-Хемчик) зафиксировано наибольшее скопление петроглифов различных эпох, от скифского времени до средневековья⁴.

М.Б. Кенин-Лопсан в своей книге «Традиционная культура тувинцев» перечисляет девять священных гор Тувы: гора Одуген, что с тувинского языка означает «быстро промокающая», также известна под названием Одуген-Тайга Хайыракан, где слово «Хайыракан» означает «священная гора». Южные Саяны или Южный-Танды Хайракан; Северные Саяны – считаются вторыми Танды-Хайракан; Монгун-Тайга – самая высокая местность в Туве; на священной горе Бай-Тайга лежат вечные ледники; гору Кызыл-Тайга освящали шаманы и ламы, если не освящать ее, то в лесах могут вспыхнуть красные огни, которые приведут к большому пожару; Буура-Тайга Хайыракан имеет «горб», поэтому она получила название «буура», что значит в переводе с тувинского языка – верблюд; Танды-Уула (Танну-оола), расположенная между несколькими селениями, с древних времен жители этой местности поклонялись этой горе, устраивали обряды и моления; Ондум-Тайга богата ягодами, там обитает много зверей⁵.

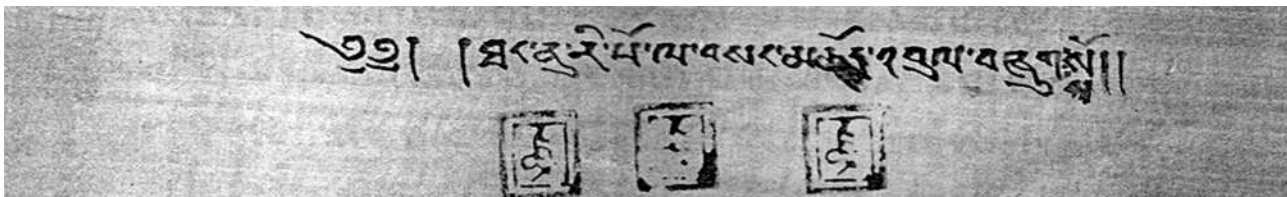
Практика поклонения горам, оправление культа гор характеризуется обязательным чтением специального ритуального текста. Создание подобных текстов-обрядников было обусловлено потребностью в самой культовой практике поклонения горам. Их потребность создавалась материальными и социальными условиями жизни⁶.

Ритуальный текст на тибетском языке: «Обряд воскурения и жертвенное подношение горе Танну» является самым распространенным обрядником в Туве. Его часто использовали ламы при обряде воскурения (*тув.* сан салыр), этот молитвенник можно было найти в каждой тувинской юрте и в каждом доме.

В тексте описывается обряд воскурения «хозяевам» местности: юлдака, найдака и шибдака и хозяевам гор и рек. Центральное место в тексте занимает Великое божество горы Танну – Лха-чен, которая «появилась сверхъестественным путем» и имеет эпитет: «Держательница и Защитница». Их всех приглашают на почетное место для совершения обряда, усаживают на трон. После возжигания «редких видов» благовоний совершают обряд воскурения божеству величественной горы Танну и сопровождающих его матери и сыну. Затем подношение и обряд воскурения совершают «красным и белым горам (местности) Баян Чурту (*ра-уанг*

tsur-khu), рекам: Хем (khem), Хемчик (khem-chig) и Чаа-Холь (cha-khul). Подносят подношения хозяевам местности и божеству нагов – Лха-Луу, а также защитникам религии и «восьми разновидностям» демонов. В конце текста написано,

что при проведении обряда воскурения и чтении этого текста все беды, болезни исчезнут и исполнятся все ваши желания. И мы вам этого желаем от всей души.

འུལ་ །སྐོལ་ལྱེ། རུ་བཞེན་ལྷ་བྱུག་ལུག་མངོ་མེ་བའི་ཁུ་དྭ་ཡས་
པ། །ལྷོ་མངོ་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་

ལྷོ་མེད་

འུལ་ །ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་

ལྷོ་མེད་

ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་
ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་ལྷོ་མེད་

О сва сти /
Появившуюся сверхъестественным путем
защитницу и кормилицу, божество Лха-чен горы
Танну,

В мудрый огонь, словно горящее расплавлен-
ное золото
редкого вида, изумительные курительные
палочки, фимиам,
благовонные вещества для воскурения
сожгите, и когда облако дыма заполнит про-
странство бессмертия,
сделайте воскурения для всего окружения:
принцу и матери
величественной Танну,
сделайте воскурения красным и белым горам
местности Баян-Чурту,
сделайте воскурения рекам Хем и Хемчик,
Чаа-холь,
сделайте воскурения хозяевам местности
юлдаку, найдаку,
божеству нагов и шибдаку,

хозяев гор и рек вместе со своей свитой
без промедления пригласите и с уважением
усадите их на трон.

сделайте воскурения Лха-срунг⁷, Дебжит⁸ и
их окружению.

Свободные от скверны благие деяния, подно-
шения и святость очень
порадуют божество Лха-Чен и окружение.

И тогда дожди будут идти вовремя, урожай и
скот, счастливая жизнь,
словно при растущей луне будут умножаться
и расширяться.

Особенно для главы, старейшин и народа
несогласие, хищные звери, все враги и беды
будут отвращены

(изгнаны),

все хорошее, таким образом, распростра-
нится, желания исполнятся.

Это написал гелонг⁹ Сумати галва Патра.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обряд воскурения (тиб. bsang; тув. сан салыр) – сжигание можжевельника, воскурительных палочек.
2. Минцлов, С.Р. Памятники древности в Урянхайском крае. – СПб., 1916. – С. 15.
3. Вайнштейн, С.И. Мир кочевников центра Азии. – М., 1991. – С. 235.
4. Сердобов, Н.А. История формирования тувинской нации. – Кызыл, 1971. – С. 80.
5. Кенин-Лопсан, М.Б. Традиционная культура тувинцев. – Кызыл, 2006. – С. 84–86.
6. Батомункуева, С.Р. Социальные аспекты буддийских ритуальных текстов-обрядников почитания гор Бурятии // Буддийские тексты Китая, Тибета, Монголии и Бурятии. – Улан-Уде, 2012. – С. 142.
7. Лха-срунг – божества-защитники буддийской религии.
8. Дебжит – восемь разновидностей, которые насылают болезни.
9. Гелонг – буддийский монах.

М. П. Чебодаева

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХАКАССКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ (XVIII – начало XX в.)

Статья посвящена истории изучения хакасской народной вышивки XVIII – нач. XX в. Автор отмечает, что в дореволюционный период изучение вышивки носило обзорный характер. В статье показана история формирования и состав фондовых коллекций по хакасской вышивке

в дореволюционный период в Минусинском краеведческом музее. Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Российском этнографическом музее.

Ключевые слова: хакасская народная вышивка, музейные коллекции.

Chebodaeva M. P.

TGE HISTORY OF STUDY IN KHAKASS FOLK EMBROIDERY (from the 18th to the beginning of 20th centuries)

The article is devoted to study of khakass folk embroidery in 18–20 centuries. The author pointed out that in the prerevolutionary period the study

of embroidery was of short summary style. This article represents the history of formation and the compositions of khakass embroidery fund collections

in the prerevolutionary period at the Minusinsk local history museum, Peter the Great's (Kunskammer) museum of anthropology and ethnography and the Russian ethnographic museum.

Первые этнографические сведения о хакасской традиционной одежде и вышивке относятся к XVIII в. Это труды и путевые записки участников академических экспедиций Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Сталенберга, Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа и И.Г. Георги, а также работы В. Татищева и Е. Пестерева. Это были личные впечатления, но они ценны прежде всего как зафиксированный фактический материал.

Важным является сообщение И.Г. Георги¹ о наличии у хакасов в XVIII в. орнаментированной одежды. Но автор не дает описания характера вышивки, орнамента, их особенностей. И.Г. Георги так писал об использовании вышивки в качестве украшения одежды у «качинских татар»: «На праздничном платье много видно красиво вышитых узоров или вычуров, а при том обшивается оно по краям материалами иного цвета или опускается мягкою рухлядью»².

В XIX в. интерес к изучению хакасской одежды проявляют следующие исследователи: Г.И. Спасский, А.П. Степанов, Н.А. Костров, Н.С. Щукин, П. Корнилов, А.М. Кастрен, А.А. Кропоткин, В.В. Радлов, И.И. Каратанов, П.Е. Островских и Н.Ф. Катанов. В это время в Сибири оживляется деятельность различных научных обществ, появилось значительное количество этнографической литературы о минусинских и ачинских инородцах (хакасах). К этому времени представляется возможным отнести начало изучения хакасского народного искусства, когда из-за недостаточного развития научных знаний не было дифференциации смежных отраслей науки, и искусство хакасов изучалось этнографами и археологами.

В 1877 г. в Минусинске был основан краеведческий музей. Большая заслуга в изучении археологии и этнографии Хакасско-Минусинского края, бесспорно, принадлежит директору Минусинского музея Н.М. Мартьянову³, привлекавшего к этой работе, кроме политических ссыльных Д.А. Клеменца, П.Е. Кулакова, Е.К. Яковлева, Ф. Кона, местных жителей – золотопромышленника П.О. Барташова, священника В. Суховского, И.К. Доможакова и студента П.Е. Островских. В настоящее время хакасская этнографическая коллекция музея насчитывает 930 предметов. Большую помощь музею ока-

Key words: khakass folk embroidery, museum collections.

зал иркутский меценат И.М. Сибиряков⁴. Он пожертвовал деньги на строительство музея, проведение научных экспедиций и приобретение археологических и этнографических коллекций (модель хакасской юрты, образцы женского костюма и предметов домашнего обихода качинцев) и на покупку книг для научной библиотеки.

В 1877 г. в Казани по инициативе участников IV Археологического съезда было создано Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Учредителями выступили ученые Н.Я. Агафонов, И.А. Бодуэн-де-Куртенэ, Н.П. Загоскин, И.А. Износков, Д.А. Корсаков, В.Н. Поливанов, П.А. Пономарев, В.В. Радлов, С.М. Шпилевский и др. Целью общества было изучение истории русского и инородческого населения на территории бывших Булгарско-Хазарских и Казанско-Астраханских царств. Общество имело три отделения: археологическое, историческое и этнографическое, библиотеку, нумизматический кабинет, отдел манускриптов; музей археологии; этнографические предметы передавались в университетский музей отечествоведения. Уникальные коллекции общества сейчас составляют важнейшую часть собраний научной библиотеки, археологического и этнографического музеев Казанского университета и Национального музея Республики Татарстан. Большой вклад в работу общества внес известный ученый Н.Ф. Катанов. В 1910 г. от него в музей поступили коллекции по хакасам № 30 и № 153.

В 1879 г. в г. Петербурге был создан Музей антропологии и этнографии, располагающий уникальными и обширными коллекциями по народам мира. Собрания по сибирским народам, в т.ч. по хакасам, начали поступать еще в первый музей России – Петербургскую Кунсткамеру в I половине XVIII в., но данные коллекции не сохранились. Во второй половине XIX в. Музей антропологии и этнографии стал преемником Кунсткамеры. В настоящее время в фондах музея хранятся вещевые коллекции по культуре и быту хакасов, полученные в разные годы: от Н.Ф. Катанова (1889-№ 217, 1889–1892-№ 221) у качинцев, сагайцев и койбалов, от Е.П. Спирина⁵ (1894-№ 264) у качинцев, от П.Е. Островских⁶ (1894-№ 267) у качинцев и сагайцев, от А.В. Адрианова (1904–1905-№ 651, № 874,

№ 1030), от П. А. Пещерского⁷ (1911–1912-№ 1833, № 2056) у кызыльцев, от В. А. Эдельштейн⁸ (1913-№ 2214) у качинцев в аалах Карыш и Спирин, от Г. И. Кыштымова (1914-№ 2314, № 2380) у качинцев в аале Кыштымов, от С. Д. Майнагашева⁹ (1914-№ 2164, № 2390, № 2568) у сагайцев и качинцев.

В коллекциях Музея этнографии и антропологии им. П. Великого (Кунсткамера) хранится альбом вырезок мастериц (КП № 874): Чарковой (аал Чарков), Кянюнь Тазьминой (аал Тазьмин), Татьяны и Варвары Болгановых (аал Болганов), Анны Горбунаковой (аал Джебал аал), Т. Шоевой (аал Саргов), Тудо Заварзиной (аал Заварзин), Инкижековой (аал Инкижеков), Веры Орешковой (аал Сенявин), Еленой Майнагашевой (аал Иреса Майнагашева), Барахтаевой (аал Черпаков), Боргояковой (аал Теханных Боргоякова), Доможаковой (аал Тапты), Черпаковой (аал Черпаков), Авдотьи и Пелагеи Кызласовых (аал Чекин), Тотко Косточаковой и Веры Кочетаевой (аал Сенявино).

В 1882 г. В. Ф. Флоринским был создан музей археологии и этнографии Томского государственного университета. С 1886 г. музей входит в состав университета. За небольшой срок он сосредоточил большое количество этнографических коллекций и сыграл значительную роль в изучении сибирской истории и их коренных народов. Первые этнографические коллекции по хакасам поступили от И. П. Кузнецова-Красноярского¹⁰, Г. П. Сафьянова и А. В. Адрианова.

В 1884 г. исследователь И. Каратанов впервые дал описание вышивки на качинской мужской одежде: «Богатые люди сверх обыкновенной татарской длинной рубахи с большими углами у ворота и вышитых около карманов разными узорами плисовых или суконных шароваров надевают суконный капот, пальто или цветной халат. Зимой носят мерлушчатые лисьи, волчьи, крытые сукном или плисом, а более нагольные овчинные шубы. У некоторых на плечах и спине бывают вышивки цветов и узоров разноцветными шелками и шерстью... шапки носят высокие с лисьими, мерлушчатыми, овчинными и другими околышами, верх у них четырехугольный, сваливающийся на одну сторону. Плисовый или бархатный, вышитый затейливыми, фантастическими цветами и узорами...»¹¹.

В 1888 г. совершил экскурсию в Ачинский и Канские округа Д. А. Клеменц¹², сосланный революционер, один из основателей «Земли и воли». В области сибирской этнографии Клеменц выступал как собиратель этнографических све-

дений о русском населении, быта хакасов и якутов и их религиозных воззрений. Он сообщал: «По примеру прежних экскурсий я занимался и в нынешнем году собиранием образцов инородческого орнамента. Ограниченность средств заставила меня удовольствоваться не многими образцами в подлинниках и снимать с других узоры, вырезки и выкройки. Судя по имеющимся у меня в руках образцам, на кызыльских рисунках заметно влияние русских образцов»¹³.

В феврале 1889 г. в Красноярске по инициативе И. А. и Ю. П. Матвеевых¹⁴ открылся городской музей, в основу которого легли их личные художественные, нумизматические и этнографические коллекции. Значительное место в собрании музея занимают этнографические коллекции по народам Сибири, в том числе по хакасам: коллекции П. Е. Островских, А. В. Адрианова (1904-№ 1515), С. Д. Майнагашева (1917-№ 1573).

В 1897 г. в Красноярске по постановлению Енисейского губернского комитета была организована экспедиция по изучению хозяйства и быта хакасов Минусинского и Ачинского уездов в составе А. А. Кузнецовой¹⁵, А. А. Ярилова и П. Е. Кулакова¹⁶. На следующий год по результатам данной экспедиции вышла книга «Минусинские и ачинские инородцы, материалы для изучения» (1898), которая стала первой работой, специально рассматривающей хакасскую одежду. Хорошо изучив материалы Абаканской, Аскизской и Мелецкой инородческих управ, А. А. Кузнецова дала подробные описания мужской, женской, свадебной и детской одежды.

А. А. Кузнецова впервые подробно остановилась на вышивке женской одежды и отметила ее колорит: «Особенно распространенным украшением являются узоры, вышитые крученым шелком ярких и пестрых цветов. Рисунки узоров вырезаются из бумаги, картона или бересты иногда по старым образцам, иногда же придуманные вновь, нашиваются на материи и вышиваются или тамбурным шитьем, или же гладью. Чаще всего на наплечниках, рукавицах, обуви и коврах встречаются узоры в виде звезд, цветов, напоминающих по форме розоцветные и сложноцветные растения и крестообразные длинные и квадратные фигуры. Для украшения спины у сикпена, сигедека и шубы, а также обуви и рукавиц делаются узоры в виде длинных изогнутых гирлянд с цветами, листьями и завитками или же фантастические узоры с острыми углами, изогнутыми и ломаными линиями. Большинство рисунком симметрично. На вышитых узорах преобладают яркие определенные радужные цвета шелка: малиновый, красный, оранжевый,

желтый, зеленый, голубой, синий и лиловый, расположенные в пестрых и резких сочетаниях тонов»¹⁷.

В книге Е. К. Яковлева¹⁸ «Этнографический обзор населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея» (Минусинск, 1900), основанной на трехлетней работе в Минусинском музее, автор подробно останавливается на хакасской традиционной одежде: сагайца и качинки, замужней женщины и девушки качинки. Е. К. Яковлев дал также краткое описание вышивки: «Шелком вышиваются украшения на наплечниках, на рукавицах, на обуви, по спине сикпена, сигедека, шубы – и имеют вид звезд, цветов, длинных гирлянд с цветами, листьями и завитками или же фантастических узоров с острыми углами из изогнутых и ломаных линий»¹⁹.

В январе 1902 г. в Петербурге был открыт Российский этнографический музей – один из крупнейших этнографических музеев Европы. Для свободного посещения музей открылся только в 1923 г. В 1934 г. он стал самостоятельным музеем и именовался как Государственный музей этнографии. В августе 1948 г. после передачи коллекций Музея народов СССР в Москве был переименован в Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ народов СССР). С 1992 г. – Российский этнографический музей (РЭМ). В настоящее время в фондах музея хранятся 43 коллекции по культуре и быту хакасов, полученные в разные годы: А. В. Адрианова²⁰ (1904-№ 600, 1906-1907-№ 1282, 1907-№ 1263, № 1277, № 1279, 1908-№ 1288, № 1600, № 2101, № 2103, 1909-№ 2537, 1910-№ 2403) у качинцев, сагайцев и кызыльцев, Ф. Я. Кона²¹ (1904-№ 664) у качинцев и сагайцев в аале Чарков и Синявино, А. А. Макаренко²² (1906-№ 1077) у кызыльцев и мелецких татар Ачинского уезда, А. М. Головачева²³ (1911-№ 1842) у кызыльцев.

Большой вклад в изучение хакасской вышивки внес сибирский исследователь А. В. Адрианов. Им был собран большой материал по хакасской народной вышивке с образцами вышивок и выкроек «улгу», который в настоящее время хранится в Российском этнографическом музее. Безусловным достоинством собирательской деятельности А. В. Адрианова стало полное описание коллекций с указанием местного названия, места приобретения и имени владельцев. Ученый встретился с вышивальщицами жившими в те годы, работы которых в настоящее время хранятся в коллекциях Российского этнографического музея: Е. Чарковой (аал Чарков), П. Аевой

(аал Какашкин), К. Тазьминой (аал Тазьмин), А. Кызласовой (аал Чекин), Т. Иннокентьевой (аал Индыгашев), А. Шалгиновой (аал Заварзин), Т. Болгановой (аал Болганов), Л. Горбунаковой (аал Джебал аал), Т. Шоевой (аал Саргов), М. Чарковой (аал Чарков), Т. Заварзиной (аал Заварзин), Инкижековой (аал Инкижеков), В. Орешковой (аал Сенявин), Е. и В. Майнагашевых (аал Иреса Майнагашева).

А. В. Адрианов писал: «При самом поверхностном наблюдении над жизнью минусинских и ачинских инородцев бросается в глаза повсеместное распространение вышивок на костюмах. Ни у каких других народностей, с которыми мне приходилось иметь дело, каковы калмыки на Алтае, черневые татары в Кузнецком уезде, киргизы в Семипалатинской области, буряты в Иркутской губернии, остяки и самоеды на севере Томской губернии, наконец, сойоты по верхнему Енисею и монголы в Монголии, я нигде не видел такой любви к украшению одежды, как у инородцев Ачинского и Минусинского уездов»²⁴.

В январе 1912 г. А. В. Адрианов выступил на Всероссийском съезде художников в Петербурге с докладом «Об орнаменте у сибирских инородцев». Съезд проходил в конференц-зале Императорской Академии художеств с 27 декабря 1911 по 5 января 1912 г. А. В. Адрианов выступил на заседании Первого отдела, носившего название «Вопросы эстетики и истории искусств». На семи заседаниях отдела было заслушано 20 докладов. Среди выступавших на этом отделе были такие прославленные художники и деятели культуры, как И. Е. Репин, Д. В. Айналов, В. В. Кандинский и др.

В докладе «Об орнаменте у сибирских инородцев», который был иллюстрирован многочисленными образцами работ хакасских вышивальщиц, а также многочисленными выкройками, А. В. Адрианов говорил: «Я не беру на себя задачи определять художественное и научное значение собранных мною образцов инородческого орнамента, указывать его место в ряду орнаментов других народов, его самостоятельное или подчиненное значение, устанавливать его влияние. Главная моя цель – обратить внимание лиц, более меня сведущих в этом вопросе, на необходимость изучения орнамента сибирских инородцев и вообще народностей, населяющих Сибирь; я уверен, что занявшиеся таким изучением найдут здесь много нового и богатого по содержанию материала»²⁵.

А. В. Адрианов подчеркивал, что он собирал материалы по орнаменту только как этнограф, тогда как «перед взором подготовленного

художника здесь откроются новые сокровища, накопленные гением каждой народности на протяжении многих столетий». «Редкий случай столь большого собрания компетентных лиц, – говорил А. В. Адрианов, – дает мне повод поставить задачу – разработать художникам, совместно с этнографами и археологами, программу собирания материалов по орнаменту. Наличие ее, несомненно, облегчит и ускорит разрешение задачи, заслуживающей самого серьезного внимания»²⁶.

Доклад А. В. Адрианова был прослушан с большим интересом и вызвал оживленный обмен мнениями. В кратком «Предисловии» к публикации материалов заседаний, которое, по сути дела, является отчетом о работе отдела «Вопросы эстетики и истории искусств», доклад, прочитанный А. В. Адриановым, был выделен особо: «Постепенное исчезновение орнамента у сибирских инородцев, ярко обрисованное А. В. Адриановым, вызвало у аудитории единодушную резолюцию о необходимости его изучения и собирания». Резолюция была принята в редакции Б. П. Денике: «Признавая представленные А. В. Адриановым материалы по орнаменту сибирских инородцев важными, собрание Первого отдела Всероссийского съезда художников всецело присоединяется к мнению А. В. Адрианова, что для сохранения исчезающего орнамента сибирских инородцев необходимо безотлагательное его изучение этнографами, художниками и историками искусства, и выражает пожелание, чтобы была выработана подробная программа его собирания и изучения»²⁷.

В 1917 г. по поручению Томского кустарного комитета художница С. К. Просвиркина²⁸ отправилась в поездку в Урянхайский край (Тува)

и Минусинский округ. Маршрут экспедиции проходил по верховьям р. Хем и ее притокам, а также по территории современного Аскизского и Усть-Абаканского районов. Близкое знакомство с минусинскими купцами Сафьяновыми и хакасским ученым С. Д. Майнагашевым сделало поездку интересной и продуктивной. С. К. Просвиркина собрала 200 экспонатов (114 рисунков и 38 предметов хакасов и тувинцев). Путешественница посетила аалы Кызлас, Иресов, Кыштымов, Уйбат, Илиморов, Аскиз, Трояков, Тею, Верхний Аскиз, Аев. Коллекция хакасских рисунков № 573 насчитывает 53 предмета. Художница зарисовала вышивку на сумочках, на рукавицах, на спинках шубах, на воротниках платьев, обшлагах сикпенов, кошельках и кисетах, показав мастерство исполнения вышивок мастериц и особую красоту вышивок. В рисунках С. К. Просвиркиной чувствуется заинтересованность и любовь художницы к народному искусству, в них преобладают удивление и восхищение не только красотой края, но и увиденным национальным своеобразием и колоритом хакасского народного искусства.

Таким образом, исследования по хакасской вышивке в XVIII – начале XX в. носили обзорный характер, специальные вопросы изучения хакасского народного искусства не поднимались, наибольшее внимание уделялось исследованию наскального искусства, традиционной религии, народным обрядам и обычаям. Но следует отметить, что информация ученых о вышивке и коллекции, собранные в 1870–1890 гг., являются наиболее ранними образцами народного искусства хакасского народа, сохранившимся благодаря этнографическим экспедициям и личному интересу и любознательности первых исследователей хакасской народной вышивки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Георги Иоганн-Готлиб (1729–1802) – немецкий медик, химик, натуралист, этнограф, путешественник. Родился в семье священника. Закончил Упсальский университет (Швеция). Получил степень доктора медицины и работал фармацевтом. В 1770 г. прибыл в Россию по приглашению Императорской Академии наук и художеств. Участвовал в «Физической экспедиции» Палласа, занимался исследованием Поволжья, Среднего и Южного Приуралья, Западной Сибири, Прибайкалья.
2. *Георги, И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и др. достопамятностей. – СПб., 1799. Ч. 1–2. – С. 151
3. Мартянов Николай Михайлович (1844–1904) – провизор, ученый-ботаник, основатель музея в Минусинске. Родился в Виленской губернии в семье лесного объездчика. Окончил двухклассное училище в Минске (1856), курсы провизоров при медико-хирургической академии в Петербурге (1865) и Московском университете (1872). Работал в аптеках в Новогрудке, Царском Селе, Москве, Казани. В 1874 г. приехал в Минусинск, работал заведующим в аптеке А. В. Малинина. Был заведующим Минусинским местным музеем (1877–1904). Умер в Минусинске.
4. Сибиряков Иннокентий Михайлович (1860–1901) – благотворитель и меценат. Родился в Иркутске в семье купца I-й гильдии. Начальное образование получил дома, затем учился в Иркутском

реальном училище. В 1875 г. переехал в Петербург и поступил в частную гимназию Ф. Ф. Бычкова. В августе 1880 г. поступил в Санкт-Петербургский университет на естественно-математическое отделение, но из-за болезни прервал учебу. В октябре 1884 г. поступает в Санкт-Петербургский университет, на юридический факультет, но с октября 1885 г. становится вольнослушателем. Благотворительную деятельность начал еще во время учебы в гимназии, помогая своим одноклассникам. Выделил деньги на открытие музеев, школ и библиотек в Минусинске, Томске, Барнауле, Ишиме, Ачинске и Красноярске.

Поспособствовал созданию Томского университета и выделил деньги на расширение Восточного отделения ИРГО. В 1894 г. решает стать монахом и уходит жить на Старо-Афонское подворье в Санкт-Петербурге. В октябре 1896 г. принял постриг в иноческий чин, после чего уезжает на Святую гору Афон (Греция) в Свято-Андреевский скит. Скончался 6 ноября 1901 г. и был похоронен в костнице Андреевского скита на Афоне (Греция).

5. Спирин Егор Петрович – хакасский купец, меценат. Родился в аале Белый Июс, занимался торговлей и ростовщичеством. По данным 1877 г., в своем хозяйстве он имел 1500 лошадей. В 1897 г. в Шира на средства местных богачей Н. Е. Чистякова и Е. П. Спирина была построена деревянная церковь. В 1894 г. Спирин подарил Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (коллекция № 264) костюм хакасской свахи «пазыртхан ічезі» (праздничная шуба «тон», безрукавка «сигедек», платье «когенек», головной убор «тулгу порік» и женское нагрудное украшение «пого»).
6. Островских Петр Евгеньевич (1870–1940) – этнограф, путешественник. Родился на прииске Узунчул Минусинского округа. Отец – Е. Н. Островских – мещанин, работал на золотых промыслах золотопромышленника П. И. Кузнецова. Мать – Н. И. Петрова, дочь минусинского «медника» (слесаря) – училась грамоте у ссыльных декабристов братьев Беляевых. Отчим – Н. У. Попов работал учителем Усть-Абаканской школы. Учился в минусинском училище, собирал коллекции для музея, сотрудничал с Н. М. Мартьяновым. В 1891 г. окончил Красноярскую гимназию и поступил в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, где занимался антропологией и этнографией под руководством профессора Э. Ю. Петри. В Петербурге был знаком с В. В. Радловым, Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым и председателем Археологической комиссии А. А. Бобринским. Летом 1894 г. был командирован Академией наук для изучения «туземцев Минусинского края» и собирания этнографических коллекций. Летом 1895 г. посетил Берлин и Вену

для работы в этнографических музеях, знакомится с директором и основателем Берлинского музея народоведения А. Бастианом и востоковедом А. Грюнвеллем. В 1896 г. окончил университет. В студенческие годы Островских активно занимался общественной деятельностью как член сибирского землячества. В 1899–1904 гг. служил помощником податного инспектора по Туруханскому краю и изучал промыслы и экономику русского и «инородческого» населения, а также собирал этнографические коллекции. Последующая жизнь и работа П. Е. Островских связана с Казахстаном, Литвой, Санкт-Петербургом и Москвой.

7. Пещерский П. А. – статский советник.
8. Эдельштейн-Сементовская Вера Александровна (1860–1952/1953) – жена известного геолога и географа Я. С. Эдельштейна. Родилась в имении Рожанщина Витебской губернии в семье А. М. Сементовского (1821–1893), экономиста, краеведа, этнографа и археолога. Окончила Витебскую гимназию. Вышла замуж за Я. С. Эдельштейна, геолога и географа, профессора Ленинградского университета.
9. Майнагашев Степан Дмитриевич (1886–1920) – первый хакасский этнограф, политический деятель. Родился в аале Ирсов Аскизской степной Думы соединенных разнородных племен, сагаец из рода Томнар. В 1906 г. учился в Красноярской духовной семинарии. В 1907 г. он вернулся в Аскиз, где работает в управе. В 1910 г. он уезжает в Томск для поступления в университет, где учится вольнослушателем. В Томске произошла его встреча с Г. Н. Потаниным. В 1911 г. поступает на отделение общественно-юридического цикла Московского народного городского университета Шаняевского. В эти же годы он знакомится с учеными В. В. Радловым, Л. Я. Штернбергом и А. Н. Самойловичем. Последний становится его научным руководителем. Самойлович помог ему установить контакты с Петербургским отделением ИРГО, а также с Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. В 1913 г. он по поручению комитета отправился в командировку для сбора лингвистического и этнографического материала в Минусинский округ, где им была собрана коллекция фотоматериалов (МАЭ РАН). В 1914 г. Русский комитет вновь командует его в Минусинский и Ачинский уезды Енисейской губернии для сбора историко-этнографических, лингвистических и антропологических материалов. Фотоматериалы, собранные во время экспедиции, составили коллекцию фотоотпечатков № 2181 (МАЭ РАН). В дальнейшем Майнагашев вернулся в Хакасию и посвятил себя общественно-политической деятельности. В 1920 г. был расстрелян в Минусинске как белогвардеец, без суда и следствия.
10. Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович (1851–1916) – золотопромышленник, меценат, археолог, этнограф, историк. Среднее

- образование получил в частной гимназии в Петербурге. Вольнослушатель медицинского факультета Томского университета (1888–1891). Совершил путешествия в Северную Америку и Скандинавию, откуда привез этнографические коллекции. Владелец приисков на территории Хакасии. Путешествуя по работе по Минусинской котловине, обратил внимание на богатейшие археологические памятники региона. С 1880-х гг. увлекся археологическими раскопками древних курганов. В 1884 г. первым провел раскопки могильных курганов карасукской культуры. Автор книг: «Древние могилы Минусинского округа» (Томск, 1889); «Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири (1633–1690)» (Томск, 1890); «Архив Аскысской степной думы» (Томск, 1892) «Минусинские древности» (Томск, 1908). После его смерти домашняя библиотека была передана Томскому университету, а археологическая коллекция легла в основу университетского музея. В 1896 г. он переслал в Таштыпское народное училище 133 научно-популярных издания. В 1905 г. был избран председателем «Инородческого схода». Занимался меценатством и благотворительной деятельностью, являлся почетным блюстителем Бейского училища. Участвовал в организации и проведении в Томске этнографических выставок.
11. *Каратанов, И.* Черты внешнего быта качинских татар // Известия Императорского Русского Географического Общества. – 1884. Т. XX. Вып. 6. – С. 622.
 12. Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914) – этнограф, революционер-народник. Родился в д. Горяиновке Самарской губернии в семье управляющего имением. Учился сначала в Самарской, а затем в Первой Казанской гимназии. Учился в Казанском и в Санкт-Петербургском университетах на физико-математическом факультете, который не окончил, занявшись революционной деятельностью. С 1873 г. участвовал в революционных организациях, сотрудничал в революционных изданиях. В 1874 г. эмигрировал за границу. В 1879 г. вернулся в Россию, был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, после чего был сослан в Якутию. По дороге заболел и более шести месяцев провел в Красноярской тюремной больнице. Получил разрешение отбывать ссылку в Минусинске, где познакомился с Н.М. Мартьяновым. Клеменц помогает Мартьянову разбирать коллекции музея, готовить исследовательские экспедиции. В 1883 г. Клеменц участвовал в экспедиции по изучению Восточного Алтая и Западных Саян в верховьях рек Томи и Абакана. Ежегодно проводил географические и геологические исследования на реках Абакан и Мрассу, на Телецком озере, в Западных Саянах и на Алтае. Автор научного труда «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» (Томск, 1886). Был избран членом-корреспондентом Московского отделения Русского географического общества. В Сибири прожил около 15 лет, изучал антропологию и этнографию народов Сибири. Клеменц активно способствовал развитию музейного дела в Сибири (участвовал в создании музейных экспозиций в Минусинске, Красноярске, Ачинске, Томске, Кяхте, Якутске). В 1902 г. переехал в Санкт-Петербург, работал хранителем Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III. В 1910 г. вышел в отставку и переселился в Москву, где умер 8 января 1914 г.
 13. *Клеменц, Д.А.* Предварительные сведения об экскурсии Д.А. Клеменца в Ачинский и Канский округа // Известия Восточного отдела Императорского Русского Географического Общества. – Иркутск, 1889. – Т. XX, № 1. – С. 46–47.
 14. Матвеева Юлия Петровна (урожденная Кузнецова) (1865–1920) – дочь красноярского золотопромышленника П.И. Кузнецова, основательница Красноярского краевого краеведческого музея (вместе со своим супругом И.А. Матвеевым). Прекрасное образование, полученное в Санкт-Петербурге, дружба с художником В.И. Суриковым, археологом И.Т. Савенковым, богатое состояние – все это дало ей возможность внести значительный вклад в создание музея. В числе даров, переданных Матвеевой музею, картина В.И. Сурикова «Милосердный самарянин», полученная в дар от художника. Матвеев Иннокентий Алексеевич (1857–1936) – красноярский промышленник, меценат, основатель Красноярского городского музея. В 1889 г. он вместе с супругой Ю.П. Матвеевой стал инициатором создания музея. В 1882 г. И.А. Матвеев окончил ветеринарное отделение Петербургской военно-медицинской академии. В 1889–1892 гг. – член Красноярской городской управы, в 1891–1894 гг. – городской голова. И.А. и Ю.П. Матвеевы предоставили для временного помещения музея несколько комнат в своем доме и взяли на себя все расходы по музею. Нумизматические, этнографические, художественные коллекции, принадлежащие Матвеевым и Кузнецовым, были подарены ими музею и положили начало его основанию. С 1923 г. он – почетный член Коллегии музея. И.А. Матвеев внес значительный вклад в общественную и культурно-просветительную жизнь города. Ему принадлежит инициатива создания публичной библиотеки, первой женской фельдшерской школы в Сибири. В бытность свою городским головой Матвеев открывает «Переселенческий комитет» для оказания помощи переселенцам. Долгое время он был почетным мировым судьей.
 15. Кузнецова Александра Александровна – исследователь и меценат. Дочь красноярского

- купца А.П. Кузнецова. В 1896 г. окончила историко-филологический факультет Бестужевских высших женских курсов в Петербурге. Вышла замуж за красноярца А.А. Ярилова, впоследствии доктора философии, ученого-почвовед. В 1897 г. вместе с мужем и П.Е. Кулаковым участвовала в экспедиции по изучению хозяйства и быта хакасов.
16. Кулаков Петр Ефимович (1867–1937) – этнограф и статистик. Родился в Симферополе Таврической губернии, в семье отставного надворного советника. Учился в Санкт-Петербургской гимназии. В 1890 г. за участие в террористической организации был выслан в Иркутскую губернию. В 1897 г. был назначен секретарем Енисейского губернского статистического комитета. Был награжден малой серебряной медалью Русского географического общества за проведенные исследования в Енисейской губернии (1889). В дальнейшем проживал в Крыму и Казахстане.
17. *Кузнецова, А.А., Кулаков, П.Е.* Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск, 1898. – С. 176.
18. *Яковлев, Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск, 1900. – С. 26.
19. Адрианов Александр Васильевич (1854–1920) – этнограф, путешественник, археолог, ботаник. Родился в семье священника Алексеевской церкви. В 1874 г. окончил Тобольскую гимназию. Осенью 1874 г. Адрианов поступил в Петербурге в Медико-хирургическую академию, откуда в 1875 г. перевелся в Императорский Санкт-Петербургский университет, на второй курс физико-математического факультета. 5 февраля 1879 г. получил степень кандидата. Огромное влияние на дальнейшую судьбу оказала его встреча в Петербурге с лидерами сибирского областнического движения Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным. Член ИРГО (с 1879). В 1881 и 1883 гг. совершил два путешествия на Алтай и за Саяны по поручению ИРГО. В 1880–1905 гг. жил и работал в Томске, Минусинске, Красноярске, Иркутске. В мае 1887 г. поступил на государственную службу в Томское губернское управление: сначала на должность секретаря губернского статистического комитета, затем чиновника по особым поручениям. В 1889–1913 гг. служил чиновником по акцизному ведомству. Совмещал служебные обязанности с исследовательской работой, в том числе с раскопкой курганов, составлением коллекций, гербариев, сбором этнографического материала. Исследовал историю, археологию и этнографию хакасов, проводил раскопки курганов Хакасско-Минусинской котловины. В марте 1917 г. Адрианов возвратился в Томск. В декабре 1919 г. арестован большевиками. В марте 1920 г. по приговору Томской ЧК расстрелян по обвинению борьбы с советской властью.
20. Кон Феликс Яковлевич (1864–1941) – польский революционер, ученый-этнограф, публицист. Родился в Варшаве. Учился во Второй Варшавской гимназии. После окончания гимназии поступил в Варшавский университет. Во время учебы в университете стал членом польской социалистической партии «I Пролетариат». Контактничал с народнической организацией «Народная воля». В 1884 г. был арестован и приговорен к 10 годам каторжных работ. В 1886 г. был доставлен в Нижне-Карийскую тюрьму (Якутия). До 1891 г. был на Карийской каторге. По окончании срока каторги был обращен на поселение в село Чурапча (Якутия). За участие в протестах ссыльных отправлен на поселение в Намский улус. Жил в Иркутске (1895–1897), где работал в редакции газеты «Восточное обозрение». Жил в Минусинске (1897–1904) под надзором полиции. В ссылке Кон занимался исследованиями коренного и русского старожильского населения Сибири. В Минусинске проводил этнографические исследования хакасов и тувинцев. В 1904 г. после окончания срока ссылки вернулся в Варшаву и активно занялся политической деятельностью. В 1907–1917 гг. находился в эмиграции. В мае 1917 г. вернулся в Россию. В 1918 г. вступил в РКП (б). В 1920–1930-е гг. занимал различные должности в советском и партийном аппарате. Умер 28 июля 1941 г. во время эвакуации из Москвы.
21. Макаренко Алексей Алексеевич (1860–?) – этнограф и публицист. Учился в реальном училище в Харькове. В 1881 г. примкнул к народникам. В 1886 г. за участие в революционном движении был сослан в Сибирь, где жил сначала в с. Ужур, затем до 1897 г. в с. Казачинском и Красноярске. Литературную и научную деятельность начал в первые годы ссылки корреспонденциями в газете «Восточное обозрение» и др. сибирских газетах и журналах. С 1902 г. работает в Петербурге в Русском музее, где заведует отделением этнографии народов Сибири и Дальнего Востока. В 1904, 1906, 1913 и 1923 гг. совершил научно-исследовательские поездки в разные районы Сибири и Дальнего Востока.
22. Головачев Петр Михайлович (1861–1913) – историк и географ, исследователь Сибири, деятель сибирского областничества. Родился в Кузнецке Томской губернии в купеческой семье. Учился в Кузнецком городском училище, затем в Томской классической гимназии. В 1887 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1889–1893 гг. преподавал историю, географию и русский язык в средних учебных заведениях Енисейска и Тюмени (Александровское реальное училище). В 1895 г. переехал в Москву и в том же году сдал при Московском университете магистерский экзамен по русской истории, после чего стал

- приват-доцентом по кафедре русской истории. Первым начал читать курс экономической географии Сибири в Санкт-Петербургском политехническом институте, Московском университете и Московском коммерческом институте. В период 1905–1908 гг. редактировал журнал «Сибирские вопросы» и одноименный периодический сборник. В 1908 г. стал одним из учредителей петербургского «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта». В 1910–1912 гг. преподавал испанский язык на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге. В 1913 г. преподавал историческую географию Сибири в Императорском Московском археологическом институте.
23. *Адрианов, А. В.* Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. – СПб., 1911–1912. Т. 1. – С. 103.
24. Там же. – С. 103.
25. Там же. – С. 108.
26. Там же.
27. *Просвиркина София Константиновна* (1881–1971) – график, этнограф. Родилась, по одним сведениям, в Бузулуке Самарской губернии, по другим – в Томске. Юность прошла в Томске, где и прошло ее становление как человека и художника. Большое влияние на формирование ее взглядов оказали сибирские ученые-областники Г. Н. Потанин, А. В. Анохин и А. В. Адрианов. В 1911 г. оканчивает Томскую женскую гимназию. В 1916 г. оканчивает Московское Строгановское училище и возвращается в Томск, где работает учительницей в школах. С 1924 г. работает научным сотрудником Государственного исторического музея.

Р. П. Абдина

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В ЛЕКСИКЕ ХАКАССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ

В статье рассматривается заимствованная из монгольского языка лексика, относящаяся к хакасской традиционной одежде. Зачастую монгольские заимствования на материале хакасского языка не всегда поддаются этимологическому

анализу. Некоторые слова продолжают функционировать в современном хакасском языке.

Ключевые слова: лексика, традиционная одежда, заимствования в языке, хакасский язык.

Р. П. Абдина

BORROWED WORDS IN THE VOCABULARY OF TRADITIONAL KHAKASS CLOTHING

The article deals with the vocabulary borrowed from the Mongolian language and related to the Khakass traditional clothes. Often Mongolian borrowings on the material of the Khakass language are not always amenable to etymological analysis.

Some words continue to function in the modern Khakass language.

Key words: language, traditional clothing, borrowing the language of the Khakass language.

Словарный состав языка изменяется и становится богаче и разностороннее не только за счет внутренних ресурсов языка, но также и благодаря контактам с другими языками, за счет заимствования определенных слов. Заимствование является одним из неперемных источников пополнения словарного состава языка. Заимствованная лексика занимает особое место в лексической системе языка. Известно, что в момент вхождения иноязычного слово переносится в язык и лишь в процессе освоения, подстраиваясь к фонетико-морфологическим и семантическим нормам данного языка, изменяет свою звуковую оболочку и смысловой объем. Это, наряду с другими показателями, и дает право считать лексему заимствованной.

Лексические заимствования проникают в язык двумя путями: при непосредственном живом общении народов и через письменную литературу. «В обоих случаях, – пишет академик Б. М. Юнусалиев, – слово, попавшее в иноязычную среду, не сразу становится общенародным и активным в лексиконе всего языкового коллектива. Оно как бы проходит испытательный срок. Его дальнейшая судьба зависит от многих обстоятельств, в том числе от значимости обозначаемого им понятия в жизни народа. Заимствуется и закрепляется в языке не всякое слово, а то слово, которое выражает отсутствовавшее в языке понятие»¹.

Хакасский народ тысячелетиями жил в тесном контакте со многими народами, языки

которых относятся к различным семьям. Вступая с ними в контакт, хакасы перенимали у этих народов и определенные виды одежды или отдельные ее элементы, материалы, способы изготовления и т.д. и вместе с ними их названия. В данной статье мы рассмотрим лексику, относящуюся к традиционной одежде хакасов, заимствованную из монгольского языка.

Вопрос о заимствованиях из монгольского языка давно уже начал привлекать внимание исследователей сибирских тюркских языков. На важность исследования взаимодействия хакасского языка с монгольскими языками указывает Е.И. Убрятова: «Для его происхождения очень важно выяснение его взаимодействия с языками других семей, в частности, с монгольскими языками. Оно важно и для выяснения этногенеза хакасского народа»².

Основной пласт заимствований из монгольского языка приходится на период с XIII в. по XVII в. Монголы оказали сильное влияние на язык и культуру народов Саяно-Алтайского нагорья, особенно во время нашествия Чингисхана, когда древнехакасское государство одним из первых подверглось нападению. В это время в язык вошло очень много монголизмов, которые нашли место и в лексико-тематической группе одежды хакасов. Некоторые слова на сегодняшний день в современном хакасском языке относятся к разряду архаизмов. Например: *арчол* – платок. В современном хакасском языке платок называется термином *плат*. В этнографической научной литературе отмечается, что данный головной убор, следовательно, и само название были заимствованы у русских в начале XIX в. «Старики у качинцев помнят, что лет 100 тому назад покупные платки совсем не были в употреблении...»³. Здесь нельзя не согласиться с мнением Ц.Б. Базаровой о том, что «в дооктябрьский период были заимствования не из русского литературного языка, как на современном этапе, а из местных русских говоров, с носителями которых поддерживались экономические и культурные связи. Возможно, что основой заимствования явилось слово *плат*, восходящее к старославянскому *плать*. Слово *плать*, отмеченное в болгарском, украинском языках, в русских народных говорах употреблялось параллельно со словом *платок*»⁴. Если бы основой заимствования послужило слово *платок*, то по фонетическому закону хакасского языка следовало бы ожидать слово в следующем фонетическом оформлении: *полток* (вместо *плат*). Слово *арчол*, по мнению Шibaевой, назывался «...вид древнего хакасского головного убора, форма

которого уже забыта и теперь осмысливается как привычная в настоящее время – головной платок...»⁵. Однако данный термин в значении «платок» существует в алтайском – *арчуул* и в других языках: монг. *алчуур*; тув. *аржсыл*. По всей видимости, данный термин монгольского происхождения от монг. *арчы*- ‘вытираться’.

Относительно монгольских заимствований в работе Ю.Л. Шibaевой содержится сообщение о том, что «раньше качинцы носили другую обувь – монгольского типа, с нашивной подошвой и характерным легким загибом носка вверх»⁶. Интересно, что в качинском диалекте хакасского языка обувь обозначается термином *маймах*, который произошел от монгольского *най* ‘нога’. Отсюда происходит и хакасский термин *пойтах* ‘носки из овчины или собачьей шкуры шерстью вовнутрь’.

Некоторые детали обуви также представлены терминами, заимствованными из монгольского языка, например *түрей* – голенище⁷. Данное слово в семантическом плане было подвергнуто опрощению, при котором производная основа, ранее распадавшаяся на морфемы, становится непродушной. Эти слова в ходе развития языка приобретают новые значения, т.е. по смыслу отдаляются от производящей основы корня. Современный глагол *түр-*, от которого в прошлом образовано слово *түрей*, обозначает понятия ‘свертывать, заворачивать’. От данной основы произошло и слово *түргек* ‘катушка ниток; кусок ткани’.

На фонетическом уровне причиной, вызывающей опрощение, могут быть различные звуковые изменения. В хакасском языке таковыми являются ассимиляция и чередование согласных, метатеза, редукция и выпадение звуков и т.д. При выпадении заднеязычных *з*, *г* или *й* в интервокальной позиции происходит стяжение гласных, в результате чего образуется один долгий звук. Такие фонетические изменения также выступают исходным моментом опрощения. Например, глагол *иур-* ‘прясть’, образованный в прошлом от корня *ийг* ‘веретено’. В современном языке *ийг* вытеснено словом вторичного образования *иурчик*, *орчых* ‘веретено’, которое также является заимствованным из монгольского языка⁸. Хотелось отметить, что монгольские заимствования на материале хакасского языка не всегда поддаются этимологическому анализу. Например: *хурчу*, *хурунчу* – наперсток (в монг. *хурунчи* ‘наперсток’ от *хуруу* ‘палец’).

Следующее слово, заимствованное из монгольского языка, *мелей* – рукавицы. Слово *мелей* активно используется в современном хакасском

языке и участвует в образовании новых лексических единиц. Так, праздничные рукавицы называются *хоостан мелей* (букв.: *хоос*- ‘узор, рисунок’). Лицевая сторона такой рукавицы вышивается разноцветными шелковыми нитками. Шов большого пальца также украшается узорами. Большой палец рукавицы, как и его вышивка, называется *иргек*. Правильно пришить его к рукавице трудно. Недаром у хакасов на этот счет существует поговорка: *Ирге парары оой полхаң, иргек хазыры сидік полхаң*. – Легко замуж выходить, но трудно большой палец пришить (т.е. стать мастерицей нелегко). Кроме того, умелых мастериц называют *иргектіг, иргеен*. Перчатки в хакасском языке носят название *салаалыг мелей*. Например: *Көөн ухтар, чаккүс кичең салаалыг мелейлер сох салган Кнай. Аалдагы прай даа хыстар Кнайның иргеенең позаан мелейлерні, чулуктарны кис чөрчелер. Ниме итсін зе чазыда күн тооза. Идер ис чох одырганха, түк ширче, сиир чип хатча, мелей хоостапча; чулук, салаалыг мелей, көгенек соххлалпача; аннаңар күннің дее ізігі паза узуны нлдірбинче.*⁹ – Много носков, хозяйственных перчаток связала Кнай. Почти все девушки в деревне носят рукавицы и чулки, связанные рукодельницей Кнай. Что же делать целый день в поле. Чем сидеть без дела из-за отсутствия ткани, прядет шерсть, скручивает в нитки волокна жил животных, вышивает узоры на рукавицах; вяжет чулки, перчатки, рубашки и не замечает жару и как проходит время.

Данная лексема встречается во многих языках: алт. *меелей* ‘варежки, рукавицы’; башк. *бей-элэй*, бур. *бээлей*, каз. *биялай*, калм. *бээле*, монг. *белиий*, шор. *мелей* ‘варежки, рукавицы’.

Из монгольского языка заимствованы не только названия видов, деталей одежды, но также и материалы, используемые при изготовлении одежды. Например, *хурусха*. Слово *хурусха* в хакасском языке имеет значение ‘мерлушка’, т.е. шкура ягненка. Для обозначения ягненка существует слово *хураган*. Сходные обозначения используются в монгольских языках. Ср.: бур. *хурьган*, калм. *хурһн* ‘ягненок’, монг. *хурга* ‘ягненок’, *хурганы арьс* ‘мерлушка’.

Слово *хурусха* используется при обозначении разновидностей шапок: *хурусха пөрік* – шапка из мерлушки. Например: *Анда пір хара тонны чайбанхыхха чабынган, хара хурусха пөріктіг, симіс сырайлыг кізі турча*¹⁰. – Там стоит толстый человек с широким лицом, накинув на плечи черную шубу и в черной шапке из мерлушки.

Таким образом, заимствования в языке – это неизбежный процесс, подтверждающий жизнь и развитие языка. Заимствованные слова подвергаются фонетическому освоению по законам звуковой системы принимающего языка и не всегда поддаются этимологическому анализу. Исследование этой лексики позволяет выявить ценный материал для установления исторических и лингвистических взаимоотношений между языками и культурами различных этносов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Юнусалиев, Б.М. Киргизская лексикология. – Ч. I. Развитие корневых слов. – Фрунзе, 1959. – С. 110.
2. Убрятова, Е.И. Из выступлений // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1959. Вып. VII. – С. 140–146.
3. Кузнецова, А.А., Кулаков, П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск, 1898. – С. 168.
4. Базарова, Ц.Б. Национальная одежда агинских бурят: лексико-семантический аспект. – Улан-Удэ, 2003. – С. 77.
5. Шибаева, Ю.А. Одежда хакасов. – Сталинград, 1928. – С. 68.
6. Там же. – С. 66.
7. Белоглазов, П.Е. Заимствованные слова в хакасском фольклоре // Научное обозрение Саяно-Алтая. – № 3(15). – 2016. – С. 9–12.
8. Там же.
9. Доможаков, Н.Г. Ыраххы аалда. – Абакан, 1987. – С. 198.
10. Кобяков, В.А. Айдо. – Абакан, 1987. – С. 262.

Ч.М.-Х. Тензин

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ (по результатам социологических исследований в Республике Тыва)

В статье рассматриваются проблемы изменения семейных ценностей, взаимоотношений в тувинской семье. Приводятся данные социологических исследований, проведенные в 2016 и 2018 гг. совместно с Агентством по делам семьи

и детей Республики Тыва. Это позволило сделать следующие выводы. В Туве преобладают традиционные, нуклеарные, патриархальные семьи, доминируют традиционные семейные ценности, однако сократилось количество расширенной

семьи, имеющей материальный достаток и благополучие. Социально-экономическое положение влияет на внутрисемейные отношения, на духовный, культурный, психологический уровень в семье. Когда сокращается занятость и

материальные условия жизни, тогда повышается девиантное поведение в семье.

Ключевые слова: семья, тувинцы, ценности, социально-психологическое самочувствие, девиантное поведение.

Ch. M.-H. Tenzin

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF FAMILY IN EASTERN RUSSIA (according to the results of sociological research in the Republic of Tuva)

In the article discusses the problems of changing family values, relationships in the family in tuvan society, which provides scientific data on sociological research conducted in 2016 and 2018, together with the Agency for Family and Children of the Republic of Tuva. In Tuva there are many traditional, nuclear, patriarchal families, traditional family values dominate, but the number of large families with

material prosperity and well-being has decreased. The socio-economic situation influences family relationships, the spiritual, cultural, psychological level in the family, when employment and material living conditions decrease, then deviant behavior in the family increases.

Key words: family, Tuvans, values, social and psychological health, deviant behavior.

Актуальность исследования института семьи основана на результатах гендерных исследований по темам социального положения мужчин и женщин Тувы, которые были проведены в 2010 и 2011 гг.¹ Далее в 2016 г. было проведено социологическое исследование «Роль семьи в формировании устойчивого психологического состояния детей» с целью выявления структуры института семьи в Туве, определения особенностей взаимоотношений между родителями и подростками, изучения причин суицидального поведения у детей². Учитывая основные результаты предыдущих исследований, в 2018 г. было проведено пилотное исследование в изучении конфликтного состояния в семье³.

матери. Распространяются повторные и гражданские браки, тогда воспитанием детей занимаются мачехи, отчимы – и эти новые формы брачных отношений трансформируют семейные взаимоотношения и ценностные ориентации. Негативное влияние на эти отношения начинается тогда, когда актуализируется психологическая неустойчивость, конфликтность, агрессивность и насилие в семье. Так, при появлении многобрачных (полигамных) отношений, при смене брачных партнеров меняется связь биологических родителей и детей. При таких отношениях родители теряют психологическую, педагогическую, законную связь с детьми, особенно при разводе.

Социологические исследования по гендерным, семейным отношениям направлены на выявление изменений в ценностных ориентациях, в брачных и семейных отношениях, в ролях и статусах мужчин и женщин. Если изменения в институте семьи происходят в сторону отклонения, то это вызывает сильную тревогу и волнение, потому что утрачиваются не только традиционные формы отношений в семье и правильное взаимоотношение акторов (участников) в семье, но и теряются основные функции института семьи – это воспроизводство поколений, трансляция традиционных, культурных ценностей, безопасность членов семьи.

Кризис семейных ценностей отражает кризис всего общества, его нравственное падение, духовный недостаток, дефицит моральных устоев и норм. Эту проблему необходимо изучать и исследовать специалистам в области гуманитарных наук с использованием социокультурных, исторических, этнографических, психолого-педагогических подходов и по мере возможности рекомендовать меры по изменению ситуации.

В настоящее время произошли искажения воспитательной функции внутрисемейных отношений, например, из-за появления матерей-одиночек, воспитанием детей занимаются бабушки и дедушки, иногда из-за отсутствия обоих родителей они заменяют роль отца и

Укрепление социального института семьи и защита традиционных семейных ценностей являются важнейшими задачами в Туве. Для устойчивого развития тувинского общества необходимо реализовать семейную политику, направленную на сокращение числа разводов, девиантных семейных отношений, уменьшение кризисов внутрисемейных и гендерных отношений, устранение отклонений семейных ценностей для снижения социально-психологической напряженности в семье.

Для достижения данных задач были проведены социологические исследования поэтапно: первый этап исследования начался с 10 мая по 10 июня 2016 г. в г. Кызыл и 2 кожуунах Тувы: Дзун-Хемчикский (с. Хайыракан, Бажаан-Алык) и Кызылский (пгт. Каа-Хем, Сукпак). Было опрошено 682 человека, в т.ч. 454 учащихся муниципальных общеобразовательных школ Республики Тыва и 228 родителей, имеющих детей подросткового возраста. Второй этап исследования продолжился с 11 по 30 апреля 2018 г. в г. Кызыл, Ак-Довурак и 6 кожуунах Тувы: Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Каа-Хемский, Пий-Хемский, Тандинский, Улуг-Хемский кожууны, где приняли участие 1220 человек. На втором исследовании в сборе анкет приняли участие сотрудники Агентства по делам семьи и детей Республики Тыва и учителя из общеобразовательных школ.

Результаты исследований: в целом из наших исследований выявилось, что институт семьи имеет определенную социальную структуру. В динамике изучения (2016–2018) данная структура кардинально не изменилась, где основной формой является нуклеарная семья (66,1%) с двумя и тремя детьми, с патриархальным и патрилокальным видами отношений. Мужчина (отец) в тувинском обществе занимает главенствующее положение (с этим согласилось большинство 58,1% взрослых и 74,9% подростков).

В структуре семейных ценностей доминируют – здоровье (54,1%), любовь (46,4%), дети (44,4%). В тувинском обществе преобладают традиционные семьи, для которых первостепенным и важным являются духовные, культурные, нематериальные ценности.

Однако для реализации важнейших функций института семьи необходимы жизненные условия – это устроенный быт, здоровое питание, правильный образ жизни, которые влияют на качество, уровень и продолжительность жизни человека. Соблюдение данных условий жизни приводит к здоровой психологической атмосфере в семье, педагогической направленности, к повышению моральных качеств, к укреплению семейных традиций и обычаев. Развитие духовной составляющей в семье основывается на воспитании усилий, терпения, которые способствуют преодолеть трудности жизни.

В тувинском обществе исторически браки, семьи (роды, кланы) укреплялись только тогда, когда были развиты расширенные семьи, в которых проживали несколько поколений. В таких семьях особое внимание уделяли старшему поколению, бережно относились к пожи-

лым людям. Они в свою очередь передавали и делились опытом, традиционными знаниями и верованиями. Расширенная семья распределяла достаток равномерно всем членам семьи, практически отсутствовали бедные и нищие люди.

Сегодня низкое материально-имущественное положение семьи влияет на социально-психологическое самочувствие членов семьи. Неустойчивость в социально-психологическом состоянии начинается тогда, когда в семье утрачиваются тесные связи и отношения между детьми и взрослыми, родителями, родственниками, со старшим поколением. Если члены семьи дружески относятся друг к другу, поддерживают родственные отношения, помогая друг другу, то вероятность деградации будет отсутствовать. Только сплоченный семейный труд, занятость и самозанятость родителей, старших членов обеспечивает материальный достаток. Только активность мужчин (мужей, отцов) в обеспечении семьи формирует крепкие брачные узы и семейные отношения, потому что, таким образом, мужчина сохраняет главенство, мужественность, основную роль в семье. Он является главным человеком в семье, а значит, и в воспитательном процессе, а главенство укрепляется официальностью брака, традиционным укладом семьи. Однако сегодня трансформировались социальные роли мужчин и женщин в тувинском обществе. Так, женщина становится единственным добытчиком в семье, а мужчина практически не адаптируется в современных рыночных условиях. В семейных отношениях стали возрастать деструктивные эмоции, девиантное поведение, разрушающие основу порядка, морали и нравственности. Когда появляются негативные проявления в семье, теряются родственные связи и спокойные отношения в семье, изменяется основа института семьи.

Заключение: институты семьи и школы играют важную роль в формировании устойчивого психологического состояния детей в Туве, а родители и учителя способствуют полноценному развитию личности подростка. Психологическая неустойчивость во многом связана с внешними социальными проблемами и общей социально-экономической ситуацией в регионе.

Анализируя 10 показателей: взаимопонимание; общение; трудности в отношениях родителей и детей; жизненные трудности; отношение подростков к школе; защищенность детей в семье; подготовленность детей к жизни и влияние интернета; эмоциональные нарушения у детей; эмоциональное напряжение у детей; уровень духовности в семье, выявилось, что

высокими позитивными показателями оказались: «взаимопонимание», «общение», «защитенность детей в семье», «отношение подростков к школе». Средними показателями стали «подготовленность детей к жизни» и «влияние интернета». Низкими и негативными показателями стали: «уровень духовности в семье», «трудности в отношениях родителей и детей», «жизненные трудности», «эмоциональные нарушения у детей», «эмоциональное напряжение у детей». По каждому показателю обозначились проблемные зоны.

Главной причиной социального отклонения детей-подростков является чрезмерная занятость родителей (36,4%). Важной причиной суицида является нанесение вреда жизни из-за отсутствия внимания и любви в семье (47,8%). Подростки в целом разрешают жизненные трудности, однако 2,4% подростков выбирают вредные привычки, 1,5% подростков не разрешают свои трудности, которые мешают им нормально жить. 19,5% подростков находятся в неустойчивом психологическом положении. 26,8% подростков когда-то наносили вред своему здоровью.

Из второго исследования (2018 г.) выявилось, что 66,2% взрослых и 53,9% подростков отметили наличие ссор и конфликтов в семье. 29,1% взрослых и 24,9% подростков отметили, что причиной ссор и конфликтов являются различия в интересах. На втором месте у взрослых ссоры, конфликты происходят из-за невысокого уровня дохода (16,2%), далее из-за воспитания детей

(12,7%). Подростки отметили проблему в общении с родителями (13%).

Подросткам был задан вопрос: «Бывает ли у Вас желание уйти от семьи, родителей?», где 77,5% подростков ответили «нет», 22,5% – «да». У тех, кто желает уйти от семьи, первостепенной причиной является ссора, конфликты (7%), далее «нет понимания, поддержки» (5,7%).

В итоге отметим, что в современном тувинском обществе произошли изменения семейных ценностей в сторону усиления деструктивных эмоций и девиантного поведения в семье. Причиной является повышенная конфликтность в семье, разрыв поколений, а также ослабление отношений между членами семьи, особенно детей и родителей. Неправильное понимание ценностей семьи, а именно любви, поддержки, понимания, приводят к искажению целей при создании и сохранении семьи.

Необходимо ежегодно проводить мониторинг института семьи и изучать изменения семейных ценностей, чтобы снизить напряженность, тревожность, агрессивность, конфликтность, распад семьи как фундаментальной ячейки тувинского общества. Пока существует негативное влияние в семье, рост девиантного поведения в семье, распад традиционных семейных ценностей, тувинское общество будет продолжать находиться в депрессивном состоянии, следовательно, не произойдет рывок в экономическом развитии региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Научный отчет «Социальное положение женщин Тувы» / Тензин Ч. М.-Х., Харунова М.М.-Б. – 2010. № 2295 от 19.10.2010. – 121 с.; Научный отчет «Социальное положение мужчин Тувы» / Тензин Ч.М.-Х. – Кызыл, 2011. № 2303 от 26.08. 2011. – 159 с.
2. Научный отчет «Роль семьи в формировании устойчивого психологического состояния детей» / Тензин Ч. М.-Х. – Кызыл, 2016. – 44 с.
3. Проект научного отчета «Трансформация семейных ценностей в тувинском обществе» / Тензин Ч. М.-Х. – Кызыл, 2018 г. – 104 с.

М. Г. Степанов

РЕПРЕССИРОВАННАЯ АСТРОНОМИЯ

В данной статье проанализирован процесс подготовки и реализации политического уголовного процесса в отношении сотрудников Пулковской обсерватории. Показано негативное

влияние «Пулковского дела» на развитие советской астрономической науки.

Ключевые слова: репрессии, астрономия, сталинизм, Пулковская обсерватория, научная интеллигенция, «большой террор», СССР.

М. G. Stepanov

REPRESSED ASTRONOMY

Abstract: this article analyzes the process of preparing and realization of the political criminal

proceeding towards people who worked at Pulkovo observatory. This article shows negative influence

of «Pulkovo affair» on the development of Soviet astronomy science.

Рубеж 1920-х – 1930-х гг. в истории советского государства связан с активным этапом наступления на так называемых «буржуазных специалистов», которые согласились сотрудничать с новой властью после Октябрьской революции. Жестокому разгрому подверглась в этот период и астрономия.

Наряду с громкими судебными политическими процессами конца 1920-х – начала 1930-х гг., можно выделить еще одно сфабрикованное дело, направленное против геологов, математиков геофизиков, геодезистов и астрономов научных и учебных заведений Ленинграда, Москвы, Киева, Харькова, Днепропетровска, Ташкента и других городов. Оно получило название «Пулковское дело» (от названия в последующем крупной обсерватории в СССР).

Пулковская обсерватория начала свою историю в 1839 г. Она была основана по указу императора Николая I и построена по проекту русского архитектора Александра Брюллова. В ходе научной деятельности обсерватория принимала участие в международных исследованиях по составлению фотографического каталога звезд. Пулково поддерживало и прежние традиции Главной обсерватории страны, куда стремились попасть на стажировку астрономы из разных стран мира и из разных уголков СССР¹.

В Пулковской обсерватории проходили стажировку военные геодезисты и гидрографы. Ученые активно участвовали в проведении экспедиций по поручению правительства, проводили политику подготовки научных кадров.

В 1927 г. Совнарком издал постановление о том, чтобы продолжить изготовление фотографического рефрактора Пулковской обсерватории. Конечно, это стало огромным событием для всех научных сотрудников Пулково.

Так, в 1927 г. директор Пулковской обсерватории А. А. Иванов писал: «Таким образом, Пулковская обсерватория к 10-летию Октябрьской революции, благодаря столь благожелательному отношению Советского правительства, получила не только надежду, но и уверенность, что она в недалеком времени будет обладать самым могущественным в мире фотографическим рефрактором»².

Однако развитие событий пошло по знаменитому трагическому сценарию 1930-х гг. В 1933 г. директором консерватории стал Б. П. Герасимович. Он был яркой личностью, полный энергией, он

Key words: repressions, astronomy, Stalinism, Pulkovo observatory, science intelligensia, «Great terror», USSR.

привлекал в обсерваторию талантливых ученых из разных астрономических учреждений.

Отчеты обсерватории за 1931–1935 гг. были полны великолепных замыслов и детально разработанных программ новых грандиозных работ на новых инструментах³.

Став директором Пулковской обсерватории, Б. П. Герасимович, по его собственным словам, «начал с огромными трудностями поворачивать ГАО по новому пути»⁴. С этой целью он прежде всего позаботился о новых кадрах астрофизиков и настойчиво ходатайствовал перед Академией наук о расширении аспирантуры и докторантуры при обсерватории.

Опорой Герасимовича стали его сотрудники Г. А. Шайн, Е. Я. Перепелкин В. Ф. Газе, И. А. Балановский (заменивший Герасимовича на посту заведующего Астрофизическим сектором), Н. И. Идельсон. Директора-астрофизика в руководстве ГАО прекрасно дополнял его заместитель по научной части, крупный астрометрист Н. И. Днепровский. Из этих наиболее близких сотрудников Герасимовича впоследствии четверо разделили горькую участь директора⁵.

С 1934 г. на базе Пулковской обсерватории началась подготовка к солнечному затмению. Уникальность этого затмения состояла в том, что вся полоса полной фазы проходила по территории СССР – от черноморского кавказского побережья до тихоокеанского.

Впервые решено было провести исследование Солнца во время затмения по единой программе на шести стандартных коронографах отечественной конструкции и изготовления, размещенных вдоль полосы затмения. Тень Луны проходила ее за 2 1/2 часа, что позволяло проследить развитие деталей на краю солнечного диска⁶.

В ходе подготовки к солнечному затмению шла активная переписка с зарубежными астрономическими учреждениями и астрономами, которые стремились приехать на затмение. Широкие зарубежные контакты директора ГАО Б. П. Герасимовича не могли не привлечь пристального внимания органов государственной безопасности, одной из функций которых являлась контрразведка.

В феврале 1936 г. на сессии Физической группы АН СССР Б. П. Герасимович доложил об основных целях наблюдений: определение формы короны, цветовой температуры, изучение спектра вспышки, ионизации короны, изучение хромосферы, протуберанцев⁷.

В результате проведенных экспедиций было получено в сумме 60 негативов спектров хромосферы и короны в диапазоне от 3100 до 10000 Å⁸. На заседании физической группы АН СССР 5 июля 1936 г. работа была отмечена благодарностью и премией академии. Было рекомендовано немедленно начинать подготовку к следующему видимому в СССР затмению Солнца 21 сентября 1941 г. Отмечалась и необходимость «закрепить научные связи с иностранными астрофизиками, установившиеся в совместной работе по затмению»⁹.

Несмотря на все успехи Пулковской обсерватории, 1936 г. стал последним взлетом ее работ. Солнечное затмение 1936 г. вошло в историю под названием «большое советское затмение»¹⁰.

В это время развернувшаяся в стране борьба с «вредителями», чистки в научных учреждениях привели к созданию в стране атмосферы «доносительства». В итоге Главной астрономической обсерватории в 1936 г. было предъявлено обвинение по подозрению в «участии в фашистской троцкистско-зиновьевской террористической организации, возникшей в 1932 г. по инициативе германских разведывательных органов и ставившей своей целью свержение Советской власти и установление на территории СССР фашистской диктатуры»¹¹.

С 1936 г. началась активная работа следственного органа по выявлению «контрреволюционных вредительских организаций» в рядах научно-технической интеллигенции Ленинграда. Этот город рассматривался НКВД СССР как «контрреволюционный центр», созданный в 1932 г. и состоящий из сотрудников научных и образовательных учреждений – ГАО, ЛГУ, ЛГИ, ЦНИГРИ и др.

Разветвленная «организация» с центром в Ленинграде «имела» филиалы в Москве, Киеве, Харькове, Днепропетровске, Новосибирске и других городах. Так возникла геофизическая ветвь будущего «Пулковского дела»¹².

В ходе судебного следствия против подсудимых были выдвинуты обвинения по пп. 6, 7, 8, 10 и 11 ст. 58. Уголовного кодекса РСФСР¹³.

В итоге ленинградской астрономии был нанесен сокрушительный удар, от которого она еще долго не могла оправиться. С начала проведения следственного процесса началась волна необоснованных репрессий научных сотрудников, что, в свою очередь, привело к сокращению объема дел Пулковской обсерватории.

В ходе судебного разбирательства следователи применяли запрещенные методы допроса: избиение, лишение сна, угроза расправы с

семьей и т. д. Многие не могли выдержать такого насилия над собой, и уже после второго или третьего допроса следователь получал нужные ему показания. Так, пулковский астроном И. А. Балановский шепнул жене во время свидания в Крестах: «Мучений не вынес, подписал, что шпион»¹⁴. В 1937 г. был признан виновным и «приговорен к 10 годам тюремного заключения с поражением в политических правах на 5 лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества»¹⁵.

Писать жалобы было бесполезно, они, как правило, оставались без ответа. Суд над подозреваемыми проходил без вывоза свидетелей, без защиты и обоснования выдвинутых обвинений¹⁶.

Одним из первых летом 1936 г. в Зырянске на Алтае был арестован геофизик, профессор ЛГИ (преподавал и в ЛГУ), сотрудник ЦНИГРИ Ю. Н. Лепешинский. В октябре за ним последовали геофизик, доцент ЛГИ, сотрудник ЦНИГРИ П. П. Кузнецов, физик-теоретик и геофизик, основоположник разведочной геофизики в нашей стране, доктор физико-математических наук, профессор ЛГУ В. Р. Бурсиан¹⁷.

В октябре 1936 г. был арестован астроном, геофизик и гравиметрист Б. В. Нумеров. Крупнейший астрометрист и теоретик в области небесной механики¹⁸, так отзывался о Борисе Васильевиче Н. В. Успенская в своей научной статье. Те, кто знал Нумерова, вспоминают его интеллектуальный блеск и энергию, особую легкость, которую он умел вносить во взаимоотношения с людьми¹⁹.

Борису Васильевичу было предъявлено обвинение в создании в 1930 г. по заданию агента германской разведки фашистской террористической организации, в установке в 1933 г. связи с представителями троцкистско-зиновьевской оппозиции и в вербовке целого ряда лиц, а также во вредительстве, направленном на срыв разведки полезных ископаемых.

25 мая 1937 г. Нумерова приговорили к 10 годам лишения свободы, а уже во время отбывания наказания в Орле по команде, данной из Москвы 13 сентября 1941 г., без дополнительного расследования и даже допроса расстреляли²⁰.

До нас дошли письма Б. В. Нумерова. В одном из них Борис Васильевич говорит о том, что его принудили дать фиктивные показания, а суд продолжался в течение нескольких минут, без вызова свидетелей, других обвиняемых, без защиты, без сопоставления фактов²¹.

Далее в ноябре 1936 г. аресту подвергся кандидат физико-математических наук Н. А. Ко-

зырев, а также инженер-геофизик ЦНИГРИ Д. Г. Успенский.

Следующими разделили эту печальную участь геофизик и геохимик А. П. Кириков, зам. директора ГАО по научной части Н. И. Днепровский, физик-теоретик, член-корреспондент АН СССР Ю. А. Крутков, ученый секретарь ГАО М. М. Мусселиус и сотрудник АН Н. И. Идельсон. В ночь с 10 на 11 февраля 1937 г. был арестован физик-теоретик, разработчик теории каротажного метода, профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР В. А. Фок²².

Аресты ученых, связанных с «Пулковским делом», продолжались в 1937–1938 гг. Еще до начала процессов 11 мая 1937 г. был арестован пулковский астроном Е. Я. Перепелкин, осужденный 17 июня на 5 лет ИТЛ, затем приговоренный в тюрьме по новому делу к смертной казни и расстрелянный 13 января 1938 г.

Последним из числа пулковских астрономов был арестован директор Пулковской обсерватории Б. П. Герасимович.

К этому времени Борис Петрович успел зарекомендовать себя как астрофизик номер один в стране. Однако его статус и научные заслуги не помогли. Б. П. Герасимовичу было предъявлено обвинение в том, что он являлся участником фашистской, террористической, вредительской шпионской организации, в которую был завербован Нумеровым; готовил террористические акты против руководителей партии и советского государства; дважды передавал шпионские сведения иностранным разведкам²³.

Следствием якобы установлено, что Герасимович проводил «вредительство в деле изучения солнечного затмения»²⁴.

Конечно, становится ясно, почему данная причина сыграла главную роль в вынесении обвинения. С 1934 г. Борис Петрович активно трудился над подготовкой и проведением солнечного затмения, помощь в этом ему оказывали десятки советских и зарубежных экспедиций.

Постоянные тесные связи с зарубежной наукой и стали ключевым аргументом в вынесении обвинения.

Герасимович разоблачен как враг народа и 30 июня с. г. арестован органами НКВД²⁵. В этот же день он был расстрелян.

Мировая научная общественность была потрясена разгромом советской астрономии, учиненным в 1936–1937 гг. в Ленинграде.

Доказательством этого служит письмо, написанное академиками С. И. Вавиловым и Г. А. Шайном на имя прокурора СССР А. Я. Вышинского. Оно звучало следующим образом: «Число активно работающих астрономов у нас невелико (80–90 человек), и поэтому арест большой группы (20 человек) резко бросается в глаза. Дело усугубляется еще тем, что среди арестованных имеются наиболее крупные астрономы. Едва ли будет преувеличением, если сказать, что советская астрономия потеряла в своем удельном весе не меньше 30 процентов. В некоторых отделах эти лица являются незаменимыми»²⁶.

Из письма видно, что ученые соперничают астрономам, выступают против репрессий, против наносимого науке и ее кадрам ущерба. Но все было напрасно. После репрессий, обрушившихся на пулковских астрономов и их ленинградских коллег, даже 100-летие Пулковской обсерватории не отмечалось.

Таким образом, в результате проведения массовых репрессий в стенах Пулковской обсерватории советской астрономии был нанесен большой ущерб. Пулковских астрономов арестовали по обвинению в участии в «фашистской троцкистско-зиновьевской террористической организации». В связи с этим страна потеряла большое количество талантливых ученых, а вместе с ними новые открытия, блестящие научные труды. Это были невинные люди, которые стали жертвами сфабрикованного дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Невская, Н. И.* Забытые страницы истории Пулковской обсерватории // Репрессированная наука. – 1994. – № 2. – С. 140.
2. Цит. по: *Невская, Н. И.* Забытые страницы Пулковской обсерватории. – С. 142.
3. *Огородников, К. Ф.* Памяти Б. П. Герасимовича // Развитие методов астрономических исследований. – М.-Л., 1979. – С. 509–515.
4. Цит. по: *Еремеева, А. И.* Жизнь и творчество Петра Герасимовича. – С. 284.
5. *Еремеева, А. И.* Жизнь и творчество Бориса Петровича Герасимова (к 100-летию со дня рождения) // Историко-астрономические исследования. – М., 1989. – С. 283.
6. Там же. – С. 285.
7. Цит. по: *Еремеева, А. И.* Указ. соч. – С. 290.
8. Еремеева А. И. Указ. соч. – С. 292.
9. Цит. по: *Невская, Н. И.* Указ. соч. – С. 144.
10. *Перель, Ю. Г.* Юбилей отечественной и мировой астрономии в 1964 г. // Астрономический календарь на 1964 год. – М., 1963. – С. 256–258.
11. Справка КГБ СССР о судьбе пулковских астрономов// Режим доступа: URL: <http://www>.

- ihst.ru/projects/sohist/document/pulkovo.htm (дата обращения: 10.07.2018).
12. Жуков, В. Ю. Пулковское дело // Репрессированные геологи. – М.-СПб., 1999. – С. 415.
 13. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарии / под ред. председателя Верховного Суда РСФСР И. Т. Голякова. – М., 1946. – С. 98–106.
 14. Мартынов, Д. Я. Пулковская обсерватория в годы 1926–1933. – М., 1984. – С. 447.
 15. Справка КГБ СССР о судьбе пулковских астрономов // Режим доступа: URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/pulkovo.htm> (дата обращения: 19.06.2018).
 16. Пиеничкин, А. Я. Репрессированные геологи – выпускники и сотрудники Томского политехнического // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – № 1. – С. 90.
 17. Мартынов, Д. Я. Указ. соч. – С. 453.
 18. Успенская, Н. В. Вредительство... в деле изучения солнечного затмения // Природа. – 1989. – № 8. – С. 86.
 19. Там же. – С. 88.
 20. Там же. – С. 92.
 21. Цит. по: Успенская, Н. В. Указ. соч. – С. 90.
 22. Звягинцев, В. Е. Трибунал для академиков. – М., 2009. – С. 160.
 23. Успенская, Н. В. Указ. соч. – С. 95.
 24. Мартынов, Д. Я. Указ. соч. – С. 450.
 25. Цит. по: Еремеева, А. И. Указ. соч. – С. 295.
 26. Письмо А. Я. Вышинскому по делу группы советских астрономов // Режим доступа: URL: <http://ihst.ru/projects/vavilov/letters/astronom.htm> (дата обращения: 01.07.2018).

В. П. Барабаш

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЮЖНОЙ СИБИРИ В XX в.

Статья посвящена историко-хронологическому анализу становления и развития системы музыкального образования в Южной Сибири на материалах Хакасии, Тувы, Бурятии и Красноярского края. Автор показывает последовательную политику государства в создании

ресурса музыкального образования, сети учебных заведений среднего профессионального образования.

Ключевые слова: Южная Сибирь, музыкальное образование, государственная политика, кадры.

V. P. Barabash

GOVERNMENT POLICY ON DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL MUSIC EDUCATION IN SOUTH SIBERIA IN THE 20TH CENTURY

The article is devoted to the historical analysis of the formation and development of musical education in Southern Siberia on the materials of Tuva, Khakassia, Krasnoyarsk region. The author shows in stages a consistent policy of the state in

the development of human resource in musical education, educational institutions network.

Keywords: Southern Siberia, musical education, state policy, personnel.

Формирование системы музыкального образования в Южной Сибири шло в контексте государственной политики в этой области. Приоритеты этой политики зависели в значительной степени от идеологии правящей коммунистической партии. Существовала неравномерность открытия учебных заведений по районам Сибири в хронологическом контексте. Во многом такая политика зависела от планов социально-экономического развития региона, конкретных решений партийных съездов, дипломатического лавирования политического руководства в поддержке тех или иных руководителей регионов. Не секрет, что руководство регионов стремилось открыть учебное заведение специализированного профиля, но многое опре-

делялось строчкой в государственном плане и «пробивными» способностями руководства той или иной республики или области.

Министерство культуры СССР расставляло приоритеты в области художественного образования таким образом, чтобы в каждом регионе были музыкальные училища, культурно-просветительные училища; специализированные учебные заведения: художественные, хореографические театральные училища были открыты лишь в некоторых регионах. Эта административная практика осуществлялась в зависимости от конкретных планов развития каждого региона, поэтому учебные заведения появлялись по мере возможностей регионов.

Мы исследуем лишь часть Южной Сибири – Саяно-Забайкальский район, который географически включает в себя Республику Хакасия, Республику Тыва, Республику Бурятия, Забайкальский край.

Целеустремленная работа активных музыкальных деятелей в Бурятии привела к открытию в 1931 г. техникума искусств в г. Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), на базе которого начали работу театральное и музыкальное отделения. Техникум (позже был переименован в театральное-музыкальное училище) стал учреждением, в котором были подготовлены кадры для первого бурятского театра и для музыкальных учреждений Бурят-Монгольской АССР. Началась подготовка преподавателей в открывавшиеся музыкальные школы. Большое внимание уделялось подготовке педагогических кадров для самого техникума – в 1933 г. при нем была открыта музыкальная школа. В 1936 г. музыкальное отделение техникума окончило 26 чел. Открытие специализированного учебного заведения сыграло большую роль в появлении в республике в 1938 г. государственной филармонии с симфоническим оркестром¹.

В 1957 г. начало свою работу Читинское музыкальное училище. Его появление на карте культурных учреждений Читинской области было важным событием: началась большая работа по пополнению специалистами с музыкальным образованием известных в городе коллективов: оркестра, ДМШ, театра. Музыкальное училище внесло существенную лепту в развитие в Читинской области сети музыкальных школ: к 1990 г. в области их насчитывалось 86: из них 7 – в г. Чите. В 1936 г. в регионе была одна музыкальная школа².

Кадровая проблема в музыкальном художественном образовании остро чувствовалась в таких национальных районах южносибирского региона, как Тыва (ТАССР) и Хакасская автономная область (ХАО). Проблему открытия в этих регионах музыкальных училищ поднимали видные музыканты и общественные деятели. Так, в Тыве к этому призывал руководство автономной республики первый профессиональный композитор Алексей Боктаевич Чыргал-оол. По его инициативе и благодаря его организаторским способностям в Кызыле в 1960 г. открылось музыкальное училище (впоследствии – Кызыльское училище искусств, сейчас – колледж искусств им. А.Б. Чыргал-оола)³. В Хакасской автономной области эту проблему озвучивал на страницах местной печати, сессиях областного совета трудящихся известный

композитор и музыкант А.А. Кенель. Он писал в газете «Советская Хакасия»: «Области нужны свои музыкальные кадры, нужна своя филармония, плохо с музыкальными инструментами. Нет методической практической помощи центра самодеятельным коллективам»⁴.

Усилиями общественности было найдено понимание руководства этих национальных районов и вышестоящих федеральных органов. В результате в Южной Сибири в 1960 г. появилось сразу два музыкальных училища: в г. Кызыле (Тыва) и в г. Абакане (Хакасия).

Эти учебные заведения стали базовыми по подготовке кадров для музыкальных школ и клубной самодеятельности. Появление музыкальных училищ дало толчок к расширению сети детского музыкального образования, возникновению оркестров и ансамблей различного уровня.

В конце 1960-х гг. Сибирь становится мощной базой для развития производительных сил страны. Приоритеты индустриального развития региона были зафиксированы в важнейших партийно-правительственных документах. Постепенно продолжали развиваться не только ведущие отрасли: энергетика, металлургия, лесная отрасль, но и города, их социальная инфраструктура. Возникает потребность в учреждениях культуры и искусства молодых сибирских городов, например, таких как Братск, Норильск, Усть-Илимск и др.

К концу 1960-х гг. основа среднего профессионального музыкального образования в восточносибирском регионе сложилась в следующем виде:

- 1920 г. – Красноярское музыкальное училище (Народная консерватория, музыкальный техникум, музыкальное училище, училище искусств, краевой колледж искусств им. П.И. Иванова-Радкевича);
- 1931 г. – Улан-Удэнское музыкальное училище (Бурят-Монгольский техникум искусств, музыкальное училище им. П.И. Чайковского, музыкальный колледж им. П.И. Чайковского, колледж искусств им. П.И. Чайковского);
- 1937 г. – Иркутское музыкальное училище (музыкальный колледж им. Ф. Шопена);
- 1957 г. – Читинское музыкальное училище;
- 1960 г. – Кызыльское музыкальное училище (колледж искусств им. А.Б. Чыргал-оола);
- 1960 г. – Абаканское музыкальное училище (музыкальный колледж ХГУ им. Н.Ф. Катанова);
- 1967 г. – Норильское музыкальное училище (колледж искусств);
- 1969 г. – Братское музыкальное училище (музыкальный колледж).

Четыре музыкальных училища действовали и готовили кадры преподавателей, музыкальных работников на юге Восточной Сибири.

Безусловно, музыкальные кадры готовили не только 8 музыкальных училищ. Подготовку музыкальных работников для детских дошкольных учреждений, учителей музыки для школ осуществляли музыкально-педагогические училища и музыкальные отделения педучилищ в Красноярске, Иркутске и других городах. Руководителей музыкальной самодеятельности готовили культурно-просветительные училища в Минусинске, Иркутске, Улан-Удэ, Чите. Клубные отделения для подготовки таких специалистов были открыты в Кызыле, Абакане, Норильске на базе музыкальных училищ.

Свой вклад в формирование ресурсной кадровой среды вносили высшие учебные заведения региона: с 1964 г. – Восточно-Сибирский государственный институт культуры (с открытием факультета культурно-просветительной работы), с 1978 г. – Красноярский институт искусств, а также вузы Западной Сибири, в первую очередь Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, с 1969 г. – Кемеровский государственный институт культуры. Большой вклад в подготовку музыкально-педагогических кадров для средних школ и учреждений культуры внес музыкально-педагогический факультет Иркутского педагогического института. В учреждениях культуры и искусства, музыкальных коллективах, учебных заведениях работали выпускники высших и средних специальных учебных заведений всего Советского Союза. Но музыкальные училища сыграли важную и определяющую роль в укреплении кадрового состава учреждений музыкального направления. В первую очередь это касается развития сети музыкальных школ и школ искусств.

Как отмечает красноярский музыкант-исследователь, профессор Красноярской академии музыки и театра В. А. Аверин, «... в 1960-е гг. процесс формирования школ пошел в два раза быстрее по сравнению с 1950-ми гг.». В 1971 г. в 80 музыкальных школах Красноярского края (включая Хакасию) обучалось 9615 учащихся⁵. В Туве в 1944 г. не было ни одной музыкальной школы, а в 1985 г. действовало 27 музыкальных и школ искусств⁶.

Все музыкальные училища сибирского региона, наряду с развитием классического исполнительского музыкального образования, придавали большое значение подготовке специалистов игры на народных инструментах, в том числе на национальных.

Так, благодаря целенаправленной деятельности государственных органов – управления культуры крайисполкома, руководства и педагогического коллектива Красноярского музыкального училища в Красноярском крае с 1950 по 1959 г. открылись 4 музыкальные школы в краевом центре, в городах Канске, Ачинске, Норильске, Минусинске, Енисейске, Заозерном, Уяре, Ужуре, Черногорске. Всего в 1959 г. в крае насчитывалось 18 музыкальных школ (в 1940 г. – одна музыкальная школа в Красноярске). За этот же период музыкальное училище выпустило 52 баяниста и 16 домристов, которые пополнили педагогические коллективы музыкальных школ и работали в творческих коллективах. К 1980 г. в Красноярском крае работало более 120 музыкальных школ и школ искусств и специалистов для них готовили три музыкальных училища: Красноярское, Норильское и Абаканское. Причем в 1970–1990-е гг. в музыкальных школах увеличивается количество детей, обучающихся игре на народных инструментах. Доминирующее место среди обучающихся занимали баянисты⁷.

Более сложно развивалась подготовка кадров музыкантов-народников в Читинском музыкальном училище. Отдаленность региона от центра породила острую нехватку кадров, но эти проблемы решались, и постепенно с 1960-х гг. в училище начали обучать учащихся на всех группах народных инструментов. Однако перекося в сторону подготовки баянистов существовал всегда. Так, с 1957 по 1967 г. среди 94 выпускников, окончивших народное отделение училища, было только 3 струнника. Тем не менее благодаря энтузиазму преподавателей-народников в училище более 40 лет существует учебный оркестр народных инструментов, в городе – любительский оркестр народных инструментов, проводилась и проводится огромная музыкально-просветительская деятельность.

С 1976 г. в Чите на базе музыкального училища проводится конкурс оркестров и ансамблей народных инструментов им. Н. П. Будашкина, получивший широкое признание музыкантов всей страны и сибирского региона. Читинское музыкальное училище способствовало развитию сети музыкальных школ в регионе и в центре области. Так, только в г. Чите было создано 6 музыкальных школ и школ искусств. Первая из них – Центральная детская музыкальная школа им. Б. Г. Павликовской выросла из Народной консерватории и превратилась в крупнейший методический центр для учреждений дополнительного образования музыкальной направленности.

В школе обучаются дети по 18 специальностям. Примечательно, что более половины преподавателей школы – выпускники школы и Читинского музыкального училища. В отчете музыкального училища за 1961 г. отмечалось, что в Читинской области уже открыто 11 музыкальных школ, которые нуждаются в кадрах преподавателей⁸.

Для таких регионов Сибири, как Бурятия, Тува, Хакасия, важным направлением сохранения и развития народной художественной культуры являлась поддержка образования в сфере национальной традиции тех народов, которые исконно населяли эти территории. В советские годы идеологизация всей политической системы привела к значительным перекосам в развитии культуры народов Сибири. Единая унифицированная система подготовки кадров в художественном образовании игнорировала развитие национального звена. Увлеченность народными инструментами привела к тому, что все учащиеся вне зависимости от национальности обязаны были осваивать баян, аккордеон, балалайку, домру, при этом не умея играть на традиционных народных инструментах. С большим трудом открывались классы обучения игре на традиционных инструментах в музыкальных школах и училищах. Так, в Хакасии класс чатхана в Абаканской музыкальной школе открыл ленинградец, выпускник Ленинградской консерватории А. А. Кенель. Он же создал первый в Хакасии ансамбль национальных инструментов и написал методическое пособие для обучающихся игре на чатхане⁹. В музыкальном училище национальные хакасские инструменты преподавать в 1960-е гг. было некому. Лишь в 1970-е гг. уроки игры на национальных инструментах станет вести Г. И. Челбораков.

В Бурятии в музыкальном училище в 1968 г. были открыты классы хура, чанзы, позже – иочина. Много сделали для обучения учащихся преподаватели С. Л. Балдаев, А. Ф. Захаев – родоначальники школы исполнительства на национальных инструментах. В 1971 г. в училище было открыто первым среди музыкальных училищ Сибири отделение национальных инструментов. С 1978 г. открылся класс ятаги. Большую роль в популяризации этого уникального инструмента сыграли преподаватели В. Ц. Дамбуева, Э. Доржиева, О. Иванова. Стараниями преподавателей и выпускников Улан-Удэнского музыкального училища классы национальных инструментов стали открываться в музыкальных школах республики. В настоящее время большое значение имеет образовательная деятельность Восточно-Сибирской академии куль-

туры и искусств по подготовке специалистов игры на национальных инструментах¹⁰.

В Туве профессиональное обучение связывают с организацией музыкально-театральной студии в 1936 г. и приездом советских специалистов в 1940-е гг. Оркестр тувинских национальных инструментов был создан И. Г. Мининым в 1960 г. В Кызыльском музыкальном училище национальные инструменты преподавались в рамках учебного плана оркестрово-народного отделения. Отделение национальных народных инструментов было открыто только в 1991 г. по классу чадагана, дошпулуура, игила, бызанчи, чанзы. В настоящее время в Кызыльском колледже искусств им. А. Б. Чыргал-оола и Бурятском колледже искусств им. П. И. Чайковского преподавание игре на национальных инструментах ведется планомерно, целенаправленно, с пониманием той большой миссии, которую выполняют при этом педагоги и студенты.

Безусловно, в 1990–2000-е гг. изменилась парадигма музыкального образования с точки зрения контента. Вызовы времени не позволяют игнорировать потребности населения регионов Восточной Сибири в освоении накопленных многими поколениями сибиряков духовных богатств. Эти же вызовы сталкиваются с мощным противодействием массовой культуры всему самобытному и народному. Учебным заведениям всех уровней нелегко работать в контексте новой эпохи. Не секрет, что в художественном образовании существует огромное количество проблем, которые все труднее становится решать. На глобальном уровне идут процессы оболванивания, опошления, вульгаризации вкусов молодежи. Падает интерес к традиционной народной культуре. В деле подготовки музыкантов народного направления учебные заведения сталкиваются с проблемой нежелания родителей обучать детей игре на музыкальном инструменте. Свою роль сыграло огромное социальное расслоение общества и невозможность значительной части родителей приобрести детям музыкальные инструменты, студентам и исполнителям – качественные концертные инструменты. Из года в год во всех учебных заведениях падает конкурс при поступлении студентов на народное отделение. В 2010–2012 гг. в большинстве музыкальных училищ нашего региона был недобор студентов на народные струнные инструменты. При таком положении мы скоро «днем с огнем» будем искать балалаечников и домристов, не говоря уже о гусярах и гармонистах. Идеология рыночной экономики диктует обществу нормы престижности профессий, занятий, увлечений.

Учебные заведения культуры и искусства сибирского региона: вузы, средние профессиональные учебные заведения, музыкальные школы – обладают значительным потенциалом, чтобы не сдаваться и не поддаваться трудностям. Очень важно, что есть большая часть нашего

общества в лице преподавателей, руководства учреждений, родителей, отдавших своих детей к нам на обучение, студентов и учащихся, которые понимают колоссальность задач по сохранению и развитию народной культуры, любят свою культуру, гордятся ею и уважают свои корни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Очерки истории культуры Бурятии. Т. II. Советский период / под ред. Г.Л. Санжиева. – Улан-Удэ, 1974.
2. Белоносова, И.В. Музыкальная культура Читы. – Красноярск, 2007.
3. Чыргал-оол, жизнь и творчество / авт.-сост. З.К. Казанцева. – Кызыл, 2003.
4. К 100-летию со дня рождения А.А. Кенеля. – Абакан, 1999.
5. Аверин, В.А. Таланты народные. – Красноярск, 1998.
6. Карелина, Е.К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней: исследование. – 2009.
7. Аверин, В.А. Таланты народные. – Красноярск, 1998.
8. Белоносова, И.В. Музыкальная культура Читы. – Красноярск, 2007.
9. Барабаш, В.П. Влияние хакасских сказителей на творческую деятельность А.А. Кенеля // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: Филология. – Абакан, 2011. – № 2.
10. Барабаш, В.П. Из истории обучения на национальных инструментах в учебных заведениях культуры и искусства // Чатхан: история и современность. Материалы IV Международного симпозиума. 1–4 июля 2010 г. – Абакан, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Li Yingfu – профессор Сычуаньского университета (Китай)

Matsumoto Keita – доктор наук, Университет Кюсю (Япония)

Osawa Takashi – профессор Университета г. Осака (Япония)

Warikoo Kulbhushan – профессор Университета Нью-Дели (Индия)

Абдина Раиса Петровна – ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кфн (Россия, г. Абакан)

Барабаш Валентина Петровна – заместитель директора Минусинского колледжа культуры и искусства, кин (Россия, г. Минусинск)

Валеев Рамиль Миргасимович – профессор, Институт международных отношений, истории и востоковедения КФУ, дин (Россия, г. Казань)

Валеева Роза Закариевна – доцент, Казанский государственный институт культуры, Казанский инновационный университет, кпедн (Россия, г. Казань)

Василюк Оксана Дмитриевна – Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НА, кин (Украина)

Гиенко Елена Геннадьевна – доцент кафедры космической и физической геодезии Сибирского государственного университета геосистем и технологий, ктн (Россия, г. Новосибирск)

Есин Юрий Николаевич – заведующий сектором археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кин (Россия, г. Абакан)

Кимеев Валерий Макарович – профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, научный сотрудник «Экомузeya-заповедника «Тюльберский городок», дин (Россия, г. Кемерово)

Ковалева Ольга Витальевна – старший научный сотрудник сектора археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кин (Россия, г. Абакан)

Ларичев Виталий Епифанович – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, дин (Россия, г. Новосибирск)

Марсадолов Леонид Сергеевич – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Россия, г. Санкт-Петербург)

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, дин (Россия, г. Казань)

Мартынова Юлия Александровна – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, г. Казань)

Паршиков Сергей Анатольевич – Некоммерческое партнерство «Экологический центр рационального освоения природных ресурсов» (Россия, г. Красноярск)

Полякова Ольга Олеговна – аспирант кафедры философии МГТУ (Россия, г. Магнитогорск)

Проталинская Ксения Николаевна – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, бакалавр истории (Россия, г. Новосибирск)

Скобелев Сергей Григорьевич – заведующий лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кин (Россия, г. Новосибирск)

Степанов Михаил Геннадьевич – доцент ХГУ им. Н.Ф. Катанова, старший научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кин (Россия, г. Абакан)

Сумба Рита Петровна – научный сотрудник Национального музея Республики Тыва (Россия)

Тензин Чодураа Мочак-Хаевна – Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, ксоцн (Россия, г. Кызыл)

Тугужекова Валентина Николаевна – профессор, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, дин (Россия, г. Абакан)

Харин Виктор Васильевич – член Русского географического общества, краевед, директор музея ст. Теба (Россия, г. Междуреченск)

Чебодаева Маина Петровна – кандидат искусствоведения (Россия, г. Санкт-Петербург)

Чертыков Валерий Карпович – старший научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кин (Россия, г. Абакан)

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»,
посвященной 85-летию со дня рождения
востоковеда, археолога, доктора исторических наук
Виталия Епифановича Ларичева
(27–28 сентября 2018 г.)**

Редакторы: *З. И. Султрекова, Е. В. Чезыбаев*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *Л. Г. Топоевой*
Дизайн обложки *А. В. Иптышева*

Подписано в печать 12.09.2018. Формат 60x84 1/8. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,11. Тираж 100 экз. Заказ № 251.

ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.